

ВЕСТНИК

Московского университета
имени С.Ю. Витте. Серия 2

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2026
2 (50)

ISSN 2587-9472
Эн № ФС77-77599

ISSN 2587-9472

Эл № ФС77-77599

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки

№ 2 (50)' 2026

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Главный редактор

Бабурин С.Н.,

д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры публичного права

*Московского университета имени С.Ю. Витте, заслуженный деятель науки РФ, почетный академик
Национальной академии наук Кыргызской Республики, иностранный член Академии наук Абхазии.*

Редакционный совет:

Председатель – Бабурин С.Н., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры публичного права Московского университета имени С.Ю. Витте, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, заслуженный деятель науки РФ, почетный академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, иностранный член Академии наук Абхазии;*

Арабаев Ч.И., *д-р юрид. наук, профессор, академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, вице-президент НАН КР (Кыргызстан);*

Баллыева Д.Ю., *заведующий кафедрой международного права и сравнительного правоведения Института международных отношений МИД Туркменистана (Туркменистан);*

Бандурин Н.В., *д-р юрид. наук, профессор, профессор гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);*

Букалерева Л.А., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Московского университета имени С.Ю. Витте;*

Бытко С.Ю., *д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии;*

Василевич Г.А., *д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, член-корреспондент Национальной академии наук Республики Беларусь, заведующий кафедрой конституционного права Белорусского национального университета (Белоруссия);*

Гущин В.В., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Российской государственной академии интеллектуальной собственности;*

Давитгадзе М.Д., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина;*

Землин А.И., *д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой транспортного права Российского университета транспорта, заслуженный деятель науки РФ;*

Кекеновски Й., *д-р полит. наук, профессор, профессор Университета Св. Климента Охридского (Северная Македония);*

Кожевников О.А., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева;*

Левушкин А.Н., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина;*

Ного С., *д-р юрид. наук, профессор, президент Сербской ассоциации международного уголовного права, вице-президент Пекинского Международного форума уголовного и международного уголовного права, профессор юридического факультета и заведующий кафедрой уголовного права Университета «Мегатренд» (Сербия);*

Осавелюк А.М., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина;*

Рагимов И.М., *д-р юрид. наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, заслуженный юрист Азербайджанской Республики, президент Ассоциации юристов Черноморско-Каспийского региона (Азербайджан);*

Сауляк О.П., *д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Института права и управления Московского городского педагогического университета;*

Федюнин А.Е., *д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии;*

Чанхай Лун, *д-р юрид. наук, профессор юридического факультета Университета Внутренней Монголии (Китай).*

Все права на размножение и распространение в любой форме остаются за издательством.

Нелегальное копирование и использование данного продукта запрещено.

*Системные требования: PC не ниже класса Pentium III;
256 Mb RAM; свободное место на HDD 32 Mb; Windows
98/XP/7/10; Adobe Acrobat Reader; дисковод CD-ROM 2X
и выше; мышь.*

© ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 1991–2025 ГОДАХ	7
<i>Ложечник Ирина Павловна</i>	

СОДЕРЖАНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «СОВЕСТЬ» В РОССИЙСКОМ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМЕ	19
<i>Зенковский Александр Владимирович, Тарасевич Иван Анатольевич</i>	

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

МЕХАНИЗМ ОТЗЫВА И ИЗМЕНЕНИЯ НЕЗАВИСИМОЙ ГАРАНТИИ С СОГЛАСИЯ БЕНЕФИЦИАРА	26
<i>Поваров Юрий Сергеевич</i>	

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ КРАТКОСРОЧНОГО НАЙМА ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	34
<i>Сапогов Владимир Митрофанович, Бахирева Ольга Владимировна</i>	

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ СОЗДАНИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ.....	41
<i>Грешников Даниил Игоревич, Колонтаевская Ирина Федоровна</i>	

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРЕИМУЩЕСТВЕННОГО ПРАВА НАСЛЕДНИКА	47
<i>Максуров Алексей Анатольевич</i>	

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА, УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ (ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)	57
<i>Кунц Елена Владимировна</i>	

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ПРЕСТУПНЫХ НАРУШЕНИЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ.....	62
<i>Баринов Сергей Владимирович, Уварова Ирина Александровна</i>	

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

К ВОПРОСУ О МОДЕЛЯХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ОСНОВАННЫХ НА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ РИСКОВ	70
<i>Федюнин Антон Евгеньевич, Перетяцько Наталья Михайловна</i>	

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	77
<i>Пантелеева Наталья Викторовна</i>	
ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ В АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ.....	84
<i>Одегова Людмила Юрьевна, Григорьева Наталья Виталиевна</i>	
К ВОПРОСУ О ДОКАЗЫВАНИИ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В ДЕЛАХ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)	90
<i>Забрасаев Владимир Сергеевич, Голышев Вадим Григорьевич, Егерова Олеся Александровна</i>	

CONTENTS

ISSUES OF THEORY AND HISTORY OF LAW

THE FEATURES OF LEGAL REGULATION OF ACCOUNTING DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION IN 1991–2025	7
<i>Lozhechnik I.P.</i>	

CONTENT, PROBLEMS AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF PUBLIC LAW

ON THE DEFINITION OF THE CONCEPT "CONSCIENCE" IN RUSSIAN CONSTITUTIONALISM.....	19
<i>Zenkovsky A.V., Tarasevich I.A.</i>	

RELEVANT ISSUES OF PRIVATE LAW

MECHANISM FOR REVOCATION AND MODIFICATION OF AN INDEPENDENT GUARANTEE WITH THE CONSENT OF THE BENEFICIARY	26
<i>Povarov Iu.S.</i>	

PROBLEMS OF EFFICIENCY OF REGULATION OF SHORT-TERM RENTING OF RESIDENTIAL PREMISES IN THE RUSSIAN FEDERATION.....	34
<i>Sapogov V.M., Bakhireva O.V.</i>	

USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CREATING WORKS: THE CHALLENGES OF QUALIFICATION AND ENFORCEMENT	41
<i>Greshnikov D.I., Kolontaevskaya I.F.,</i>	

PROBLEMS OF PROTECTING THE PREEMPTIVE RIGHT OF THE HEIR	47
<i>Maksurov A.A.</i>	

RELEVANT ASPECTS OF CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEEDINGS AND CRIMINALISTICS

THE PREVENTIVE VALUE OF CRIMINAL LEGISLATION CONCERNING MINORS (FOREIGN EXPERIENCE).....	57
<i>Kunts E.V.</i>	

QUANTITATIVE AND QUALITATIVE INDICATORS OF CRIMINAL VIOLATIONS OF PRIVACY	62
<i>Barinov S.V., Uvarova I.A.</i>	

SPECIFIC ISSUES OF LAW AND LAW ENFORCEMENT

ON MODELS OF LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS BASED ON RISK DIFFERENTIATION	70
<i>Fedyunin A.E., Peretyatko N.M.</i>	

A RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE LEGAL REGULATION OF INDUSTRY IN THE REPUBLIC OF BELARUS	77
<i>Pantsialeveva N.V.</i>	
ABUSE OF THE RIGHT IN ALIMONY OBLIGATIONS	84
<i>Odegova L.Yu., Grigoreva N.V.</i>	
ON THE EVIDENTIARY NATURE OF THE APPLICATION OF INTERIM MEASURES IN INSOLVENCY (BANKRUPTCY) CASES.....	90
<i>Zabrasaev V.S., Golyshev V.G., Egereva O.A.</i>	

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 1991–2025 ГОДАХ

Ложечник Ирина Павловна¹,
e-mail: finpravo-nsk@yandex.ru

¹Новосибирский государственный аграрный университет, г. Новосибирск, Россия

В статье исследуется правовое регулирование бухгалтерского учета в Российской Федерации за период 1991–2025 гг. Автор анализирует ключевые, проблемы сближения отечественной системы бухгалтерского учета с международными стандартами финансовой отчетности (МСФО). В исследовании сделан вывод о том, что анализ современного состояния бухгалтерского законодательства позволяет вести речь о своеобразной институциональной ловушке, затрудняющей развитие эффективного правового регулирования отечественного учета и отчетности. В условиях изоляции российская система бухгалтерского учета не только не стала полноценной частью глобальной системы (МСФО), но и в значительной степени ослабила связь с реальными нуждами национальной экономики.

В качестве итога проведенного исследования предлагается вывод автора о том, что унификация правового регулирования бухгалтерского и налогового учета в России по китайской модели не является реалистичной в полном объеме из-за фундаментальных различий в целях и институциональной среде. Между тем, предметом научного поиска должен стать не прямой перенос китайской модели, а разработка гибридной российской модели «управляемой конвергенции», использующей цифровые технологии для снижения издержек при сохранении концептуальной независимости бухгалтерского учета для целей, отличных от фискальных.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: правовое регулирование, бухгалтерский учет, история развития бухгалтерского учета, стандарты бухгалтерского учета, ПБУ, РСБУ, МСФО

THE FEATURES OF LEGAL REGULATION OF ACCOUNTING DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION IN 1991–2025

Lozhechnik I.P.¹,
e-mail: finpravo-nsk@yandex.ru

¹Novosibirsk State Agricultural University, Novosibirsk, Russia

The article examines the legal regulation of accounting in the Russian Federation for the period 1991–2025. The author analyzes the key issues of aligning the domestic accounting system with International Financial Reporting Standards (IFRS). The study concludes that the current state of accounting legislation presents a unique institutional trap that hinders the development of effective legal regulation for domestic accounting and reporting. In the context of isolation, the Russian accounting system has not only failed to become a full-fledged part of the global system (IFRS), but has also significantly weakened its connection to the real needs of the national economy.

As a result of the study, the author concludes that the unification of legal regulation of accounting and tax accounting in Russia according to the Chinese model is not realistic in full due to fundamental differences in goals and institutional environment. Meanwhile, the subject of scientific research should not be a direct transfer of the Chinese model, but the development of a hybrid Russian model of “managed convergence”,

using digital technologies to reduce costs while maintaining conceptual independence of accounting for purposes other than fiscal.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: legal regulation, accounting, accounting history, accounting standards, RA (Regulations on Accounting), RAS (Russian Accounting Standards), IFRS

Правовое регулирование бухгалтерского учета в начале 1990-х гг. представляет собой весьма эклектичную совокупность нормативных актов, включающую в себя различные методические рекомендации и инструкции, часто противоречащие друг другу и не всегда адекватные складывающимся условиям переходной экономики. Поэтому главной задачей в данной сфере правоотношений становится создание единой системы правового регулирования бухгалтерского учета и его адаптация к реалиям экономики во всем многообразии форм собственности и хозяйствующих субъектов.

Первым нормативным актом в области бухгалтерского учета постсоветской России стал приказ Министерства финансов РФ от 20.03.1992 г. № 10¹, который установил ключевые принципы, задачи и правила бухгалтерского учета в новых экономических условиях:

- формирование полной и достоверной информации о хозяйственных процессах и результатах деятельности предприятия;
- обеспечение контроля за наличием и движением имущества;
- своевременное предупреждение негативных явлений в хозяйственно-финансовой деятельности, выявление и мобилизация внутрихозяйственных резервов;
- ведение бухгалтерского учета на основе натуральных измерителей в денежном выражении путем сплошного, непрерывного, документального и взаимосвязанного их отражения, способом двойной записи в соответствии с планом счетов бухгалтерского учета;
- самостоятельность организации бухгалтерской работы и определения форм и методов ведения бухгалтерского учета;
- составление первичных документов в момент совершения операции, а если это не представляется возможным – непосредственно по окончании операции. Содержащаяся в первичных документах информация, накапливается и систематизируется в учетных регистрах, рекомендуемых Минфином РФ. Информация из учетных регистров переносится в сгруппированном виде в бухгалтерскую отчетность.

1992 год ознаменовался существенной модернизацией отчетности в связи с переходом на новый План счетов, введенный в действие Приказом Министерства финансов СССР от 01.11.1991 г. № 56².

В таблице 1 проанализированы современные изменения планов счетов бухгалтерского учета в разрезе соответствующих нормативных документов.

Официальное положение по бухгалтерской отчетности было утверждено в 1996 году ПБУ 4/96 «Бухгалтерская отчетность организации» приказом Минфина РФ от 08.02.1996 г. № 10³. Ключевые изменения включали: сокращение отчетных форм до трех (баланс, отчет о финансовых результатах и пояснений к ним), переход на нетто-оценку в балансе, введение резервов по сомнительным долгам. Эти нововведения, в частности создание резервов, усилили соблюдение принципа консерватизма, согласно которому активы следует оценивать скорее занижено, чем завышено.

Технология формирования бухгалтерской отчетности сохранила преемственность с советским периодом: данные первичных документов последовательно отражаются в учетных регистрах, после

¹ Приказ Минфина РФ от 20.03.1992 г. № 10 «Об утверждении Положения о бухгалтерском учете и отчетности в РФ». – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=1743> (дата обращения: 01.07.2025).

² Приказ Минфина СССР от 01.11.1991 г. № 56 «План счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности предприятий и инструкция по его применению». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136/ (дата обращения: 19.07.2025).

³ Приказ Минфина РФ от 08.02.1996 г. № 10 «Об утверждении положения по бухгалтерскому учету "Бухгалтерская отчетность организации" (ПБУ 4/96)». – URL: https://normativ.kontur.ru/document?documentId=17952&moduleId=1&utm_source=chatgpt.com#h87 (дата обращения: 02.07.2025).

чего систематизируются и переносятся в отчетные формы. Государство оставляет за собой регламентацию форм первичной документации и учетных регистров и состава форм бухгалтерской отчетности.

Таблица 1 – Краткая характеристика планов счетов бухгалтерского учета в постсоветский период⁴

Период	Действующий нормативный акт	Основные особенности нормативного документа
1992–2000 гг.	План счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности предприятий и инструкция по его применению, утвержденные приказом Минфина РФ от 01.11.1991 № 56	Первый постсоветский план счетов (переходный вариант), принят в период распада СССР (декабрь 1991 г.), учитывал переход к рыночным отношениям. Количество синтетических счетов 51, забалансовых счетов – 25, разделов – 9. Введен счет № 83 «Учет курсовых разниц», введен счет 48 «Реализация» (вместо счета 46), введен счет 80 «Прибыли и убытки» нового образца, счет № 85 «Уставный капитал» вместо «Уставный фонд», счет № 87 «Нераспределенная прибыль», счет № 88 «Фонды специального назначения». Упразднены многие субсчета, упразднены счета по учету фондов экономического стимулирования, упрощен учет материалов (счет 10 вместо группы счетов). Особенности плана счетов: адаптация к учету коммерческой деятельности, отработка механизма банкротства, учет совместных предприятий, приближение к западным стандартам, введение термина «капитал» вместо «фонды», заложен учет инфляционных процессов, введена новая нумерация счетов, укрупнение аналитики, упрощение корреспонденций
С 2001 г.	План счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций и инструкция по его применению, утвержденные приказом Минфина РФ от 31.10.2000 года № 94н	Полноценный рыночный стандарт после переходного варианта. Количество синтетических счетов – 62, забалансовых – 37, разделов – 8 (новая группировка). Введен счет № 58 «Финансовые вложения», счет № 19 «НДС по приобретенным ценностям» (выделен из счета 12), счет № 90 «Продажи» и 91 «Прочие доходы/расходы», счет №84 «Нераспределенная прибыль (непокрытый убыток)», счет №99 «Прибыли и убытки» вместо счета 80, счет №98 «Доходы будущих периодов», счета № 59, 63 введены для учета резервов. Введены счета для налогового учета № 09 и № 77 «Отложенные налоговые активы/ обязательства». Унифицированы проводки по НДС. Особенности плана счетов: сближение с МСФО, возможность создания резервов, поддержка новых финансовых инструментов

Основным принципиальным отличием от советской системы стало расширение самостоятельности предприятий в определении методов организации учета. Введено новое понятие – «Учетная политика», которая формируется в начале отчетного периода и является основным внутренним документом, регламентирующим учет на предприятии. Важно, что ПБУ 1/94 «Учётная политика предприятия»⁵ впервые предписывает организациям документально закреплять применяемые в организации методы ведения учёта: формы регистров, инвентаризации, оценок и т.п.

В 1992 г. Россия становится членом Международной федерации бухгалтеров (IFAC) и вступает в процесс трансформации бухгалтерского учета и отчетности, нацеленный на их приближение к международным стандартам (МСФО). Федеральный закон «О бухгалтерском учете» № 129-ФЗ от 21.11.1996 г.⁶ впервые придал бухгалтерскому учету статус законодательного регулирования, поскольку ранее ведение бухгалтерского учета основывалось на подзаконных актах – приказах, письмах, положениях, инструкциях. На законодательном уровне вводятся такие понятия как бухгалтерская отчетность, регистры, учетная политика, первичные документы. Определяются федеральные органы (Минфин РФ), ответственные за разработку и утверждение нормативных актов в сфере бухгалтерского учета.

В течение 1990-х гг. приняты основные положения по бухгалтерскому учету:

ПБУ1/94 «Учетная политика предприятия»;

ПБУ4/96 «Бухгалтерская отчетность организации»;

ПБУ6/97 «Учет основных средств»⁷;

⁴ Таблица составлена автором.

⁵ Приказ Минфина РФ от 28.07.1994 г. № 100 «Об утверждении положения по бухгалтерскому учету “Учетная политика предприятия”». – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=20057> (дата обращения: 19.07.2025).

⁶ Федеральный закон от 21.11.1996 г. № 129-ФЗ «О бухгалтерском учете». – URL: https://normativ.kontur.ru/document?documentId=13741&moduleId=1&utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 19.07.2025).

⁷ Приказ Минфина РФ от 03.09.1997 г. № 65н «Об утверждении положения по бухгалтерскому учету “Учет основных средств” ПБУ 6/97. – URL: https://normativ.kontur.ru/document?documentId=38446&moduleId=1&utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 10.07.2025).

ПБУ9/99 «Доходы организации»⁸;
 ПБУ10/99 «Расходы организации»⁹;
 ПБУ14/2000 «Учет нематериальных активов»¹⁰.

Согласно приказу Минфина РФ от 27.03.1996 г. № 31 «О типовых формах квартальной бухгалтерской отчетности организаций и указаниях по их заполнению в 1996 году» утверждены типовые формы квартальной бухгалтерской отчетности: бухгалтерский баланс, отчет о финансовых результатах, отчет о движении денежных средств. Приказом Минфина от 12.11.1996 г. № 97 «О годовой бухгалтерской отчетности организаций», в состав которой дополнительно к существующим были добавлены следующие формы: отчет о движении денежных средств; отчет о целевом использовании полученных средств.

Данный баланс сохраняет традиционную для советских предприятий структуру, где актив и пассив располагались на двух сторонах листа (левая часть – актив, правая – пассив), которая отличается от вертикального одностороннего формата МСФО. Введено новшество – разделение на внеоборотные и оборотные активы. Баланс содержит укрупненные статьи с разбивкой их по аналитике, где можно оценить состав имущества и обязательств. Четкое деление на разделы отражало структуру источников и имущества организации по логике «чем владеем и за счет каких источников». Большинство активов оценивались по исторической (первоначальной) стоимости, без корректировок на справедливую стоимость, предусмотренную МСФО.

Однако вектор изменений в правовом регулировании бухгалтерского учета был задан в направлении постепенного снижения его информативности и оперативности. Так, например, вплоть до отчетности 2011 г. существовала обязанность по предоставлению квартальной отчетности, что позволяло в течение календарного года заинтересованным сторонам своевременно выявлять проблемы и принимать меры по их устранению, оперативно оценивать эффективность инвестиций, уровень задолженности, улучшать контроль за финансовыми операциями и предотвращать злоупотребления.

В условиях российского стандарта бухгалтерского учета (РСБУ) профессиональное суждение бухгалтера предопределено отечественными стандартами, что ограничивает произвол усмотрения бухгалтера в отличие от системы МСФО, где бухгалтер имеет очень широкие полномочия, которые расширяют риски возможных искажений отчетности. Например, манипуляция прибылью при возможности выбора методов оценки (fair value vs historical cost/ справедливая стоимость против исторической стоимости) позволяет искусственно завышать или занижать финансовые результаты. Размытые критерии признания выручки (МСФО (IFRS) 15) могут приводить к различным отчетным показателям. Определение оценочных обязательств (МСФО (IAS) 37) часто зависит от субъективного мнения конкретного бухгалтера. Классификация того или иного вида аренды (МСФО (IFRS) 16) существенно изменяет показатели баланса организации.

Критерии оценки активов при РСБУ более четкие и понятные «по первоначальной стоимости» в отличие от достаточно размытого понятия «справедливая стоимость» (та сумма, на которую можно обменять актив при совершении сделки между хорошо осведомленными, желающими совершить такую сделку и независимыми друг от друга сторонами) [1, с. 11], колебания которой искажают тренды.

Применение МСФО порождает трудности аудиторов в подтверждении решений, поскольку существует сложность в проверке обоснованности профессиональных суждений, что создает необходимость в привлечении экспертов для оценки сложных и неоднозначных ситуаций.

Возникают дополнительные риски для инвесторов и кредиторов, связанные со сложностью анализа бухгалтерской отчетности. Из-за недостаточной четкости критериев составления бухгалтерской отчетности банки вынуждены усложнять условия кредитования и увеличивать долговую нагрузку, что способствует росту стоимости заемного капитала.

В течение 2000-х гг. развитие нормативной базы бухгалтерского учета тесно связано со сближением её с международными стандартами и адаптацией к складывающимся экономическим условиям.

⁸ Приказ Минфина РФ от 06.05.1999 г. № 32н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету "Доходы организации"» ПБУ 9/99. – URL: https://docs.cntd.ru/document/901735796?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 30.06.2025).

⁹ Приказ Минфина РФ от 06.05.1999 г. № 33н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету "Расходы организации"» ПБУ 10/99. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901735798> (дата обращения: 03.07.2025).

¹⁰ Приказ Минфина РФ от 16.10.2000 г. № 91н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету "Учет нематериальных активов"» ПБУ 14/2000. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901772581> (дата обращения: 03.07.2025).

ПБУ постепенно начинают заменять федеральные стандарты бухгалтерского учета (ФСБУ). В таблице 2 приведены ПБУ и ФСБУ, действующие до настоящего времени.

Таблица 2 – Список действующих ПБУ с указанием периодов действия и замены ФСБУ¹¹

№ ПБУ	Наименование ПБУ	Период действия ПБУ	Замещён ФСБУ	Период действия ФСБУ	Наименование ФСБУ
1/2008	Учет учетной политики организации	01.01.2009 – по н.в.	ПБУ признано ФСБУ	–	–
2/2008	Учет договоров строительного подряда	С отчетности 2009	ПБУ признано ФСБУ	–	–
3/2006	Учет активов и обязательств, стоимость которых выражена в иностранной валюте	С отчетности 2007	ПБУ признано ФСБУ	–	–
4/99	Бухгалтерская отчетность организации	2000 – по 31.12.2024	ФСБУ 4/2023	01.01.2025	Бухгалтерская (финансовая) отчетность
5/01	Учет МПЗ	01.01.2002 – 01.01.2021	ФСБУ 5/2019	01.01.2022	Запасы
6/01	Учет ОС	01.01.2002 – 31.12.2021	ФСБУ 6/2020	01.01.2022	Основные средства
7/98	События после отчетной даты	01.01.1999	ПБУ признано ФСБУ	–	–
8/2010	Оценочные обязательства, условные обязательства и условные активы	С отчетности 2011	ПБУ признано ФСБУ	–	–
9/99	Доходы организации	01.01.2000 – 31.12.2020	ПБУ признано ФСБУ	–	–
10/99	Расходы организации	01.01.2000 – 31.12.2020	ПБУ признано ФСБУ	–	–
11/2008	Информация о связанных сторонах	2008 – по н.в.	ПБУ признано ФСБУ	–	–
12/2010	Информация по сегментам	С отчетности 2011	ПБУ признано ФСБУ	–	–
13/2000	Учет государственной помощи	2006 – по н.в.	ПБУ признано ФСБУ	–	–
14/2007	Учет НМА	2008 – 31.12.2023	ФСБУ 14/2022	01.01.2024 – по н.в.	Нематериальные активы
15/2008	Учет расходов по займам и кредитам	2009 – по н.в.	ПБУ признано ФСБУ	–	–
16/02	Информация по прекращаемой деятельности	01.01.2003	ПБУ признано ФСБУ	–	–
17/02	Учет расходов на НИОКР и технологические работы	01.01.2003 – 31.12.2003	ФСБУ 26/2020	01.01.2024-по н.в.	Капитальные вложения
18/02	Учет расчетов по налогу на прибыль	2003 – по н.в.	ПБУ признано ФСБУ	–	–
19/02	Учет финансовых вложений	2003 – по н.в.	ПБУ признано ФСБУ	–	–
20/03	Информация об участии в совместной деятельности	2004 – по н.в.	ПБУ признано ФСБУ	–	–
21/2008	Изменения оценочных значений	2009 – по н.в.	ПБУ признано ФСБУ	–	–
22/2010	Исправление ошибок в бухучете и отчетности	2010 – по н.в.	ПБУ признано ФСБУ	–	–
23/2011	Отчет о движении денежных средств	2011 – по н.в.	ПБУ признано ФСБУ	–	–

¹¹ Таблица составлена автором по состоянию на 01.07.2025 г.

24/2011	Учет затрат на освоение природных ресурсов	2012 – по н.в.	ПБУ признано ФСБУ	–	–
–	–	–	ФСБУ 25/2018	01.01.2022	Бухгалтерский учет аренды
–	–	–	ФСБУ 27/2021	01.01.2022	Документы и документооборот в бухгалтерском учете
–	–	–	ФСБУ 28/2023	01.01.2025	Инвентаризация

ПБУ использовались достаточно длительное время и имеют более доступный стиль изложения и восприятия, чем ФСБУ, которые адаптируют российские стандарты бухгалтерского учета (РСБУ) к МСФО.

С 01 января 2005 г. Европейский Союз (ЕС) утвердил применение МСФО к консолидированной отчетности компаний, зарегистрированных на бирже ЕС, что привело к внедрению МСФО для многих крупных предприятий. В России принятием Федерального закона «О консолидированной финансовой отчетности» от 27.07.2010 г. № 208-ФЗ¹² было введено требование на законодательном уровне об обязательном применении МСФО для консолидированной отчетности.

В 2011 г. принят закон «О бухгалтерском учете» № 402-ФЗ¹³ от 06.12.2011 г. Для этого времени это была революция – регулирование бухгалтерского учета и отчетности впервые обрело законодательную форму, в которой были закреплены базовые определения и понятия, установлена система регламентации отношений в сфере бухгалтерского учета, сформулированы общие правила ведения учета в организациях, определен состав финансовой отчетности [2, с. 299]. В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» расширен перечень лиц, на которых распространяется его действие [3, с. 13].

В таблице 3 приведен сравнительный анализ законов «О бухгалтерском учете» № 129-ФЗ¹⁴ от 21.11.1996 г. и 402-ФЗ от 06.12.2011 г.

Таблица 3 – Сравнительный анализ законов «О бухгалтерском учете» 129-ФЗ от 21.11.1996 г. и 402-ФЗ от 06.12.2011 г.¹⁵

Критерии сравнения	129-ФЗ от 21.11.1996 г.	402-ФЗ от 06.12.2011 г.
Основные цели законодательства РФ о бухгалтерском учете	Обеспечение единообразного ведения учета имущества, обязательств и хозяйственных операций, осуществляемых организациями; составление и представление сопоставимой и достоверной информации об имущественном положении организаций и их доходах и расходах, необходимой пользователям бухгалтерской отчетности (абз. 2 ст. 3 Закона)	Установление единых требований к бухгалтерскому учету, в том числе бухгалтерской (финансовой) отчетности, а также создание правового механизма регулирования бухгалтерского учета
Определение понятия «Бухгалтерский учет»	Представляет собой упорядоченную систему сбора, регистрации и обобщения информации в денежном выражении об имуществе, обязательствах организаций и их движении путем сплошного, непрерывного и документального учета всех хозяйственных операций	Формирование документированной систематизированной информации об объектах, предусмотренных настоящим Федеральным законом, в соответствии с требованиями, установленными настоящим Федеральным законом, и составление на ее основе бухгалтерской (финансовой) отчетности
Субъекты регулирования	Только коммерческие организации	Все экономические субъекты
Учетная политика	Понятие в законе не упоминается. Организации формируют самостоятельно, утверждаются приказом руководителя	Совокупность способов ведения экономическим субъектом бухгалтерского учета (ст. 8 п. 1 Закона) Как отдельное понятие в законе не сформулировано

¹² Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 208-ФЗ «О консолидированной финансовой отчетности». – URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=10336-federalnyi_zakon_ot_27.07.2010_208-fz_o_konsolidirovannoi_finansovoi_otchetnosti (дата обращения: 27.07.2025).

¹³ Федеральный закон от 06.12.2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете». – URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=15014-federalnyi_zakon_ot_06.12.2011_402-fz_o_bukhgalterskom_uchete (дата обращения: 27.07.2025).

¹⁴ Федеральный закон от 21.11.1996 г. № 129-ФЗ «О бухгалтерском учете». – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=13741> (дата обращения: 27.07.2025).

¹⁵ Таблица составлена автором.

Рабочий план счетов	Систематизированный перечень синтетических счетов бухгалтерского учета. Утверждается руководителем.	Это систематизированный перечень счетов бухгалтерского учета. Не утверждается
Формы первичных документов	Применяются для оформления хозяйственных операций. Утверждаются руководителем	Каждый факт хозяйственной жизни подлежит оформлению первичным учетным документом. Формы первичных документов определяет руководитель
Регистры бухгалтерского учета	Предназначены для систематизации и накопления информации, содержащейся в принятых к учету первичных документах, для отражения на счетах бухгалтерского учета и в бухгалтерской отчетности	Данные, содержащиеся в первичных учетных документах, подлежат своевременной регистрации и накоплению в регистрах бухгалтерского учета. Формы регистров утверждает руководитель
Правила документооборота	Утверждаются руководителем. Электронный документооборот не упоминается	Устанавливают федеральные стандарты. Разрешен электронный документооборот (с ЭЦП)
Стандарты бухгалтерского учета	Устанавливают принципы, правила и способы ведения организациями учета хозяйственных операций, составления и представления бухгалтерской отчетности	Устанавливают минимально необходимые требования к бухгалтерскому учету, а также допустимые способы ведения бухгалтерского учета
Стандарты бухгалтерского учета экономического субъекта	Не предусмотрены в законе	Необходимость и порядок разработки, утверждения, изменения и отмены стандартов устанавливаются экономическим субъектом самостоятельно
Главный документ, регламентирующий учет в организации	Учетная политика организации	Стандарты экономического субъекта
Факт хозяйственной жизни	Законодательно не определен	Сделка, событие, операция, которые оказывают или способны оказать влияние на финансовое положение экономического субъекта, финансовый результат его деятельности и (или) движение денежных средств
Объекты бухгалтерского учета	Имущество организаций, их обязательства и хозяйственные операции, осуществляемые организациями в процессе их деятельности	1) факты хозяйственной жизни; 2) активы; 3) обязательства; 4) источники финансирования его деятельности; 5) доходы; 6) расходы; 7) иные объекты в случае, если это установлено федеральными стандартами
Внутренний контроль	Законодательно не определен	Экономический субъект обязан организовать и осуществлять внутренний контроль совершаемых фактов хозяйственной жизни
Документы в области регулирования бухгалтерского учета	Законодательно не определен	1) Федеральные и отраслевые стандарты бухгалтерского учета; 2) нормативные акты ЦБРФ; 3) рекомендации в области бухгалтерского учета; 4) стандарты экономического субъекта
Бухгалтерская (финансовая) отчетность	Единая система данных об имущественном и финансовом положении организации и о результатах ее хозяйственной деятельности, составляемая на основе данных бухгалтерского учета по установленным формам	Информация о финансовом положении экономического субъекта на отчетную дату, финансовом результате его деятельности и движении денежных средств за отчетный период, систематизированная по требованиям закона
Состав бухгалтерской отчетности	1) бухгалтерский баланс; 2) отчет о прибылях и убытках; 3) аудиторское заключение; 4) пояснительная записка. Отдельный состав отчетности для бюджетных, казенных, общественных организаций	1) годовая бухгалтерская (финансовая) отчетность; 2) годовая бухгалтерская (финансовая) отчетность некоммерческой организации; 3) состав промежуточной бухгалтерской (финансовой) отчетности; 4) состав бухгалтерской (финансовой) отчетности организаций бюджетной сферы
Ответственность за ведение учета	Руководитель	Руководитель + требования о наличии специального образования у главбуха
Квалификационные требования к главному бухгалтеру	Квалификационные требования к главному бухгалтеру не установлены	
Хранение документов	5 лет	Не менее 5 лет + уточнены условия хранения
Коммерческая тайна	Содержание регистров бухгалтерского учета и внутренней бухгалтерской отчетности является коммерческой тайной	Не установлен режим коммерческой тайны

При проведении сравнительного анализа законов «О бухгалтерском учете» 1996 и 2011 годов можно сделать ряд выводов: 1) Закон РФ 129-ФЗ регулировал в основном коммерческие организа-

ции. Закон 402-ФЗ распространяет требования на государственные учреждения, Банк России, МФО; 2) впервые закреплено требование о том, что российские стандарты (ФСБУ) должны разрабатываться на основе МСФО; 3) сформирована необходимость пересмотра учетных политик под федеральные стандарты бухгалтерского учета; 4) введены понятия внутреннего контроля, факта хозяйственной жизни, стандарта экономического субъекта; 5) легализованы электронные первичные документы; 6) изменен состав бухгалтерской отчетности; 7) изъято положение о коммерческой тайне в отношении учетных регистров; 8) определен перечень документов в области регулирования бухгалтерского учета.

Последующее принятие актов правового регулирования отражает целеполагание регулирующего органа на дальнейшее заимствование западных стандартов и правил бухгалтерского учета и отчетности.

Приказом Минфина РФ от 04.10.2023 № 157н (приложения № 3 и № 9) утверждены формы общего и упрощенного бухгалтерского баланса, которые будут применяться к составлению отчетности за 2025 г.

При сравнении состава статей баланса, утвержденных приказом Минфина РФ от 12.11.1996 г. № 97 и приказом Минфина РФ от 04.10.2023 № 157н, следует отметить, что происходит информативное сужение состава статей баланса: 1) устранены дополнительные расшифровки нематериальных активов, основных средств и запасов, долгосрочных финансовых вложений; 2) упразднена статья «Незавершенное строительство»; 3) упразднены дополнительные статьи, которые расшифровывают составы дебиторской и кредиторской задолженности по категориям дебиторов и кредиторов (покупатели, поставщики, расчеты с сотрудниками, расчеты по налогам и т.д.). Все это делает отчетность менее информативной для пользователей, возникают сложности анализа финансового состояния организации. Упрощение отчетности открывает дополнительные возможности сокрытия и искажения финансовых показателей организаций.

Принципиально важным решением становится отказ от ежеквартальной сдачи отчетности и переход с квартального на ежегодный порядок составления бухгалтерского баланса. Более частая периодичность сдачи отчетности ограничивает возможность подтасовок с финансовыми данными в целях противоправного искажения и использования бухгалтерской отчетности.

Снижение возможностей для актуального анализа рыночной ситуации при увеличении временного лага между совершением операций и их отражением в учете в условиях нарастания кризисных явлений в экономике вызывает трудности в своевременном выявлении финансовых проблем у контрагентов и создает препятствия для пользователей отчетности: 1) банки и инвесторы лишаются важного источника оперативных данных для принятия решений, ухудшаются возможности кредитного мониторинга; 2) снижается прозрачность финансово-хозяйственной деятельности предприятий для акционеров; 3) из-за недостатка актуальных данных увеличиваются риски для стейкхолдеров; 4) возрастает потенциал для реализации мошенничества и сокрытия финансовых проблем в организациях.

Более того, отсутствие своевременной и объективной бухгалтерской информации о контрагентах может повлечь неприемлемо высокие риски для самих предприятий в связи с фактически складывающимися условиями налогообложения добавленной стоимости в Российской Федерации. Активизация контрольной работы налоговых органов, оснащенных информационными средствами налогового мониторинга, которые обеспечивают возможность получения и обработки данных о неограниченном количестве индивидуальных объектов [4, с. 14] в цепочках налогообложения добавленной стоимости, в совокупности с положением законодательства о том, что один налогоплательщик становится обязанным уплатить налог другому плательщику НДС [5, с. 8] с неизбежностью вызывают конфликты с налоговой отчетностью.

Различие в социально-экономической системе и политико-правовом устройстве общества порождает различные подходы [6, с. 28] к конструированию правового регулирования бухгалтерского учета и контролю за соблюдением юридических рамок. Следует принять во внимание, что современные международные стандарты бухгалтерского учета (МСФО, GAAP и др.) ориентированы на финансовые технологии как инструмент влияния денежной власти Запада. По сути, международные стандарты бухгалтерского учета структурируют логику и поведение участников правоотношений, целенаправленно формируя правила игры в экономике. В частности, это выражается:

1) в контроле над прозрачностью и доступом к информации – крупные банки, корпорации, аудиторские сети заинтересованы в том, чтобы стандарты учета позволяли гибко интерпретировать данные,

скрывать риски или, наоборот, создавать искусственную прозрачность там, где это выгодно. Например, при использовании оффшоров и сложных схем консолидации стандарты позволяют не показывать реальных владельцев и обязательств;

2) в оценке активов по «справедливой стоимости» (FV) – данная методология открывает возможность манипулировать балансовой стоимостью компаний. Ориентация на так называемую «справедливую стоимость» (fair value) МСФО (особенно IFRS 9 и IFRS 13) требует оценки активов по текущей рыночной стоимости, что усиливает волатильность балансов из-за спекулятивных колебаний рынка и создает «проциклический эффект» – во время кризисов активы обесцениваются, ухудшая отчетность, что ведёт к новым паническим продажам;

3) в лоббировании выгодных изменений в стандартах – крупные игроки влияют на разработку стандартов через участие в IASB (Совет по МСФО) и FASB (Совет по GAAP). В них доминируют представители транснациональных корпораций и крупных аудиторских компаний;

4) в создании барьеров для конкурентов – поддержке усложненных правил, выгодных крупным компаниям, которые существенно повышают издержки малого и среднего бизнеса, увеличивая его зависимость от финансовых групп;

5) в их манипулятивном применении в периоды кризисов через реклассификацию активов для сокрытия убытков, искусственного завышения капитализации, как это было перед кризисом 2008 г. с CDO (Collateralized Debt Obligatio / обеспеченные долговые обязательства) и MBS (Mortgage-backed Security / ипотечные ценные бумаги), которые учитывались по модельным, а не рыночным ценам. Примером могут явиться известные скандалы с Enron, Wirecard, Lehman Brothers, где учетные стандарты широко использовались для махинаций;

6) в легитимации спекулятивных операций путем принятия решений в логике стандартов МСФО в пользу краткосрочных спекуляций вместо долгосрочных инвестиций.

Неслучайно, все больше западных исследователей подвергают справедливой критике международные стандарты финансовой отчетности за их ориентацию на рыночные оценки¹⁶, пренебрежение реальной экономической деятельностью, усиление неопределенности и финансовой нестабильности¹⁷.

Авторы утверждают, что в условиях неликвидных рынков и манипуляций бухгалтерская отчетность начинает отражать не реальную экономику, а иррациональные рыночные настроения¹⁸. Они отмечают, что МСФО маскируют риски, позволяя корпорациям и банкам скрывать долги¹⁹, учитывая деривативы и сложные инструменты как надёжные активы, пока не грянет кризис²⁰.

В то же время следует признать, что система мер поддержки конкретного хозяйственного общества должна находиться в четкой зависимости от чистоты его баланса. При этом необязательно должна идти речь лишь об экономической поддержке, скорее о создании комфортных социально-правовых условий для ведения бизнеса [7, с. 25].

С 2020 года статья 2 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон "О бухгалтерском учете"» от 26.07.2019 № 247-ФЗ вводит факультативное основание для перехода на полугодовую периодичность представления бухгалтерской (финансовой) отчетности в Российской Федерации. Для большинства организаций (кроме указанных в п. 5 ст. 13 ФЗ № 402-ФЗ) бухгалтерская отчетность (баланс и отчет о финансовых результатах) подается один раз в год до 31 марта года, следующего за отчетным.

Промежуточная отчетность (за полугодие) предоставляется только по требованию учредителей, регуляторов или иных заинтересованных лиц (ст. 13 ФЗ № 402-ФЗ в ред. закона № 247-ФЗ). Лишь для ограниченного круга организаций сохраняется требование квартальной отчетности (п. 5 ст. 13 ФЗ № 402-ФЗ). Среди них: публичные акционерные общества (ПАО); кредитные и страховые организации; компании, чьи ценные бумаги допущены к торгам; бюджетные учреждения.

¹⁶ Monge-Agulló J. (2021). Post-Keynesian accounting: Theoretical principles against IFRS fair value. *Panoeconomicus*. – Vol. 68(3). – P. 335–358. DOI: 10.2298/PAN2103335M

¹⁷ Monge-Agulló J. (2020). A post-Keynesian critique of the IASB conceptual framework. *Journal of Post Keynesian Economics*. – Vol.: 43(4). – P. 512–537. DOI: 10.1080/01603477.2020.1738286

¹⁸ Keen S. (2011). *Debunking economics: The naked emperor dethroned?* (Rev. and expanded ed.). Zed Books. – London, 448 p.

¹⁹ Mitchell W. (2020). The illusion of financial stability under neoliberal accounting // *Billy Blog*. 12 мая 2020. – URL: <https://bilbo.economicoutlook.net/blog/?p=45543> (дата обращения: 07.08.2025).

²⁰ Keen, S. (2017). *Can we avoid another financial crisis?* Polity Press. Cambridge, UK. – 140p. DOI: 10.1093/oso/9780198805873.001.0001

Это изменение, предлагаемое как мера снижения административной нагрузки на бизнес, в действительности продолжает политику существенного снижения оперативности и информативности финансовых данных.

Изменение периодичности предоставления отчетности создает временные возможности для произвольных манипуляций финансовыми данными, существенного ограничения информативности бухгалтерской отчетности. В целом, манипулирование данными финансовой отчетности представляет серьёзные риски и негативные последствия для различных стейкхолдеров. Эти последствия включают убытки для инвесторов, риск для банков и кредиторов, несправедливые условия для конкурентов, неэффективность регулирования, снижение общественного доверия к бизнесу, репутационный ущерб для компаний, угрозу рабочим местам и стабильности [8, с. 60]. Можно утверждать, что принятием данного правила законодатель закрывает балансы организаций от внимания пользователей бухгалтерской отчетности на неоправданно длительный период.

Представляется, что в качестве рекомендации по решению обсуждаемой проблемы может быть применение дифференцированного подхода с ведением градации по размеру бизнеса. Например, сохранение обязательной квартальной отчетности для средних и крупных компаний и введение преференции для компаний малого бизнеса, добровольно сохраняющих квартальную отчетность. В качестве дополнительных мер необходимо изучить вопрос о целесообразности применения упрощенных форм оперативной отчетности и обязательного раскрытия ключевых показателей в промежуточные периоды.

В данном случае, представляется уместным обращение к достаточно положительной работе, проделанной нашими партнерами по БРИКС в обсуждаемой сфере правоотношений. В частности, китайский опыт сочетания рыночной адаптации бухгалтерских стандартов с государственным регулированием представляет собой уникальную модель, в которой гармонично интегрированы международные принципы учета (МСФО) и национальные особенности экономического управления. Учетный процесс регулируется законодательными актами и реализуется под руководством Министерства финансов КНР и Китайского комитета по бухгалтерским стандартам (CAS).

Китай сохраняет полный контроль над бухгалтерской отчетностью организаций через: 1) закон о бухгалтерском учете КНР (*Accounting Law of the People's Republic of China, 2017 Revision*), который устанавливает обязательные требования к ведению учета (ст. 8, 15 Закона); 2) положения о предприятиях государственной собственности, предписывающие особые правила для госпредприятий, включая дополнительные формы отчетности (*State-owned Assets Supervision and Administration Commission, 2020*). Госсовет КНР оставляет за собой право в необходимых случаях вносить изменения в стандарты, обуславливаемые требованиями экономической политики государства²¹.

Сохраняя баланс между международными стандартами и национальными особенностями, Китай не полностью копирует МСФО, а адаптирует их под свои нужды: при оценке активов CAS использует историческую стоимость с ограниченным применением *fair value* (CAS 3, 8); приняты более жесткие требования к раскрытию информации о связанных сторонах (CAS 36); установлен особый режим отчетности для малых и средних предприятий, которые могут применять упрощенные стандарты (*CAS for SMEs, 2011*).

Сближение произошло как за счет заимствования стандартов из МСФО, так и за счет постепенных изменений в бухгалтерских стандартах Китая. При этом авторы отмечают, что прямой перенос правил наблюдался по статьям, либо отражающим традиционную китайскую практику бухгалтерского учета, либо учитывающим ситуации, которые не рассматривались или не имели отношения к предыдущей модели бухгалтерского учета. В итоге, китайская модель демонстрирует эффективный компромисс между рыночной ориентацией и государственным контролем, обеспечивая стабильность экономики при интеграции в глобальные финансовые системы.

Существование двойственности правового регулирования бухгалтерского и налогового учета в РФ проистекает из фундаментального конфликта целевых установок действующего законодательства – закона о бухгалтерском учете № 402-ФЗ, который ориентирован на формирование достоверной инфор-

²¹ Wang, Y., & Zhang, L. (2019) – Chinese GAAP and IFRS Convergence: Challenges and Achievements, *Journal of Accounting Research*, p. 112.

мации о финансовом положении для пользователей отчетности и положений Налогового кодекса РФ, который представляет собой фискальный инструмент государства, направленный на исчисления обязательных платежей.

Однозначным преимуществом китайской учетной системы, реализующейся в формате единого комплекса, является предоставление предприятиям возможности более эффективно управлять своими налоговыми обязательствами и одновременно отслеживать и бухгалтерские показатели [9, с. 301]. Однако попытка одной системой данных (бухгалтерским учетом) обслуживать одновременно экономические и фискальные цели может привести к институциональному конфликту.

Заключение

1. Анализ современного состояния бухгалтерского законодательства позволяет вести речь о своеобразной институциональной ловушке, затрудняющей развитие эффективного правового регулирования отечественного учета и отчетности. В условиях изоляции российская система бухгалтерского учета не только не стала полноценной частью глобальной системы (МСФО), но и в значительной степени ослабила связь с реальными нуждами национальной экономики. По этой причине малоперспективным представляется дальнейшее создание «гибридных» стандартов, базовые основы которых скомпрометировали себя в кризисных ситуациях последних лет.

2. Логичным видится обращение к багажу знаний о данной сфере отношений, накопленному нашими предшественниками в рыночной и плановой экономике, а также к опыту государств-членов БРИКС, выстраивающих свое бухгалтерское законодательство в сопоставимых с российскими условиями социально-экономического развития. В данном случае особый интерес вызывает китайский опыт сочетания рыночной адаптации учетных стандартов с государственным регулированием.

3. Отмена квартальной отчетности, несмотря на снижение административной нагрузки на бизнес, привела к заметным пробелам в информационном обеспечении экономических процессов. В условиях цифровизации эффект от такого упрощения представляется ограниченным, поскольку современные технологии позволяют формировать оперативные данные при минимальных затратах. Более сбалансированным решением могло бы стать гибкое регулирование, сочетающее снижение отчетной нагрузки с обеспечением необходимой финансовой прозрачности.

4. Для пользователей бухгалтерской отчетности законодательно следует развивать формы отчетности в сторону расширения содержания в них аналитических статей, а не в сторону их сужения в рамках тенденции, которая сложилась в настоящее время на фоне сближения РСБУ и МСФО.

5. Унификация правового регулирования бухгалтерского и налогового учета в России по китайской модели не является реалистичным в полном объеме из-за фундаментальных различий в целях и институциональной среде. Однако тщательное изучение китайского опыта позволяет: сформулировать идеал снижения административных барьеров, выявить инструменты поэтапной гармонизации правил, разработать дифференцированные модели объединения для разных сегментов экономики (например, полная интеграция для микропредприятий на УСН, гармонизация правил для среднего бизнеса, сохранение дуализма с элементами конвергенции для крупных публичных компаний). Таким образом, предметом научного поиска должен стать не прямой перенос китайской модели, а разработка гибридной российской модели «управляемой конвергенции», использующей цифровые технологии для снижения издержек при сохранении концептуальной независимости бухгалтерского учета для целей, отличных от фискальных.

Список литературы

1. Адуев Р.С., Шикунова Л.Н. МСФО и РСБУ // Экономические науки. – 2016. – № 3. – С. 8–12.
2. Домбровская О.А., Туаева Т.А. Развитие бухгалтерского учета в 21 веке // Экономика и социум. – 2017. – № 11 (42). – С. 297–302.
3. Богатая И.Н. Исследование современных тенденций развития бухгалтерского учета и отчетности в Российской Федерации // Международный бухгалтерский учет. – 2013. – № 25 (271). – С. 2–17.

4. *Бачурин Д.Г.* Коррекция методологии применения математических методов в экономических исследованиях в контексте изменения модели экономического развития // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2014. – № 4. – С. 13–17.
5. *Бачурин Д.Г.* О развитии публично-правовой концепции института счетов-фактур в правовом регулировании налогообложения добавленной стоимости // Налоги. – 2020. – № 4. – С. 6–11.
6. *Бачурин Д.Г.* Постклассическое право и трансформация юридического регулирования в сфере налогового контроля НДС // Налоги. – 2017. – № 6. – С. 27–31.
7. *Бачурин Д.Г.* Современная коррупция в Российской Федерации // Вестник Тюменского государственного университета. – 2010. – № 2. – С. 20–25.
8. *Котельникова Н.В.* К вопросу о манипулировании данными финансовой отчетности // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2023. – № 6 (72). – С. 58–64.
9. *Губернаторова Н.Н., Чухрай А.А.* Сравнительный анализ систем бухгалтерского и налогового учета в России и Китае: перспективы интеграции // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2025. – № 5. – С. 296–303.

References

1. *Aduiev R.S., Shikunova L.N.* IFRS and RAS // Economic Sciences. – No. 3/2016. – Pp. 8–12.
2. *Dombrovskaya O.A., Tuaeveva T.A.* Development of Accounting in the 21st Century // Economics and Society. – 2017. – No. 11 (42). – Pp. 297–302.
3. *Bogataya I.N.* Research of Current Trends in the Development of Accounting and Reporting in the Russian Federation // International Accounting. – 2013. – No. 25 (271). – Pp. 2–17.
4. *Bachurin D.G.* Correction of the Methodology of Applying Mathematical Methods in Economic Research in the Context of Changing the Model of Economic Development // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Institute of Business. – 2014. – No. 4. – Pp. 13–17.
5. *Bachurin D.G.* On the Development of the Public Law Concept of the Institute of Invoices in the Legal Regulation of Value Added Taxation // Taxes. – 2020. – No. 4. – Pp. 6–11.
6. *Bachurin D.G.* Post-Classical Law and the Transformation of Legal Regulation in the Field of VAT Tax Control // Taxes. – 2017. – No. 6. – Pp. 27–31.
7. *Bachurin D.G.* Modern Corruption in the Russian Federation // Bulletin of Tyumen State University. – 2010. – No. 2. – Pp. 20–25.
8. *Kotelnikova N.V.* On the issue of manipulation of financial reporting data // Innovative economics: prospects for development and improvement. – 2023. – No. 6 (72). – Pp. 58–64.
9. *Gubernatorova N.N., Chukhray A.A.* Comparative analysis of accounting and tax accounting systems in Russia and China: prospects of integration // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. – 2025. – No. 5. – Pp. 296–303.

Статья поступила в редакцию: 07.08.2025.

Received: 07.08.2025.

Статья принята к публикации: 12.01.2026.

Accepted: 12.01.2026.

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «СОВЕСТЬ» В РОССИЙСКОМ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМЕ

Зенковский Александр Владимирович,

судья Северо-Казахстанского областного суда в отставке, почетный работник судебной системы,

Тарасевич Иван Анатольевич¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: 531812@gmail.com

¹Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия

В статье рассматривается понятие «совесть» как морально-правовой феномен в контексте российского конституционализма, где оно приобретает как юридическое, так и глубокое культурно-философское значение. Авторы акцентируют внимание на уникальности включения термина «совесть» в законодательство Российской Федерации. Совесть анализируется не только как категория личной морали, но и как принцип, служащий основой для гражданской активности и морального выбора личности в публичной сфере.

Исследование охватывает несколько уровней понимания совести: правовой, культурный, религиозный и философский. Авторы прослеживают, как в российской правовой традиции совесть была связана с понятиями справедливости, милосердия, нравственного чувства и внутреннего закона. Значительное внимание уделено историческим и религиозным источникам, включая православную этику, оказывавшую влияние на формирование национального правосознания. В этом контексте совесть трактуется не как субъективное мнение, а как универсальный ориентир нравственности, имеющий надличностную природу. Правовое измерение совести рассматривается в контексте российского законодательства, в частности в уголовно-процессуальном праве и конституционном праве в целом. Авторы ставят под сомнение узко либеральную трактовку совести, подчёркивая её религиозно-духовное измерение. Совесть рассматривается как средство поддержания устойчивого общественного развития.

В заключение предлагается дополнение к преамбуле Конституции России. Таким образом, статья предлагает оригинальный взгляд на совесть как конституционно-правовую ценность, имеющую ключевое значение для формирования гуманистического правопорядка в России.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: совесть, конституционализм, правовая культура, мораль, Конституция России, свобода совести, право, справедливость, религиозные ценности, милосердие

ON THE DEFINITION OF THE CONCEPT «CONSCIENCE» IN RUSSIAN CONSTITUTIONALISM

Zenkovsky A.V.,

Judge of the North Kazakhstan Regional Court in retirement, Honorary Judicial Officer,

Tarasevich I.A.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

e-mail: 531812@gmail.com

¹Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

This article examines the concept of “conscience” as a moral-legal phenomenon in the context of Russian constitutionalism, where it acquires both juridical and profound cultural-philosophical significance. The authors emphasize the uniqueness of incorporating the term “conscience” into the legislation of the Russian Federation.

Conscience is analyzed not only as a category of personal morality, but also as a principle serving as the foundation for civic engagement and moral choice of the individual in the public sphere.

The study encompasses several levels of understanding conscience: legal, cultural, religious, and philosophical. The authors trace how conscience in the Russian legal tradition has been linked to the concepts of justice, mercy, moral feeling, and inner law. Significant attention is devoted to historical and religious sources, including Orthodox ethics, which influenced the formation of national legal consciousness. In this context, conscience is interpreted not as subjective opinion, but as a universal moral compass possessing a supra-personal nature.

The legal dimension of conscience is examined within the context of Russian legislation—particularly in criminal procedural law and constitutional law as a whole. The authors challenge the narrowly liberal interpretation of conscience, emphasizing its religious-spiritual dimension. Conscience is viewed as a means of maintaining sustainable social development.

In conclusion, an amendment to the Preamble of the Russian Constitution is proposed. Thus, the article offers an original perspective on conscience as a constitutional-legal value of key importance for establishing a humanistic legal order in Russia.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: conscience, constitutionalism, legal culture, morality, Russian Constitution, freedom of conscience, law, justice, religious values, mercy

В постсоветском законодательстве развитие получили некоторые термины, которые ранее использовались достаточно редко. В частности, это понятие «совесть», включенное в ч. 1 ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025)¹. Указанная норма устанавливает, что «судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью».

Кроме того, термин «совесть» находит свое отражение в присягах различных должностных лиц системы публичной власти. Согласно ч. 1 ст. 8 Закона РФ «О статусе судей в РФ» от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 10.07.2023)² при принятии присяги судья торжественно клянётся исполнять свои обязанности, осуществлять правосудие, подчиняясь только закону при безусловной детерминанте долга судьи и совести. Аналогичная норма присутствует в ч. 3 ст. 2 Федерального закона «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов РФ» от 30.05.2001 № 70-ФЗ (ред. от 28.11.2018)³, где совесть также упоминается как обязательный нравственный регулятор профессиональной деятельности.

Не менее показательным является текст присяги нотариуса, закреплённый ст. 14 «Основ законодательства РФ о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 05.02.2025)⁴, где совесть выступает моральным императивом деятельности нотариуса наряду с законом.

В советском законодательстве совесть в правовом измерении также присутствовала в тексте присяги судей и народных заседателей судов Союза ССР⁵, но данное понятие не фигурировало ни в процессуальном, ни тем более в конституционном законодательстве.

Некоторые авторы, в основном либеральные, являющиеся проводниками западной традиции, критически относятся к применению данного термина в юридической плоскости, считая его проявлением правовой демодернизации, обусловившей «беспомощность права в российском обществе» [1, с. 606–607].

И это неудивительно, так как в отличие от российских традиций, в англосаксонской правовой культуре, которую, как правило, либерально настроенные юристы считают эталонной, нет прямого аналога понятия «совесть». Это создает существенные сложности для попыток адаптации западных правовых концепций к российской правовой системе [2].

¹ СЗ РФ. 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

² Российская юстиция. – 1995. – № 11.

³ СЗ РФ. – 2001. – № 23. – Ст. 2288.

⁴ Российская газета. – 1993. – № 49.

⁵ Постановление ВС СССР от 02.11.1989 «О присяге судей и народных заседателей судов Союза ССР» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. – 1989. – № 22. – Ст. 420.

Суть критики термина «совесть» со стороны либерального лагеря в целом сводится к нескольким пунктам. Прежде всего, указывается на фундаментальную субъективность понятия совести. Каждый человек формирует свое уникальное представление о морали под влиянием личного опыта, воспитания и культурного контекста. Существует мнение, что эта индивидуальность делает совесть крайне сложной для объективной правовой интерпретации, что может создавать риск произвольного и непредсказуемого правоприменения [3, с. 148–151].

Также указывается на якобы принципиальное противоречие между концепцией совести и требованием правовой определенности. «Совесть», на взгляд либералов, представляет собой размытую категорию, которая не позволяет однозначно установить правовые рамки прав и обязанностей.

Как следствие, либеральные правоведы настаивают на исключении подобных морально-этических понятий из юридической практики. Вместо этого они предлагают опираться на более точные, с их точки зрения, объективные правовые конструкции, которые обеспечивают «недвусмысленность» и «последовательность» правоприменения.

Мы же полагаем, что термин «совесть» является органичным для российского права и вполне поддается юридической формализации. Более того, феномен совести как таковой является неотъемлемой частью российской правовой системы и, по нашему убеждению, может претендовать на господствующую.

Так, ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ необходимость сохранения памяти предков, «передавших нам идеалы и веру в Бога», возведена в конституционный принцип. Признание веры в Бога как государствообразующего фактора является важным шагом формализации фактической правопреемственности РФ в отношении всего развития российского государства как минимум со времен Крещения Руси [4, с. 3–12].

Кроме того, в соответствии с поправкой к Конституции России 2020 года⁶ сегодня русский язык именуется языком «государствообразующего народа», что закреплено ч. 1 ст. 68. И это очень важно в контексте нашего исследования, так как русское слово «совесть» имеет уникальный смысл, отличный от понимания этого термина в иных культурах.

В различных лингвистических культурах восприятие концепта «совесть» формировалось под влиянием господствующей в них религиозной традиции. Например, в англиканской традиции совесть не всегда занимает высшее место среди нравственных ориентиров. Это подтверждается, например, словами британского литературоведа и историка Д. Рейфилда, который указывает на то, что в англиканстве⁷ действия человека скорее определяются не совестью, а волей монарха [5, с. 125–154]. Такая особенность в сочетании с характерным для англосаксонского менталитета прагматизмом затрудняет восприятие совести как абсолютного критерия добра и зла, оставляя приоритет за практической целесообразностью [6, с. 41–45].

Соответственно, можно предположить, что представители англо-саксонского общества не вполне понимают смысл термина «совесть», когда его употребляют их российские коллеги. Но, если бы даже зарубежные правоведы имели аутентичное русскому понимание совести, то и в этом случае, как мы уже указывали выше, они критиковали бы его с позиции юриспруденции, так как в их парадигме совесть часто является как минимум вторичной. На первом же месте, согласно их мировоззрению, стоит своеобразная «правовая технология».

С этой точки зрения становится совершенно ясным отношение представителей английского судебного сообщества к особенностям российского правосудия. Еще каких-нибудь 10 лет назад они, посещая российские вузы, язвительно и даже высокомерно критиковали нормы российского права, закрепляющие судебское усмотрение и руководство совестью в принятии решений. На таких встречах мы присутствовали лично и наблюдали описанное поведение англичан. Сейчас их поведение нам более понятно – они понимают совесть иначе, чем российский правоприменитель.

⁶ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

⁷ Англиканство – это христианская деноминация, возникшая в Англии в XVI веке в результате реформации и организационного отделения от Римско-католической церкви. Она сочетает в себе католические традиции (в литургии и церковном устройстве) и протестантскую теологию.

Что же представляет собой совесть в российской традиции, что под ней понимали наши предки, относилась ли она к идеалам их жизни, о которых упоминается в Конституции России после реформы 2020 года?

Для ответа на эти вопросы обратимся к одному из известнейших научных источников имперской России, каким, безусловно, является энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. В нем представлен глубокий философский анализ понятия совести⁸, раскрываются две основные теории её происхождения: эволюционизм и интуитивизм.

Эволюционизм рассматривает совесть как результат социального развития. Согласно ему совесть формируется через усвоение опыта поколений, где альтруистические действия постепенно начинают оцениваться позитивно, а эгоистические – негативно. Ключевую роль здесь играет наследственная передача социальных норм и ассоциативное мышление.

Интуитивизм, напротив, полагает совесть врожденным духовным свойством человека, связанным с высшим моральным порядком. Совесть рассматривается как объективный механизм нравственной оценки, который существует независимо от индивидуального опыта.

Согласно указанной словарной статье оба подхода имеют свои недостатки. Например, эволюционизм не может объяснить первоначальное происхождение нравственного чувства, а интуитивизм сталкивается с проблемой существования «ложной совести».

Но все же Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, как нам видится, тяготеют к интуитивизму и подчеркивают, что совесть – это непосредственное выражение нравственного мирового порядка или высшего существа. Формула совести для них предельно лаконична: «Совесть есть голос Божий». Нужно отметить, что такого понимания совести придерживались многие выдающиеся русские мыслители, в частности Н.О. Лосский [7, с. 101].

Кроме того, существуют и другие авторитетные источники, которые изъясняют понимание совести в России в период до Великой Октябрьской Социалистической Революции 1917 года.

Прежде всего сюда мы относим Пространный катехизис Православной церкви митр. Московского Филарета (Дроздова). В нем автор отмечает, что совесть – это присущая человеческой природе «материя», на которой отражаются все его поступки во вневременном контексте. Именно совесть окрашивает их в темные или светлые тона объективно, независимо от психофизического состояния индивидуума. О событиях Конца мира он пишет: «Совесть каждого человека откроется перед всеми, и обнаружатся не только все дела, какие кто сделал во всю свою жизни на земле, но и все сказанные слова, тайные желания и помышления»⁹.

Владыка Филарет непосредственно указывает на совесть, как искру Бога в сущности каждого человека: «Закон Божий внутренний, или свидетельство совести, и закон Божий внешний, или заповеди Божии»¹⁰.

Представление о совести содержится в Деяниях святых апостолов. Апостол Павел говорит о язычниках, которые «показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Рим. 2:15). Здесь он прямо говорит о совести как о данной каждому человеку с рождения независимо от его отношения к религии способности безошибочно отличать добро от зла.

Также отметим, что такой знаменитый церковный писатель, чье литургическое и догматическое творчество определило строй богослужения христианской церкви в целом, как Иоанн Златоуст в своих толкованиях на Послание к Римлянам 2:15 подчеркивает, что закон Божий, написанный в сердцах людей, подтверждается совестью. Он отмечает, что в День суда каждому человеку не потребуются свидетели, так как его собственные мысли и поступки будут достаточным свидетельством. Совесть, согласно Златоусту, играет роль внутреннего судьи, который то обвиняет, то оправдывает человека. Таким образом, она действует как инструмент божественного закона в сердцах людей и помогает им осознавать свои поступки¹¹.

⁸ Совесть // Энциклопедический словарь [Брокгауза и Ефрона]: в 86 т. Дополнительный том II–А. Пруссия – Юма. Россия. – С.-Петербург, 1907. – С. 642–646.

⁹ Филарет (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский, свт. Пространный христианский катехизис Православных кафеолических Восточных Церквей. – Изд. 66-е. – Москва: Синодальная типография, 1886. – С. 52.

¹⁰ Там же. – С. 106.

¹¹ Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста архиепископа Константинопольского. В XII т. Т. 7–9. – Минск, 2005. – С. 1165.

И, конечно же, мы должны обратиться к Евангелию. Пожалуй, одним из ярких эпизодов, в котором Бог раскрыл сущность человеческой совести, является тот, когда ко Христу книжники и фарисеи привели женщину, пойманную в момент прелюбодеяния, и поставили её перед Ним (Иоан. 8: 1–11). При этом они напоминали Ему закон Моисея, который предписывает побивание такой женщины камнями. Их истинной целью была не справедливость, а искушение Иисуса: они хотели, чтобы Он нарушил закон Моисея, либо произнес приговор, который противоречил бы Его учению о милосердии.

Христос ответил: «Кто из вас без греха, первый брось в неё камень». Услышав это, обвинители один за другим начали уходить, начиная со старших. Через некоторое время остались только Христос и женщина. Он спросил её о том, нет ли ещё кого-нибудь, кто бы осуждал её. Когда она ответила, что никого, Иисус сказал: «И Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши».

Этот отрывок демонстрирует милосердие Христа, его способность видеть далее буквы закона, понимать человеческие слабости и возможность личного покаяния и изменения. Кроме того, здесь мы видим проявление совести даже в душах противников Христа, людей закоснелых в своих заблуждениях, что указывает на силу совести, проявляющуюся даже в их душах. После такого примера сложно говорить о субъективности совести как таковой.

Жизнь Христа была эталоном деятельности любого человека в России после её просвещения светом Евангелия. Соответственно, совесть в российской традиции – это не просто побуждение к справедливости, но движение к справедливости высшей, средоточием которой, в частности, является милосердие [8, с. 111–134], ярко проявленное Христом в приведенном евангельском отрывке. Совесть пронизывает всю российскую культуру, имеющую святоотеческие корни. Это относится и к советскому периоду, о чем мы упомянем несколько ниже.

Особо отметим, что российская духовная традиция на первое место ставила именно совесть, как фундамент для второстепенных по отношению к ней справедливости и милосердия. Соответственно, совесть применительно к праву в российской традиции исключает понимание права как своеобразной «технологии». Это явление экзистенциальное.

В ч. 2 ст. 67.1 Конституции России говорится о необходимости сохранения памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога. При этом термин «сохранять» имеет множество смыслов и оттенков, среди которых беречь, следовать чему-то, исполнять¹².

Следовательно, сохранение памяти предков подразумевает и принятие понимания совести в российской культуре, которое мы описали выше. Таким образом, совесть – это один из идеалов, о которых говорится в ч. 2 ст. 67.1 Конституции России, при этом имеющий фундаментальное и строго определенное значение.

Подчеркнем, что формулировка ч. 2 ст. 67.1 Конституции России через отечественную религиозную традицию фактически во многом раскрывает нам суть феномена «совести» как части российской конституционной доктрины. Идеалы предков, как и их вера, немислимы без понятия «совесть». Значит, сейчас (после конституционной реформы 2020 года) можно определённо утверждать, что термин совесть используемый в ст. 28 Конституции также имеет и подчеркнутый религиозный подтекст, определяемый конкретной российской традицией. При этом мы не отвергаем полностью эволюционизм, который рассматривает совесть как результат социального развития. Мы лишь смещаем акценты.

Именно на совокупности личной совести каждого представителя народа выросло всё лучшее, чего добилась в своем развитии Россия. В тоже время принятие религиозно обусловленного утверждения о том, что совесть априори является частью сущности любого человека, коренным образом может поменять саму парадигму современного российского конституционализма.

Делаем неизбежный вывод о том, что концепт совести, являясь конституционной ценностью, должен быть не только сохранен в нормах УПК РФ, но и актуализирован во всех сферах законодательства.

Также концепт совести, безусловно, присутствовал у советского законодателя. Например, в Уставе КПСС говорилось, что коммунист должен действовать «по велению совести»¹³.

¹² Сохранять // Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – Т. 2. – 2-е изд., исправ. и значительно умноженное по рукописи автора. – Санкт-Петербург; Москва: издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1882. – С. 291.

¹³ Устав Коммунистической партии Советского Союза: принят XXII съездом КПСС. – Москва, 1961. – 64 с.

В постсоветском же уголовно-процессуальном законодательстве данный термин появился почти за 20 лет до включения в Конституцию России ст. 67.1. В данном случае мы видим преемственность и тенденцию.

Если о «совести» как неотъемлемой части российского конституционализма, обусловленной в том числе духовно-религиозной традицией, сейчас можно говорить твердо, то о «совести» как части советского конституционализма писать сложнее (хотя, по нашему убеждению, возможно и нужно, но это тема другого глубокого исследования). Мы же убеждены, что ментальное восприятие сущности термина «совесть» (пусть до конца и не формализованное даже в сознании человека в условиях советской власти) у советского и российского законодателя практически совпадали.

Они не могли не коррелировать, так как традиция понимания совести как внутреннего голоса, дающего нравственную оценку не только действий, но и мыслей человека, передавалась посредством социума из поколения в поколение даже в условиях декларации строительства атеистического государства. Как справедливо отмечал Б.А. Кистяковский, особенностью русского правосознания является «слитное существование в сознании норм права и норм нравственности» [9, с. 620]. Уверены, что этот внутренний голос у религиозного человека и атеиста различается только в отдельных второстепенных деталях.

В случае с российским уголовно-правовым законодательством мы сталкиваемся еще и с конституционной доктриной как неотъемлемой частью конституционализма, которая «обязала» законодателя использовать один из ключевых терминов «совесть» задолго до его конституционного раскрытия в 2020 году (хотя и косвенного через традицию). Это является еще одним подтверждением фундаментальности понятия «совесть» для российской правовой действительности как части конституционной доктрины, существующей объективно.

Соответственно, на основе изложенного возможно предложить юридическое определение совести с учетом российской правовой и культурной традиции: совесть – это внутренний морально-правовой регулятор, представляющий собой врожденную способность человека к объективной нравственной оценке собственных действий и мыслей, в окончательном формировании которой индивидуальный опыт имеет второстепенное значение. В российской правовой системе совесть преимущественно детерминирована высшими духовно-религиозными принципами в контексте идеалов, переданных нам предками, что было актуализировано конституционной поправкой 2020 года, и выступает дополнительным к закону критерием при принятии решений должностными лицами органов публичной власти, в частности судьями.

В заключение нужно отметить, что, по нашему мнению, появление термина «совесть» в нормативно-правовых актах, регламентирующих функционирование судебной власти, закономерно. Суды – это важнейший механизм жизнедеятельности государства. Именно суды представляют собой органы, которые способны оценить деятельность любого института и человека и восстановить своим решением/приговором справедливость.

Российский законодатель с самого начала чувствовал фундаментальность для жизнедеятельности государства понятия «совесть» и обратился к нему в поисках твердой почвы на поле правовой доктрины как к универсальному нравственному ориентиру, способному компенсировать пробелы формального права и подчеркнуть моральную основу принимаемых решений. Думается, что обращение российского законодателя в начале 90-х годов прошлого века (подчеркнем, что даже в условиях строительства либерального государства) к термину «совесть» можно рассматривать и в трансцендентной плоскости как акт отражения в его сознании духовно-религиозного начала. Следующим логичным шагом может стать более ясное и детальное развертывание понимания термина «совесть» в Основном законе России.

В частности, с учетом поправки 2020 года, имеет смысл дополнить преамбулу Конституции России после слов «...на своей земле» словами «руководствуясь совестью».

Список литературы

1. *Исмагилова, М.М.* Философское понимание силы права: совесть и достоинство в истоках народной органической жизни / М.М. Исмагилова, А.В. Римский, В.П. Римский // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право.* – 2022. – № 47(3). – С. 606–607.

2. Яшин, А.Н. Проблема совести в философии русского правосудия / А.Н. Яшин // Современные научные исследования и инновации. – 2017. – № 3 [Электронный ресурс]. – URL: <https://web.snauka.ru/issues/2017/03/80003> (дата обращения: 05.06.2025).
3. Честнов, И.Л. Постклассическая теория права / И.Л. Честнов. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2012. – 649 с.
4. Осавелюк, А.М. Идеалы и вера в Бога, переданные нам предками, в содержании новой редакции Конституции Российской Федерации / А.М. Осавелюк // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 1. – С. 3–12.
5. Рейфилд, Д. Заметки об Англии / Д. Рейфилд // Английский национальный характер / под ред. М.М. Филипповой. – Москва: АСТ, 2006. – С. 125–154.
6. Бойчук, И.В. Отражение концепта «совесть» в английской, русской и французской литературах / И.В. Бойчук // Лингвистические и методические аспекты преподавания иностранных языков: материалы IV Международной научно-практической конференции, 22–23 ноября 2013 г. / М-во образования и науки Российской Федерации [Департамент гос. политики в сфере высш. образования], Белгородский гос. нац. исследовательский ун-т; [редкол.: А.М. Амаатов (отв. ред.), Т.М. Тимошилова, Е.М. Шевченко]. – Белгород: Белгород: НИУ «БелГУ», 2013. – С. 41–45.
7. Лосский, Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики / Н.О. Лосский. – Москва: Политиздат, 1991. – 368 с.
8. Бердяев, Н.А. О назначении человека / Н.А. Бердяев. – Москва: Республика, 1993. – 383 с.
9. Кистяковский Б.А. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права / Б.А. Кистяковский. – Москва: М. и С. Сабашниковы, 1916. – 704 с.

References

1. Ismagilova, M.M. Philosophical understanding of the power of law: conscience and dignity in the origins of folk organic life / M.M. Ismagilova, A.V. Rimsky, V.P. Rimsky // NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right. – 2022. – No. 47(3). – Pp. 606–607.
2. Yashin, A.N. The problem of conscience in the philosophy of Russian justice / A.N. Yashin // Modern scientific research and innovation. – 2017. – No. 3 [Electronic resource]. – URL: <https://web.snauka.ru/issues/2017/03/80003> (access date: 05.06.2025).
3. Chestnov, I.L. Postclassic theory of law / I.L. Chestnov. – St. Petersburg: Aleteya, 2012. – 649 p.
4. Osaveliyuk, A.M. Ideals and faith in God, transmitted to us by our ancestors, in the content of the new edition of the Constitution of the Russian Federation / A.M. Osaveliyuk // State power and local self-government. – 2021. – No. 1. – Pp. 3–12.
5. Rayfield, D. Notes on England / D. Rayfield // English national character / Ed. M.M. Filippova. – Moscow: AST, 2006. – Pp. 125–154.
6. Boychuk, I.V. Reflection of the concept of “conscience” in English, Russian and French literature / I.V. Boychuk // Linguistic and methodological aspects of teaching foreign languages: materials of the IV International Scientific and Practical Conference, November 22–23, 2013 / Ministry of Education and Science of the Russian Federation [Department of State Policy in Higher Education], Belgorod State. nat. research university; [editor: A.M. Amatov (resp. ed.), T. M. Timoshilova, E. M. Shevchenko]. – Belgorod: NRU BelSU, 2013. – Pp. 41–45.
7. Lossky, N.O. Conditions of absolute goodness: Fundamentals of ethics / N.O. Lossky. – Moscow: Politizdat, 1991. – 368 p.
8. Berdyaev, N.A. On the appointment of a person / N.A. Berdyaev. – Moscow: Republic, 1993. – 383 p.
9. Kistyakovsky B.A. Essays on the methodology of social sciences and the general theory of law / B.A. Kistyakovsky. – Moscow: M. and S. Sabashnikov, 1916. – 704 p.

Статья поступила в редакцию: 17.11.2025.

Received: 17.11.2025.

Статья принята к публикации: 13.02.2026.

Accepted: 13.02.2026.

МЕХАНИЗМ ОТЗЫВА И ИЗМЕНЕНИЯ НЕЗАВИСИМОЙ ГАРАНТИИ С СОГЛАСИЯ БЕНЕФИЦИАРА

Поваров Юрий Сергеевич¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: povus@mail.ru

¹Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», г. Самара, Россия

Предметом комплексного анализа в статье выступает многогранная проблематика согласования с бенефициаром отзыва и изменения гарантом независимой гарантии после ее выдачи (правовое значение и порядок дачи согласия, природа и форма волеизъявления бенефициара и т.д.). Методологическую основу исследования составили общетеоретические (формальной и диалектической логики) и частнонаучные (юридико-догматический, толкования правовых норм, правового моделирования, сравнительно-правовой) методы. В итоге автор, в частности, обосновывает теоретическую приемлемость и практическую востребованность конструктов отзыва и изменения независимой гарантии; доказывает рациональность корректировки гражданского законодательства в части придания разрешительному порядку «статуса» базового (с учетом чего волеизъявление бенефициара могло бы быть квалифицировано в качестве согласия третьего лица на совершение сделки); признает логичность не только последующего, а и предварительного согласования; указывает на нецелесообразность задействования концепта зависимости формы волеизъявления бенефициара от формы, в которой выдана независимая гарантия. По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: отзыв независимой гарантии, изменение независимой гарантии, согласие на совершение сделки, предварительное согласие, последующее согласие, односторонняя сделка, форма сделки

MECHANISM FOR REVOCATION AND MODIFICATION OF AN INDEPENDENT GUARANTEE WITH THE CONSENT OF THE BENEFICIARY

Povarov Iu.S.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

e-mail: povus@mail.ru

¹Samara National Research University, Samara, Russia

The subject of a comprehensive analysis in the article is the multifaceted problem of agreeing with the beneficiary on the revocation and modification of an independent guarantee by the guarantor after its issuance (legal significance and procedure for giving consent, the nature and form of the beneficiary's expression of will, etc.). The methodological basis of the study is made up of general theoretical (formal and dialectical logic) and specific scientific (legal-dogmatic, interpretation of legal norms, legal modeling, comparative legal) methods. As a result, the author, in particular, substantiates the theoretical acceptability and practical relevance of the constructs of revocation and modification of an independent guarantee; proves the rationality of adjusting the civil legislation in terms of giving the permit procedure the «status» of a basic one (taking into account which the beneficiary's expression of will could be qualified as the consent of a third party to the transaction); recognizes the logic of not only subsequent, but also preliminary approval; indicates the inappropriateness of using the concept of the dependence of the form of the beneficiary's expression of will on the form in which the independent guarantee is issued. In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: revocation of an independent guarantee, modification of an independent guarantee, consent to a transaction, preliminary consent, subsequent consent, unilateral transaction, form of transaction

Вводные замечания

Максимизации обеспечительного эффекта независимой гарантии (далее по тексту – НГ, гарантия), в числе прочего, призван содействовать концепт недопустимости произвольного отзыва и изменения НГ гарантом, получивший четкое воплощение в ст. 371 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ). Между тем, соответствующая запретительная норма не является категорическим императивом: в гарантии допустимо зафиксировать право гаранта на ее отзыв и (или) изменение по собственной инициативе (см. п. 1 ст. 371 ГК РФ), пускай и с соблюдением определенных требований (см. п. 2–4 ст. 371 ГК РФ). Заметим, что подобное «ослабление»:

а) *является*, как таковое, *догматически приемлемым* (ибо ст. 310 ГК РФ признает возможность введения правовыми актами и договором изъятий из принципа недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства; в отмене односторонних сделок, к числу которых позволительно относить и выдачу гарантом НГ [1, с. 72; 2, с. 178–179], нельзя усмотреть нечто экстраординарное [3, с. 8–11] и т.д.);

б) в целом *соответствует запросам гражданского оборота* (даже несмотря на то, что реализация гарантом указанного права способно, разумеется, привести к умалению роли выданной им НГ как, фигурально выражаясь, «подушки безопасности» [4, с. 371] – эффективного и надежного инструмента обеспечения исполнения обязательства²), особенно, когда речь идет об *изменении* условий гарантийного обязательства без его «аннулирования» (в Концепции развития гражданского законодательства РФ, одобренной решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.³, как известно, на сей счет справедливо констатировалось, что деловая практика сигнализирует о насущной потребности «... в оперативном изменении обязательства гаранта без отзыва ... гарантии» (см. п. 3.3.5 разд. V)).

Кроме того, позиция российского законодателя во многом *опирается на опыт международно-правовой регламентации*, отраженный, прежде всего, в Конвенции ООН о независимых гарантиях и резервных аккредитивах, принятой резолюцией Генеральной Ассамблеи от 11 декабря 1995 г. № 50/48⁴ (далее – Конвенция ООН). Конвенция ООН, объявляя обязательство безотзывным с момента выдачи, одновременно признает возможность указания в нем на то, что оно является отзывным (т.е. *правило о безотзывности формулируется диспозитивным образом*) (см. п. 4 ст. 7); упорядочению также подвергается порядок *изменения* обязательства (см. ст. 8).

Несколько иначе, впрочем, разрешается исследуемая проблематика в Унифицированных правилах для гарантий по требованию (в редакции 2010 г.), разработанных Международной торговой палатой⁵ (далее – Правила МТП). Данный акт раскрывает механизм внесения *изменений* в гарантию, в том числе, в части суммы гарантии (см. ст. 11, 13), но исходит из безотзывности гарантии с момента ее выдачи, причем даже если об этом в ней ничего не сказано (см. п. (b) ст. 4) (соответственно, «... международная ... практика, – размышляет Л.А. Попкова, – признает *исключительно безотзывные* [здесь и далее курсив в цитатах наш. – Ю.П.] гарантии...» [5]).

Попутно акцентируем внимание на явном размежевании в ст. 371 ГК РФ в текущей редакции конструкторов отзыва и изменения НГ. Прежнее законодательство, напомним, регулировало лишь вопрос

¹ Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301 (с послед. изм. и доп.).

² С учетом этого очевидного обстоятельства в обороте в основном «представлены» безотзывные гарантии, хотя встречаются и отзывные, о чем, в частности, свидетельствует судебная практика (см., к примеру, определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20 апреля 2023 г. № 88-10694/2023).

В целях же охраны интересов бенефициара законодатель ситуативно оговаривает необходимость выдачи сугубо *безотзывной* гарантии (см., например, п. 4 ст. 60 ГК РФ, п. 5 ст. 74.1 Налогового кодекса РФ, п. 5 ст. 84.1 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»).

³ Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 11.

⁴ https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/credit.shtml.

⁵ Приводится по: *Рамберг Я.* Международные коммерческие транзакции / пер. с англ.; под ред. Н.Г. Вилковой. – 4-е изд. – Москва: Инфотропик Медиа, 2011. – 896 с.

об отзыве гарантии, что, памятуя об очевидном сопряжении означенных институтов (ибо «в целом, по резонному заключению А.В. Евдокимова, изменение условий гарантии можно рассматривать как *частичный* отзыв...» [6]), создавало неопределенность у правоприменителя в части (не)допустимости корректировки условий гарантии без прекращения обеспечительного обязательства (как небеспочвенно подчеркивалось в проекте Концепции совершенствования общих положений обязательственного права России⁶, присутствовала неясность по поводу того, охватывает ли понятие отзыва «...также и случаи изменения гарантии»); это, кстати, как раз и стало одним из главных поводов для новеллирования ст. 371 ГК РФ.

Данная интерпретация (созвучная положениям Конвенции ООН и Правил МТП, которые описывают «шаблонный» режим безотзывности гарантии «изолированно» – в отрыве от правил об изменении гарантийного обязательства), теоретических нареканий не вызывает (тем более, что отграничение случая прекращения обязательства от варианта его изменения типично для ГК РФ – см., например, ст. 453), а в прикладном аспекте кажется довольно удобной и понятной. В логике сказанного уместно выделять в чередке признаков (свойств и т.п.) гарантии не только ее безотзывность, а и неизменяемость [7] (либо неизменность [5]); впрочем, иной подход к соотношению исследуемых понятий по-прежнему встречается в литературе (так, Л.Г. Ефимова градирует гарантии на *отзывные и безотзывные* исходя из наличия либо отсутствия у гаранта права прекратить или *изменить* обязательство⁷).

ГК РФ почти не обсуждает вопрос о дополнительных (наряду с волеизъявлением гаранта) юридико-фактических предпосылках легитимного отзыва и изменения НГ (в этой связи солидаризируемся с И.И. Еремычевой и С.Л. Ермаковым, полагающими законным и оправданным формулирование соответствующих положений гарантом, в том числе, «по аналогии с основаниями прекращения поручительства...» [8, с. 23–24]). Прямое же нормативное указание на данный счет – правило п. 3 ст. 371 ГК РФ о *согласовании* отзыва или изменения гарантии с *бенефициаром*. Сосредоточенность законодателя именно на этом важном моменте легко объяснима – бенефициар является непосредственным участником гарантийного обязательства, и «трансформация» последнего напрямую затрагивает права и интересы бенефициара.

Принципал же, в отличие от бенефициара, субъектом собственно обеспечительного правоотношения не выступает. Поэтому законодатель рационально не обусловливает изменение данного обязательства – в плоскости отношений между гарантом и *бенефициаром* – «положительной» реакцией со стороны принципала (но противоположное решение вопроса, уверенны, может опосредоваться самой гарантией). Другое дело, что изменение НГ способно породить правовые последствия для *принципала* (помимо бенефициара) лишь тогда, когда он изъявит согласие на соответствующее изменение (см. п. 4 ст. 371 ГК РФ); сходным образом, к слову, затронутый ракурс рассматривается в Конвенции ООН (см. п. 4 ст. 8).

Законоположения касаясь получения согласия бенефициара весьма лаконичны, и их истолкование (в том числе в срезе сопряжения с иными нормами) порою сопряжено с определенными сложностями.

1. Проблема факультативности режима согласования отзыва (изменения) независимой гарантии с бенефициаром

Прежде всего, полемичным в доктрине остается вопрос о (не)обязательности санкционирования бенефициаром отзыва или изменения НГ (разумеется, когда НГ в принципе допускает подобные «метаморфозы»).

Некоторые ученые, анализируя предписания ст. 371 ГК РФ, *исходят из непреложности прохождения разрешительной процедуры*: так, по словам Т.Б. Замотаевой, условия безотзывности и неизменяемости НГ «...могут быть отменены ... *лишь с согласия бенефициара*» [7]; с точки зрения Т.Т. Коцоева, «...даже если гарантия содержит ... указание на возможность ее отзыва или изменения, *без согласия*

⁶ Бюллетень нотариальной практики. – 2009. – № 3. – С. 14–32.

⁷ См.: *Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г., Ефимова Л.Г.* Частное банковское право: учебник. – Москва: Проспект, 2020. – 776 с. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

бенефициара сделать этого будет *нельзя*⁸. «Консервативной» установки, судя по всему, придерживается В.А. Рудницкий, заявляя (пусть и применительно к частному случаю), что «в соответствии с п. 3 ст. 371 ГК РФ для уменьшения размера ... гарантии *необходимо получить от бенефициара документ, в котором ... будет выражено согласие...*» [9, с. 67].

Тем не менее, *из действующего законодательства, как представляется, императивность разбиряемого режима согласования не вытекает:*

во-первых, «пролегоменные» *положения п. 1 ст. 371 ГК РФ*, однозначно провозглашая правомерность фиксации в гарантии возможности ее отзыва или изменения гарантом (что, повторимся, вполне коррелирует с предписаниями ст. 310 ГК РФ, легитимирующими отступления от принципа недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства), *не содержат каких-либо рестриктивных указаний;*

во-вторых, специальные *правила п. 3 ст. 371 ГК РФ*, где прямо упоминается о согласии бенефициара, всего *лишь закрепляют «алгоритм» определения момента прекращения или изменения гарантийного обязательства при установлении в НГ разрешительного порядка;* однако, данные законоположения отнюдь не предусматривают безусловность (вне зависимости от контента НГ) его соблюдения. Симптоматично, что п. 2 ст. 371 ГК РФ, регламентируя вопрос о форме отзыва или изменении НГ, прибегает к идентичной (в сопоставлении с п. 3 ст. 371 ГК РФ) словесной формуле «...по условиям ... гарантии допускается ее отзыв или изменение гарантом...», но уже без добавочной ремарки о согласии бенефициара (соответственно, отзыв либо изменение НГ гипотетически могут происходить и с санкции бенефициара, и безотносительно к его «пожеланиям»).

Наконец, в русле установки об отмене НГ гарантом не иначе как с ведома бенефициара предписания ст. 371 ГК РФ об отзыве НГ в значительной степени теряли бы смысл⁹, поскольку гарантийное обязательство (в том числе отзывное) всегда может быть прекращено по соглашению гаранта с бенефициаром (см. подп. 4 п. 1 ст. 378, п. 3 ст. 407 ГК РФ).

Итак, *законодатель рассматривает изучаемый режим согласования в качестве факультативной, а не обязательной «опции»,* в свете чего элементом предусматриваемого в гарантии механизма ее отзыва либо изменения, среди прочего, может (но не должен!) быть запрос согласия бенефициара. В этом «либеральном» ключе, в частности, обоснованно рассуждает Р.С. Бевзенко: диспозитивные положения ст. 371 ГК РФ позволяют, по мнению автора, включить в текст НГ «...право на отзыв (*произвольно или в определенных случаях*)...» (хотя, конечно, речь тогда будет вестись о НГ «...с резко ослабленным обеспечительным эффектом»), при этом «отзыв или изменение ... *могут быть обусловлены получением согласия бенефициара*» [10, с. 514–515].

Примечательно, что Конвенция ООН и Правила МТП, излагая вопрос об учете позиции бенефициара по поводу изменения гарантии, также не настаивают на «жесткой» модели: Конвенция ООН разрешает пересмотреть правила о моменте изменения обязательства (определяемые в сцепке с дачей бенефициаром согласия!), в том числе, в выдаваемом гарантом обязательстве (см. п. 2 и 3 ст. 8); Правила МТП наделяют бенефициара правомочием отклонить изменение, но лишь при условии, что оно не было внесено в соответствии с условиями самой гарантии (см. п. (с) ст. 11).

Между тем, кардинальная разница наблюдается в части «автоматизма» действия режима согласования. Российский законодатель не признает «сценарий» отзыва и изменения НГ с согласия бенефициара не только в качестве обязательного, но и стандартного (т.е. действующего по умолчанию): мнение бенефициара приобретает важное юридическое значение исключительно благодаря наличию об этом прямой оговорки в НГ (естественно, при условии, что гарантия в принципе предусматривает возможность ее отзыва или изменения).

Данное обстоятельство препятствует бесспорной квалификации одностороннего волеизъявления бенефициара как согласия третьего лица на совершение сделки (в смысле положений ст. 157.1 ГК РФ):

⁸ Коцоев Т.Т. О некоторых вопросах использования независимой гарантии (статья подготовлена для справ.-правовой системы «КонсультантПлюс», 2022).

⁹ Но все-таки не полностью, ибо потенциально можно рассуждать о противопоставлении двух схем прекращения связанности участников обеспечительного обязательства – посредством совершения ими «цепочки» односторонних сделок и через заключение договора. К этому важному аспекту мы еще вернемся.

институт согласия на совершение сделки, несмотря на его универсализм (многообразии субъектов дачи согласия и пр.), буквально приурочен сугубо к согласиям, требуемым в силу закона; в нашем же случае режим согласования вводится *сделкой* (пускай и «по наводке» законодателя).

Анализируемые же международно-правовые документы руководствуются другой логикой применительно к изменению гарантии: отказавшись от его «изначального» отрицания, Конвенция ООН (ст. 8) и Правила МТП (ст. 11), по сути, оценивают разрешительный порядок в качестве базового (работающего по умолчанию), хотя и «готового» к корректировке либо отмене. Данный подход, в большей степени корреспондирующий идее поддержания предельно высокого обеспечительного потенциала НГ, представляется нам весьма привлекательным (по причине чего полезной кажется соответствующая модернизация положений ст. 371 ГК РФ); в этой «системе координат», кстати, согласие бенефициара воспринималось бы как согласие третьего лица на совершение сделки в контексте предписаний ст. 157.1 ГК РФ (что, в свою очередь, отчасти деактуализировало бы многие проблемы – касательно времени и порядка дачи согласия, его содержания и др.).

2. Юридическое значение согласия бенефициара и порядок его изъясления

При инициативном установлении в НГ изучаемого разрешительного порядка обеспечительное обязательство, в силу п. 3 ст. 371 ГК РФ, считается прекращенным либо измененным с момента получения гарантом согласия бенефициара. Таким образом, действия гаранта, не санкционированные бенефициаром, просто не вызывают ожидаемых правовых эффектов (и, соответственно, не обесценивается задача гарантийных обязательств создавать «...атмосферу надежности при исполнении взятых на себя обязательств» [11, с. 229]). Вместе с тем, формальные основания для интерпретации одностороннего волеизъявления гаранта в качестве несостоявшегося или недействительного отсутствуют. При гипотетическом же рассмотрении согласия на бенефициара как согласия на совершение сделки и, как следствие, применении ст. 173.1 ГК РФ, речь, скорее всего, должна будет идти о том, что односторонняя сделка гаранта, проигнорировавшего волю бенефициара, не повлечет для последнего (как лица, управомоченного давать согласие) правовых последствий; причем данный «сценарий», опять же, явно отграничивается законодателем от случаев оспоримости или ничтожности сделки (см. п. 1 указанной статьи).

Стоит особо отметить чрезмерную «строгость»¹⁰ и, пожалуй, пробельность приведенной регламентации (в первую очередь – сквозь призму определения времени изъясления согласия).

Во-первых, «за скобками» остается вариант дачи бенефициаром *предварительного согласия* (при том, что едва ли имеются весомые резоны для «...возражений против того, чтобы согласие ... было выражено *заранее*, до волеизъявления гаранта» [10, с. 515]); ясно, что п. 3 ст. 371 ГК РФ к данной ситуации *буквально применен быть не может*.

Во-вторых, при *последующем согласовании* иногда (к примеру, при введении дополнительных условий легитимного отзыва и изменения НГ) может возникать разумная потребность в привязке момента «трансформации» обязательственно-правовой связи к другому, нежели получение согласия бенефициара, параметру.

Вероятно, обсуждаемую норму органично трактовать не в смысле неизбежности совпадения моментов отзыва (изменения) НГ и получения гарантом согласия бенефициара, а в плане априорной *недопустимости прекращения (изменения) гарантийного обязательства ранее даты восприятия одобренного волеизъявления бенефициара*.

В этом измерении более сбалансированной и продуктивной видится схематика, раскрываемая в Конвенции ООН с опорой на темпоральный критерий (исходя из времени дачи бенефициаром согласия на изменение). На основании п. 2 и 3 ст. 8 названного источника обязательство, по общему правилу, надлежит считать измененным с момента: а) *выдачи изменения* – если бенефициар *заранее* дал на это разрешение; б) *получения уведомления о согласии* бенефициара на изменение – *в остальных случаях*.

¹⁰ В литературе даже высказываются соображения об императивном характере нормы (см., в частности: Борисов А.Н., Ушаков А.А., Чуев В.Н. Комментарий к разделу III «Общая часть обязательственного права» части первой Гражданского кодекса РФ (главы 21–29) (постатейный)) (подготовлен для справ.-правовой системы «КонсультантПлюс», 2015).

Положение об отзыве или изменении НГ с согласия бенефициара, как верно пишет В.А. Белов, несет в себе отпечаток «...по существу «договорного» (согласительного) решения...» [12, с. 82]. Однако оправданно ли считать, что п. 3 ст. 371 ГК РФ предполагает прекращение или изменение гарантийного правоотношения на основании двухсторонней сделки (договора)? По-видимому, именно к такому истолкованию склоняется Л.Г. Ефимова, подчеркивая, что изменение гарантийного обязательства, невзирая на его возникновение в силу односторонней сделки гаранта, «...допустимо осуществлять путем заключения *договора* ... в соответствии с п. 3 ст. 371 ГК РФ...»¹¹. Комментируя правила п. 3 ст. 371 ГК РФ, Р.С. Бевзенко заявляет, что в них, «по сути, речь идет о том, что ... отзыв или изменение оформляются *соглашением*...» [10, с. 515].

Договорный механизм оформления прекращения (изменения) обязательства гаранта (в том числе в русле выполнения требований п. 3 ст. 371 ГК РФ) отвергать, конечно, не стоит. Тем не менее, анализируемые законоположения, думается, сориентированы перво-наперво на случаи, когда волеизъявления гаранта и бенефициара являют собой односторонние волевые акты (и тогда правовые последствия детерминируются юридическим составом); не случайно, что в п. 3 ст. 371 ГК РФ упоминается о *согласии* одного участника, а не *соглашении* контрагентов (тогда как в подп. 4 п. 1 ст. 378 ГК РФ говорится о *соглашении* гаранта с бенефициаром). В практическом же плане отказ от «монополизма» договорной модели позволяет упростить «протокол» взаимодействия сторон.

3. Форма согласия бенефициара

Специальных правил касательно способов выражения воли бенефициара ГК РФ не содержит (что, полагаем, косвенно отражает концепт факультативности исследуемого режима согласования), вследствие чего общеупотребительным в литературе стало утверждение о принципиальной *допустимости любой формы*, включая устную (но с точки зрения обеспечения определенности отношений предпочтительной, несомненно, является письменная форма)¹².

Любопытно, что Конвенция ООН, в отличие от ГК РФ, предусматривает требования к форме уведомления о согласии бенефициара на изменение обязательства (и пристальное отношение к данному тематическому аспекту, наверное, вызвано признанием режима согласования в качестве «дежурного», а не исключительного при изменении условий гарантии); однако, эти требования тождественны правилам о форме, установленной для выдачи обязательства (п. 3 ст. 8)¹³, которые, в свою очередь, являются максимально «лояльными» (речь идет о *любой форме*, позволяющей обеспечить полную регистрацию текста обязательства и произвести верификацию его источника, – см. п. 2 ст. 7).

В развитие сказанного и принимая во внимание общие правила ст. 158 ГК РФ о форме сделок (при том, что волеизъявление бенефициара зримо имеет качества сделки), сегодня оправданно утверждать, что:

а) изъяснение бенефициаром своего согласия через *конклюдентные действия в корне не исключается*;

б) *молчание же, если иное не следует из закона, а равно договора с участием бенефициара* (но не из выданной гарантом НГ – односторонней сделки!), наоборот, *нельзя идентифицировать в качестве согласия* [13, с. 26].

Довольно примечательны в этом срезе положения ст. 11 Правил МТП, в силу которых отклонение изменения в гарантию бенефициаром возможно до тех пор, пока он не уведомит о своем согласии принять изменение или не осуществит представление, соответствующее исключительно измененной гарантии (последняя вариация – пример именно конклюдентного поведения); однако, включенное в из-

¹¹ См.: Ефимова, Л.Г. Указ. соч. / Л.Г. Ефимова, Т.Э. Рождественская, А.Г. Гузнов [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² См., в частности: Гражданский кодекс РФ. Постатейный комментарий к разделу III «Общая часть обязательственного права» / под ред. Л.В. Санниковой. – Москва: Статут, 2016. – 624 с. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (см. комментарий к ст. 371 ГК РФ).

¹³ Подчеркнем, что здесь имеет место отсылочное регулирование, а не введение принципа зависимости формы (последний предполагает необходимость соблюдения формы *фактически совершенной сделки*).

менение условие о том, что изменение вступает в силу при его неотклонении бенефициаром в течение определенного периода времени (т.е. при молчании бенефициара), не должно приниматься в расчет.

Применительно к собственно отзыву или изменению НГ гарантом работает генеральное правило о зависимости их формы от формы, в которой выдана сама НГ (правда, иная форма «вторичной» сделки может быть установлена гарантией) (см. п. 2 ст. 371 ГК РФ); данный подход (по факту дублирующий положения Конвенции ООН о форме изменения обязательства – см. п. 1 ст. 8) учитывает «генетическую» связь актов, опосредующих возникновение и прекращение (либо изменение) гарантийного обязательства, и гармонирует с регулированием вопроса о форме «производных» сделок в сходных ситуациях в отечественном гражданском законодательстве (например, в случае изменения или расторжения договора – см. п. 1 ст. 452 ГК РФ), в свете чего видится вполне адекватным. Но указанные правила на одностороннее волеизъявление *бенефициара de lege lata* не распространяются (ведь они приурочены, повторимся, к ситуации выражения воли *гарантом*); имея в виду вытекающую из предписаний ст. 371 ГК РФ автономность действий гаранта и бенефициара, позволим заявить и об отсутствии серьезных оснований для задействования принципа зависимости формы *de lege ferenda*.

Заключение

Кратко резюмируя изложенное, укажем на то, что:

1) отечественная модель отзыва и изменения НГ с согласия бенефициара фундируется на тезисе о факультативности разрешительного порядка, причем действующего не по умолчанию, а лишь при наличии специальной оговорки об этом в самой гарантии; в данной связи, в частности, одобрительное волеизъявление бенефициара затруднительно квалифицировать в качестве согласия на совершение сделки в смысле предписаний ст. 157.1 ГК РФ;

2) отталкиваясь от правомерности и целесообразности не только последующего, но и предварительного согласования, правила п. 3 ст. 371 ГК РФ приемлемо трактовать ограничительно – в ракурсе недопустимости прекращения (изменения) гарантийного обязательства ранее даты получения гарантом согласия бенефициара;

3) законодательное закрепление принципа зависимости формы согласия бенефициара от формы, в которой выдана гарантия, вряд ли обоснованно.

Список литературы

1. Гавричков С.В. Судебный запрет платежа по банковской гарантии как процессуальный способ вмешательства в гарантийные правоотношения // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19, № 10. – С. 70–80.
2. Юсупов Д.Д. Правовая природа независимой (банковской) гарантии // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13, № 11-1. – С. 177–182.
3. Вершинин С.Н. Особенности выдачи банковской гарантии в законодательстве Российской Федерации // Банковское право. – 2007. – № 2. – С. 8–11.
4. Ларинбаева И.И., Юлбердин А.А. Независимая гарантия как мера обеспечения исполнения обязательств: проблемы и практика применения // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 370–372.
5. Попкова Л.А. Новеллы правового регулирования независимой гарантии // Банковское право. – 2013. – № 2. – С. 65–70.
6. Евдокимов А.В. Разновидности независимых гарантий // Закон. – 2016. – № 3. – С. 57–70.
7. Замотаева Т.Б. Проблемы правового регулирования независимой гарантии // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 1. – С. 21–24.
8. Еремычева И.И., Ермаков С.Л. Правовое регулирование и виды банковской гарантии // Право и экономика. – 2003. – № 12. – С. 17–28.
9. Рудницкий В.А. Правовой механизм частичного прекращения банковской гарантии в сфере госзакупок // Банковское право. – 2019. – № 3. – С. 63–70.

10. Байбак В.В., Бевзенко Р.С., Беляева О.А. [и др.]. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. – Москва: М-Логос, 2017. – 1120 с.
11. Фроловская Ю.И. Теоретические рассуждения о независимой гарантии как о надежном способе защиты договорных отношений с участием пенитенциарных учреждений и органов // Человек. Социум. Общество. – 2025. – № 12. – С. 228–232.
12. Белов В.А. Независимая гарантия в измененном Гражданском кодексе Российской Федерации и актах – источниках международного торгового права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2015. – № 4. – С. 71–89.
13. Поваров Ю.С. Вопросы признания молчания в качестве согласия на совершение сделки (в разрезе допустимых источников регулирования) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – Т. 7, вып. 2. – С. 24–29.

References

1. Gavrichkov S.V. Judicial injunction against payment under a bank guarantee as a procedural means of intervention in guarantee legal relations // Current issues of Russian law. – 2024. – Vol. 19, No. 10. – Pp. 70–80.
2. Yusupov D.D. Legal nature of an independent (bank) guarantee // Issues of Russian and international law. – 2023. – Vol. 13, No. 11-1. – Pp. 177–182.
3. Vershinin S.N. Features of issuing a bank guarantee in the legislation of the Russian Federation // Banking law. – 2007. – No. 2. – Pp. 8–11.
4. Larinbaeva I.I., Yulberdin A.A. Independent guarantee as a measure to ensure the fulfillment of obligations: problems and practice of application // Law and state: theory and practice. – 2025. – No. 2. – Pp. 370–372.
5. Popkova L.A. Novels in legal regulation of an independent guarantee // Banking law. – 2013. – No. 2. – Pp. 65–70.
6. Evdokimov A.V. Types of independent guarantees // Zakon. – 2016. – No. 3. – Pp. 57–70.
7. Zamotaeva T.B. Problems of legal regulation of an independent guarantee // Laws of Russia: experience, analysis, practice. – 2016. – No. 1. – Pp. 21–24.
8. Eremycheva I.I., Ermakov S.L. Legal regulation and types of bank guarantee // Law and Economics. – 2003. – No. 12. – Pp. 17–28.
9. Rudnitsky V.A. Legal mechanism for partial termination of a bank guarantee in the field of public procurement // Banking law. – 2019. – No. 3. – Pp. 63–70.
10. Baibak V.V., Bevzenko R.S., Belyaeva O.A. [and others]. Contractual and obligation law (general part): article-by-article commentary to Articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation / ed. A.G. Karapetyan. – Moscow: M-Logos, 2017. – 1120 p.
11. Frolovskaya Yu.I. Theoretical considerations on an independent guarantee as a reliable way to protect contractual relations involving penitentiary institutions and bodies // Man. Society. Obshchestvo. – 2025. – No. 12. – Pp. 228–232.
12. Belov V.A. Independent guarantee in the amended Civil Code of the Russian Federation and acts – sources of international trade law // Herald of the Economic Justice in the Russian Federation. – 2015. – No. 4. – Pp. 71–89.
13. Povarov Yu.S. Issues of recognizing silence as consent to a transaction (in the context of permissible sources of regulation) // Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. – 2022. – Vol. 7, iss. 2. – Pp. 24–29.

Статья поступила в редакцию: 10.07.2025.

Received: 10.07.2025.

Статья принята к публикации: 28.01.2026.

Accepted: 28.01.2026.

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ КРАТКОСРОЧНОГО НАЙМА ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сапогов Владимир Митрофанович¹,
канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: dikbul@yandex.ru,

Бахирева Ольга Владимировна¹,
e-mail: olgabakhireva@inbox.ru

¹Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Псковский государственный университет», г. Псков, Россия

В настоящее время в отечественном жилищном законодательстве нормы, регулирующие краткосрочный найм жилых помещений, требуют изменений, которые будут основываться на правовой позиции Конституционного Суда РФ, разграничивающей краткосрочный найм жилого помещения и предоставление гостиничных услуг. Суды общей юрисдикции продолжают выносить решения, которыми запрещают гражданам предоставлять собственное жилье в краткосрочный найм, приравнивая указанную деятельность к оказанию гостиничных услуг. Проекты федерального закона в части урегулирования краткосрочного найма жилых помещений не устраняют противоречий, отраженных в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 23 марта 2023 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 17 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П.Е. Бахирева». Авторы определяют перспективы дальнейшего развития законодательства в части регулирования предоставления жилых помещений для временного проживания третьим лицам. В целях соблюдения баланса интересов всех собственников помещений в многоквартирном доме наряду с другими мерами предлагается создание перечня критериев, в соответствии с которыми возможно определить, является ли предоставление жилья краткосрочным наймом или это гостиничные услуги. По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: договор найма жилого помещения, краткосрочный найм, гостиничные услуги, жилищные права, Конституционный Суд РФ, жилищное законодательство, правоприменение

PROBLEMS OF EFFICIENCY OF REGULATION OF SHORT-TERM RENTING OF RESIDENTIAL PREMISES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Sapogov V.M.¹,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: dikbul@yandex.ru,

Bakhireva O.V.¹,
e-mail: olgabakhireva@inbox.ru
¹Pskov State University, Pskov, Russia

Currently, in domestic housing legislation, the norms governing the short-term rental of residential premises require changes that will be based on the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation, delimiting short-term rental of residential premises and the provision of hotel services. Courts of general jurisdiction continue to issue decisions that prohibit citizens from providing their own housing in the short term, equating this activity with the provision of hotel services. The draft federal law regarding the settlement of short-term rental of residential premises does not eliminate the contradictions reflected in the Decree of the Constitutional

Court of the Russian Federation of March 23, 2023 No. 9-P “In the case of checking the constitutionality of part 3 of article 17 of the Housing Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen P.E. Bakhirev.” The authors determine the prospects for the further development of legislation in terms of regulating the provision of residential premises for temporary residence to third parties. In order to maintain a balance of interests among all property owners in an apartment building, along with other measures, it is proposed to create a list of criteria to determine whether the provision of housing constitutes short-term rental or hotel services. In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: residential lease agreement, short-term rental, hotel services, housing rights, Constitutional Court of the Russian Federation, housing legislation, enforcement

Введение

В сфере жилищного права актуальной и насущной проблемой, связанной с правовым регулированием договора найма жилого помещения, является такое явление, как краткосрочный наем.

Действующее законодательство не содержит перечня критериев, в соответствии с которыми возможно определить, является ли предоставление жилья краткосрочным наймом или это иное обязательственное отношение, чаще всего имеющее признаки гостиничных услуг.

Неурегулированность в указанном аспекте, проявляющаяся в возникновении противоречивой судебной практики, послужила основанием для вынесения Конституционным Судом РФ Постановления от 23 марта 2023 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 17 Жилищного кодекса РФ в связи с жалобой гражданина П.Е. Бахирева».

Несмотря на то, что с момента вынесения указанного Постановления Конституционного Суда РФ прошел уже не один год, мы не наблюдаем эффективных решений законодателя с целью урегулирования краткосрочного найма жилых помещений в РФ.

На законодательном уровне была предпринята попытка урегулирования вопроса посуточного найма жилых помещений в связи с вышеуказанным Постановлением: были инициированы поправки в часть 2 статьи 30 Жилищного кодекса РФ, которые, по своей сути, изначально являлись формальным ответом на необходимость урегулирования деятельности по краткосрочному найму жилых помещений.

Результатом указанной нормотворческой инициативы стал Федеральный закон № 55 от 23 марта 2024 года «О внесении изменения в статью 30 Жилищного кодекса РФ», который не вносит никакой правовой ясности в вопрос «урегулирования особенностей краткосрочного предоставления жилых помещений для размещения граждан, поддерживая необходимый баланс интересов всех участников таких правоотношений», как того требовал Конституционный Суд РФ.

Особенно показательным в части неэффективности поправок является их заключительная часть: «В случае, если предоставление такого жилого помещения нарушает жилищные права граждан, проживающих в многоквартирном доме, в котором оно расположено, граждане, жилищные права которых нарушены, вправе обратиться за их защитой в суд». Указанное заключение нивелирует силу закона, поскольку такой формулировкой законодатель признает, что не в силах урегулировать поставленный вопрос и вновь перекладывая его решение на усмотрение суда, у которого, в свою очередь, по-прежнему отсутствуют четкие и однозначные правовые нормы для разрешения подобных споров.

В настоящее время судебная практика указывает на то, что после принятия Постановления Конституционного Суда РФ от 23 марта 2023 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 17 Жилищного Кодекса РФ в связи с жалобой гражданина П.Е. Бахирева», а также Федерального закона № 55 от 23 марта 2024 года «О внесении изменения в статью 30 Жилищного Кодекса РФ», суды общей юрисдикции продолжают выносить решения, которыми запрещают гражданам предоставлять собственное жилье в краткосрочный наем, приравнивая указанную деятельность к оказанию гостиничных услуг.

Так, например, 5 октября 2024 года Курганским городским судом Курганской области по гражданскому делу № 2-5921/2024 вынесено решение, которым запрещено осуществление коммерческой деятельности гражданина К. по посуточной сдаче в наем собственной однокомнатной квартиры, 11 марта 2025 года Судебной коллегией по гражданским делам Курганского областного суда было вынесено

определение по делу № 33-452/2025 о прекращении использования указанной квартиры для оказания гостиничных услуг, с которым впоследствии согласился и суд кассационной инстанции.

Вышеуказанное свидетельствует о том, что пробелы в части урегулирования краткосрочного найма жилых помещений, законодателем не устранены, требуется принятие дополнительных мер для выполнения указаний Конституционного Суда РФ, что вызывает большой исследовательский интерес в юридической науке.

Основная часть

Относительно предоставления жилья в краткосрочный найм в современных правовых исследованиях представлены различные суждения.

Обобщая зарубежный опыт правовой регламентации сроков и запретов найма А.В. Сафонов обращает внимание на проблему, связанную не с определением минимальных и максимальных сроков найма, а с выработкой правил, по которым предоставление жилых помещений в многоквартирных домах приравнивается к деятельности по оказанию гостиничных услуг, которая прямо и ли косвенно требует учета мнения соседей-собственников [1].

Ряд исследователей обращают внимание на тот факт, что предписания действующего законодательства, в частности ч. 3 ст. 17 ЖК РФ, не содержат основания для определения, предоставляется ли жилое помещение в краткосрочный найм или наличествуют гостиничные услуги [2; 3]. Также отмечается, что не определен исчерпывающий перечень оснований для расторжения договора коммерческого найма жилого помещения, что имеет непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме [4; 5]. Значительное число исследователей связывают разрешение проблем правового регулирования краткосрочного найма через институт соседского права, предполагающий внесение изменений в жилищное законодательство с упором на создание механизмов защиты добросовестных владельцев жилых помещений [6; 7; 8].

Законодатель не оставляет без внимания затронутые в указанных исследованиях проблемы, при этом, принятые в жилищное законодательство поправки в принципе не содержат в себе разрешения вопросов краткосрочного найма, за исключением требований энергоэффективности и оснащенности помещений приборами учета, что также, логично, должно распространяться на всех собственников помещений, вне зависимости от целей использования помещения: в жилых помещениях, которые не сдаются в наем, может проживать неустановленное количество незарегистрированных граждан, пользующихся коммунальными услугами без установки приборов учета. Закон, в свою очередь, обязывает исключительно собственника, сдающего жилое помещение в наем, соблюдать правила энергоэффективности, что также является наглядным примером правового дисбаланса.

В настоящее время предпринимаются очередные попытки урегулировать вопрос краткосрочного найма жилых помещений. В проекте федерального закона № 900934-8 «О внесении изменений в статью 30 Жилищного кодекса РФ» предложено расширить полномочия надзорных органов, осуществляющих региональный государственный жилищный надзор в части осуществления защиты прав граждан при нарушениях, выявленных в ходе деятельности по предоставлению жилья в краткосрочный наем, а также дополнить указанную статью частью 2.1 в следующей редакции: «2.1 Собственник жилого помещения, предоставленного во владение и (или) в пользование гражданину на основании договора найма, договора безвозмездного пользования, а также юридическому лицу на основании договора аренды, за исключением договоров, заключенных в соответствии со статьей 609 Гражданского кодекса РФ, обязан получить согласие собственников всех соседних и примыкающих помещений к такому помещению. Указанное согласие должно быть оформлено в письменной произвольной форме, позволяющей определить его волеизъявление, в котором указываются фамилия, имя, отчество (при наличии), паспортные данные физического лица – собственника, полное наименование и основной государственный регистрационный номер юридического лица – собственника, реквизиты документов, подтверждающих право собственности на соседнее или примыкающее помещение»¹¹.

¹¹ Проект федерального закона № 900934-8 «О внесении изменений в статью 30 Жилищного кодекса РФ»: офиц. сайт Государственной думы РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/900934-8> (дата обращения: 29.01.2026).

Прежде всего, необходимо отметить, что отдельное указание на право обращения гражданина в уполномоченный орган субъекта РФ, является явно избыточным в связи с тем, что граждане имеют равные права на обращение в надзорные органы и на судебную защиту. Данные права не могут являться исключительной привилегией одной из сторон спора. Так, право гражданина на обращение в надзорные органы за защитой нарушенных прав закреплено в статье 33 Конституции РФ, а также в Федеральном законе от 02 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения граждан РФ», в то время как право гражданина на судебную защиту закреплено в статье 46 Конституции РФ.

Мы полагаем, что предлагаемые поправки в статью 30 Жилищного кодекса РФ направлены не на урегулирование вопроса как такового, а имеют своей целью снижение нагрузки на суды и потока заявлений относительно предоставления жилья в краткосрочный наем в правоохранительные органы.

По сути, законодатель предлагает наймодателю и его соседям нести совместную ответственность за временно проживающих в квартире наймодателя лиц (нанимателей или арендаторов). Так, при возникновении спорных ситуаций, в которых отсутствуют составы административных правонарушений, соседям, обратившимся в правоохранительные органы, может быть отказано в рассмотрении жалобы или заявления на основании того, что они ранее собственноручно дали согласие на то, что та или иная квартира будет сдаваться в краткосрочный наем, тем самым, согласились с возможными негативными последствиями подобной деятельности.

Наложение на собственника жилого помещения обязанности по получению согласия от соседей определенно не согласуется с частью 1 статьи 43 и частями 1 и 2 статьи 35 Конституции РФ, позицией Конституционного Суда РФ, выраженной в Постановлении № 9-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 17 Жилищного кодекса РФ в связи с жалобой гражданина П.Е. Бахирева», а также статьей 209 Гражданского кодекса РФ.

Считаем важным обратить внимание на то, что указанный законопроект несет в себе многочисленные потенциальные риски, которые, в свою очередь, могут увеличить количество обращений граждан за судебной защитой: вымогательства (обмен согласия на денежное вознаграждение), фальсификации согласий, произвольного отзыва согласий, совместной ответственности соседей за действия гражданина, проживающего в квартире иного гражданина-собственника предоставляемого в наем жилого помещения и так далее.

Также важно понимать, что законодатель пытается обязать собственника получить разрешения не только соседей квартир, находящихся на одной лестничной площадке, но и тех соседей, чьи квартиры, являясь прилегающими, находятся на других этажах и в соседних подъездах многоквартирного дома, что может являть собой практически невыполнимую задачу.

Очевидно, не учитывается тот факт, что многие собственники, владеющие квартирами, не проживают в этих квартирах постоянно или временно, что также влечет невозможность получения согласия. Кроме прочего, законодателем не учитывается и возможность специфики личностных взаимоотношений между соседями, которые могут стать препятствием для получения согласия.

Также важно отметить, что Конституционный Суд РФ ранее установил, что гражданин имеет право сдавать квартиру на срок от одних суток. Таким образом, к договорам краткосрочного найма относятся все договоры, заключенные на период от одних суток до двенадцати месяцев. То есть, краткосрочный наем жилого помещения выходит далеко за пределы посуточного найма. В то же время, термин «посуточный наем» в законодательстве отсутствует.

Необходимо отметить, что в ч. 2 ст. 683 Гражданского кодекса РФ уже содержится положение о краткосрочном найме жилого помещения на срок до одного года. Заключение данного договора является более привлекательным для наймодателей жилых помещений, так как на него не распространяются положения статей 684 и 687 Гражданского кодекса РФ, обременяющие собственников жилых помещений дополнительными обязанностями при расторжении договора коммерческого найма жилого помещения.

По данным ВЦИОМ каждый десятый россиянин проживает в съемном жилье, и наймодатели предпочитают заключать именно краткосрочные договоры найма. При этом, необходимо учитывать, что указанный процент граждан не включает в себя нанимателей жилья посуточно, число которых стремительно возросло за последние три года в связи с интенсивным развитием внутреннего туризма и отсутствием достаточного количества доступных по цене и комфортных средств размещения.

Последствия ограничений, предложенных в проекте федерального закона № 900934-8 «О внесении изменений в статью 30 Жилищного кодекса РФ», неминуемо затронут сферу жилищного строительства, так как граждане, приобретающие квартиры в строящихся домах с целью их последующей сдачи в наем, будут отказываться от подобных инвестиций в связи с необходимостью получения согласия прочих собственников для указанного вида деятельности: на момент покупки квартиры в строящемся многоквартирном доме, невозможно знать, будет ли реально получить согласие других собственников.

Заключение

Таким образом, проект федерального закона № 900934-8 «О внесении изменений в статью 30 Жилищного кодекса РФ» предполагает внесение нормы, согласно которой граждане фактически утрачивают возможность свободно и в соответствии с действующим законодательством РФ, распоряжаться собственным жилым помещением.

Предлагая трудновыполнимые ограничения в рассматриваемой сфере правоотношений, законодатель может способствовать созданию теневой сферы краткосрочного найма, росту судебных споров и неправовых способов разрешения конфликтов.

С нашей точки зрения, указанная законодательная инициатива не является конституционной и не направлена на поддержание баланса прав граждан при реализации права на предоставление жилых помещений в краткосрочный наем, равно как и нормы, внесенные в Жилищный кодекс РФ Федеральным законом № 55 от 23 марта 2024 года «О внесении изменения в статью 30 Жилищного кодекса РФ».

В Постановлении Конституционного Суда РФ № 9-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 17 Жилищного кодекса РФ в связи с жалобой гражданина П.Е. Бахирева» определены основные критерии, которые могут указывать на предоставление гостиничных услуг даже при предоставлении в краткосрочный наем квартир: помещение оборудовано (оснащено) таким образом, что позволяет размещать в нем значительно больше людей, чем допустимо при обычном проживании; помещение регулярно предоставляется значительно большему числу граждан, чем размещается в таком помещении при обычном проживании; срок предоставления помещения составляет менее одних суток (почасовой наем); помещение используется не для проживания, а для иных целей (проведение праздников, мероприятий, встреч и т.п.); в местах общего пользования многоквартирного дома постоянно или регулярно находятся лица, оказывающие гостям услуги, типичные для гостиниц; один собственник сдает на короткий срок несколько помещений в одном многоквартирном доме.

Учитывая позицию Конституционного Суда РФ, предлагаем внесение следующих изменений в Гражданский и Жилищный кодексы РФ.

Изменения в статью 683 Гражданского кодекса РФ должны: определить минимальный срок найма жилого помещения – одни сутки; разграничить виды договоров коммерческого найма по признаку длительности периода, на который они заключаются: посуточный коммерческий наем жилого помещения – от одних до тридцати суток; краткосрочный коммерческий наем жилого помещения – от тридцати суток до одного года; долгосрочный коммерческий наем жилого помещения – свыше одного года. Гражданский кодекс РФ предлагается дополнить статьей 683.1 «Посуточный коммерческий наем жилого помещения» следующего содержания:

«1. Посуточным коммерческим наймом жилого помещения признается предоставление жилого помещения нанимателю для проживания на срок не более тридцати суток, если иное не предусмотрено федеральным законом.

2. Договор посуточного коммерческого найма жилого помещения заключается в порядке, установленном настоящей главой, с учетом особенностей, предусмотренных настоящей статьей.

3. Посуточный коммерческий наем жилого помещения не является оказанием гостиничных услуг, если при его осуществлении отсутствуют признаки услуг размещения, предусмотренные законодательством РФ о защите прав потребителей и о туристской деятельности, и сохраняется целевое назначение жилого помещения, соблюдается норма предоставления жилой площади.

4. В период действия договора посуточного коммерческого найма жилое помещение используется исключительно для проживания граждан. Запрещается оказание в помещении услуг, характерных для гостиничной деятельности, включая ежедневную уборку, обслуживание номеров, предоставление питания, а также организацию размещения неопределенного круга лиц.

5. Стороны вправе заключать последовательно несколько договоров краткосрочного найма, если это не приводит к утрате жилым помещением своего назначения и не нарушает требования жилищного законодательства РФ.

6. Особенности учета договоров краткосрочного найма, налогообложения доходов от его осуществления, а также требования к порядку предоставления жилых помещений для краткосрочного проживания могут устанавливаться федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ».

На наш взгляд, ст. 17 Жилищного кодекса РФ необходимо дополнить ч. 3.1 следующего содержания: «Использование жилого помещения для посуточного коммерческого найма сроком до 30 суток допускается при условии, что такое использование предназначено исключительно для проживания граждан, не сопровождается оказанием гостиничных услуг и не приводит к утрате жилым помещением его назначения. Посуточный коммерческий наем жилого помещения не относится к гостиничной деятельности».

Считаем необходимым на федеральном уровне (постановлением Правительства РФ или приказом Министра РФ) принять Правила ответственного найма жилых помещений, в которых будут отражены следующие основные положения: 1. Исключительно контактное (очное) заселение нанимателя. Установление личности нанимателя по документу, удостоверяющему личность, запрет на сдачу помещения лицам без документов. 2. Заключение письменного договора найма с фиксацией ответственности сторон. 3. Регистрация собственника жилья как индивидуального предпринимателя или самозанятого при регулярной сдаче. Ведение налоговой отчетности и уплата налогов в соответствии с режимом налогообложения. 4. Соблюдение норматива плотности размещения – не менее 6 квадратных метров жилой площади на человека. 5. Информирование управляющей организации о факте краткосрочного найма. 6. Обеспечение условий безопасного проживания (исправные замки, памятки). 7. Наличие в квартире правил проживания (закон о тишине, запрет курения, правила пользования техникой). 8. Оперативная реакция собственника на обращения соседей и управляющей организации. Предоставление контактного телефона ответственного лица (наймодателя) нанимателю, управляющей организации. 9. Соблюдение санитарно-гигиенических требований. 10. В случае, если несколько квартир находятся под управлением юридического лица (например, управляющей компании), то на юридическое лицо необходимо возлагать обязанность по соблюдению общих правил ответственного найма жилых помещений.

Так как правовой режим использования жилых помещений регулируется нормами административного, жилищного, миграционного и налогового права, у собственника (наймодателя) наличествуют соответствующие обязанности и по обеспечению надлежащих условий проживания, и соблюдению установленных государством требований.

Несоблюдение указанных правил должно повлечь наступление ответственности в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях РФ, что потребует внесения изменений относительно включения новых составов правонарушений в КоАП РФ, влекущих меры ответственности для недобросовестных наймодателей.

Очевидно, что от органов государственной власти РФ в пределах своей компетенции требуется участие в разработке законопроекта, направленного на разграничение понятий краткосрочного найма жилых помещений и оказания гостиничных услуг с нормативным закреплением соответствующих критериев, стимулировать работу правоохранительных органов в части своевременного реагирования на правонарушения, повысить контроль за качеством работы надзорных органов в части реагирования на жалобы граждан, обеспечить контроль налоговых органов за своевременной и полной уплатой налогов при реализации права граждан на предоставление жилых помещений в краткосрочный наем.

Указанные действия требуют междисциплинарного и согласованного подхода, который обеспечит эффективность мер и будет способствовать легализации рынка посуточного найма жилых помещений, повышению сбора налогов, снижению уровня административных правонарушений, бытовых конфликтов.

Список литературы

1. Сафонов А.В. Пределы реализации права на краткосрочную сдачу внаем квартиры // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2023. – Т. 8, вып. 3. – С. 34–40. DOI: 10.47475/2618-8236-2023-8-3-34-40
2. Бандо М.В. Пределы права собственности на жилые помещения и возможность заключения договоров краткосрочного найма жилых помещений // Закон. – 2023. – № 3. – С. 78–89.
3. Полуянов А.Р. Краткосрочный найм и предоставление гостиничных услуг: критерии разграничения в свете правовой позиции Конституционного Суда РФ // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. – 2023. – № 3 (45). – С. 131–135.
4. Лёвкин В.Ю. Проблемы правового регулирования расторжения договора коммерческого найма жилого помещения // Аллея Науки: Актуальные вопросы политики и права. – 2021. – № 11(62). – URL: https://alley-science.ru/domains_data/files/4November2021/PROBLEMY%20PRAVOVOGO%20REGULIROVANIYA%20RASTORZHENIYA%20DOGOVORA%20KOMMERCHEESKOGO%20NAYMA%20ZHILOGO%20POMESHENIYA.pdf?x70727
5. Чорновол Е.П. Система договоров найма жилого помещения в российском гражданском и жилищном праве // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 10А. – С. 300–308. DOI: 10.34670/AR.2022.35.37.011
6. Козлова Н.А. Защита соседских прав в обороте недвижимого имущества // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2022. – Т. 8, № 2. – С. 28–33.
7. Нелюбина А.В. Правовое регулирование соседских отношений: конвергенция публичных и частных начал // Сибирский юридический вестник. – 2019. – № 2 (85). – С. 27–32.
8. Семенова Е.Г. О предмете правового регулирования соседского права // Цивилист. – 2022. – № 4. – С. 40–46.

References

1. Safonov A.V. Predely realizacii prava na kratkosrochnuyu sdachu vnaem kvartiry // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2023. – T. 8, vyp. 3. – S. 34–40. DOI: 10.47475/2618-8236-2023-8-3-34-40
2. Bando M.V. Predely prava sobstvennosti na zhilye pomeshcheniya i vozmozhnost' zaklyucheniya dogovorov kratkosrochnogo najma zhilyh pomeshchenij // Zakon. – 2023. – № 3. – S. 78–89.
3. Poluyanov A.R. Kratkosrochnyj najm i predostavlenie gostinichnyh uslug: kriterii razgranicheniya v svete pravovoj pozicii Konstitucionnogo Suda RF // Vestnik Hakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova. – 2023. – № 3 (45). – S. 131–135.
4. Lyovkin V.Yu. Problemy pravovogo regulirovaniya rastorzheniya dogovora kommercheskogo najma zhilogo pomeshcheniya // Alleya Nauki: Aktual'nye voprosy politiki i prava. – 2021. – № 11(62). – URL: https://alley-science.ru/domains_data/files/4November2021/PROBLEMY%20PRAVOVOGO%20REGULIROVANIYA%20RASTORZHENIYA%20DOGOVORA%20KOMMERCHEESKOGO%20NAYMA%20ZHILOGO%20POMESHENIYA.pdf?x70727
5. Chornovol E.P. Sistema dogovorov najma zhilogo pomeshcheniya v rossijskom grazhdanskom i zhilishchnom prave // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2022. – T. 12, № 10A. – S. 300–308. DOI: 10.34670/AR.2022.35.37.011
6. Kozlova N.A. Zashchita sosedskih prav v oborote nedvizhimogo imushchestva // Novizna. Eksperiment. Tradicii (N.Eks.T). – 2022. – T. 8, № 2. – S. 28–33.
7. Nelyubina A.V. Pravovoe regulirovanie sosedskih otnoshenij: konvergenciya publicznyh i chastnyh nachal // Sibirskij yuridicheskij vestnik. – 2019. – № 2 (85). – S. 27–32.
8. Semenova E.G. O predmete pravovogo regulirovaniya sosedskogo prava // Civilist. – 2022. – № 4. – S. 40–46.

Статья поступила в редакцию: 13.08.2025.

Received: 13.08.2025.

Статья принята к публикации: 26.02.2026.

Accepted: 26.02.2026.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ СОЗДАНИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Грешников Даниил Игоревич¹,
e-mail: greshnikov.30@mail.ru,

Колонтаевская Ирина Федоровна^{1,2},
д-р пед. наук, канд. юрид. наук, профессор,
e-mail: kolont@bk.ru

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия,

²Еврейский университет, г. Москва, Россия

Технологии искусственного интеллекта все активнее применяются в процессе создания объектов интеллектуальной собственности, что ставит перед авторским правом Российской Федерации комплекс новых теоретических и прикладных вопросов. В статье исследуются проблемы правовой квалификации произведений, созданных с использованием систем искусственного интеллекта, а также затруднения, возникающие в правоприменительной практике при определении их правового режима. Целью исследования является выявление пробелов и противоречий действующего гражданского законодательства в части оценки роли человека и алгоритма в творческом процессе. Методологическую основу работы составляют формально-юридический и системный методы, а также элементы сравнительно-правового анализа и изучение судебной практики. В результате обосновывается вывод о том, что ключевая проблема заключается не в отсутствии специальных норм, а в неопределенности критериев юридически значимого участия человека при использовании искусственного интеллекта. Делается вывод о необходимости выработки единых подходов к квалификации таких результатов для обеспечения единообразия правоприменения и правовой определенности.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, авторское право, произведение, правовая квалификация, творческий характер, правоприменение, интеллектуальная собственность

USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CREATING WORKS: THE CHALLENGES OF QUALIFICATION AND ENFORCEMENT

Greshnikov D.I.¹,
e-mail: greshnikov.30@mail.ru,

Kolontaevskaya I.F.^{1,2},
Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor,
e-mail: kolont@bk.ru

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia,

²Hebrew University, Moscow, Russia

Artificial intelligence technologies are increasingly being used in the creation of intellectual property, which raises a number of new theoretical and practical issues in the field of Russian copyright law. This article explores the challenges of legal classification of works created using artificial intelligence systems, as well as the difficulties that arise in law enforcement practice when determining their legal regime. The purpose of this research is to identify gaps and contradictions in current civil legislation regarding the assessment of the role of humans and algorithms in the creative process. The methodology of this research is based on formal legal and systemic approaches, as well as elements of comparative legal analysis and the study of judicial practice. As a

result, it is concluded that the key problem is not the lack of special norms, but the uncertainty of the criteria for legally significant human participation in the use of artificial intelligence. It is concluded that it is necessary to develop unified approaches to the qualification of such results in order to ensure uniform law enforcement and legal certainty.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: artificial intelligence, copyright, work, legal qualification, creative nature, law enforcement, intellectual property

Введение

Активное внедрение технологий искусственного интеллекта в сферу создания текстов, изображений, музыкальных и аудиовизуальных произведений обостряет дискуссию о границах и возможностях традиционного авторского права. Современные генеративные модели способны создавать результаты, внешне неотличимые от произведений, созданных человеком, что ставит под сомнение устойчивость классических представлений о творчестве как исключительно человеческой деятельности. В научной литературе и правоприменительной практике до настоящего времени отсутствует единый подход к правовой оценке таких результатов.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что действующее законодательство РФ не содержит специальных норм, прямо регулирующих использование искусственного интеллекта при создании произведений, что порождает неопределенность при квалификации соответствующих результатов и действий участников. Целью статьи является выявление проблем правовой квалификации произведений, созданных с использованием искусственного интеллекта, и анализ возникающих в связи с этим трудностей правоприменения. Для достижения поставленной цели предполагается проанализировать доктринальные подходы, нормы гражданского законодательства и отдельные направления судебной практики.

Основная часть

Обзор доктринальных подходов к квалификации результатов, созданных с использованием искусственного интеллекта, выявил, что в юридической доктрине отсутствует единое понимание правовой природы результатов, созданных с применением технологий искусственного интеллекта [1]. Сложившиеся подходы условно можно разделить на несколько групп, каждая из которых по-разному интерпретирует соотношение человеческого и алгоритмического участия в творческом процессе.

Первый подход исходит из строгого антропоцентрического понимания авторского права [2, с. 24–50]. Его сторонники исходят из того, что произведением в смысле гражданского законодательства может признаваться исключительно результат интеллектуальной деятельности человека. Искусственный интеллект в данной концепции рассматривается как сложный технический инструмент, а любые созданные с его использованием результаты подлежат правовой оценке через призму участия конкретного физического лица. При отсутствии творческого вклада человека такие результаты не признаются объектами авторского права и выпадают из сферы правовой охраны [3].

Второй подход основывается на функциональной оценке роли искусственного интеллекта и допускает расширительное толкование категории творчества [4]. В рамках данной позиции предлагается учитывать степень автономности алгоритма, сложность его архитектуры и непредсказуемость генерируемых результатов. Авторы, придерживающиеся данного подхода, указывают на ограниченность традиционных критериев творческого характера и предлагают рассматривать результаты деятельности искусственного интеллекта как особую категорию объектов интеллектуальных прав, требующую самостоятельного правового режима.

Третий, компромиссный подход исходит из необходимости дифференцированной квалификации результатов в зависимости от характера использования искусственного интеллекта [5, с. 120–132]. В рамках данной концепции решающее значение придается не техническим характеристикам алгоритма,

а юридически значимым действиям человека: постановке задачи, выбору исходных данных, корректировке параметров и отбору полученного результата. Именно данный подход представляется наиболее перспективным с точки зрения обеспечения правовой определенности и согласования новых технологий с действующей системой авторского права.

Анализ законодательства РФ и проблем правовой квалификации выявил, что действующее гражданское законодательство РФ не содержит легального определения искусственного интеллекта, что предопределяет использование в правоприменении междисциплинарных и подзаконных дефиниций¹. В стратегических и программных документах искусственный интеллект рассматривается, прежде всего, как совокупность технологических решений, способных имитировать когнитивные функции человека. Однако подобное понимание не имеет прямого нормативного значения для целей авторского права и не может автоматически переноситься в сферу квалификации результатов интеллектуальной деятельности [6].

Представляется необходимым определить правовой статус искусственного интеллекта как объекта и инструмента правового регулирования.

Отсутствие специального правового статуса искусственного интеллекта в системе объектов гражданских прав позволяет рассматривать его исключительно как инструмент, используемый субъектом права. Вместе с тем усложнение алгоритмов и рост их автономности объективно размывают традиционные представления о техническом средстве как полностью управляемом объекте. Это обстоятельство обостряет проблему разграничения инструментального использования и фактической замены человеческого творчества автоматизированной генерацией.

С точки зрения формально-юридического анализа принципиальное значение имеет не только результат, но и процесс его создания. Квалификация процесса создания произведения с использованием искусственного интеллекта выявляет, что в классической модели авторского права процесс творчества презюмируется как интеллектуальная деятельность автора, не поддающаяся полной формализации. Использование искусственного интеллекта вносит в данный процесс элементы алгоритмической детерминированности, что требует переосмысления критериев юридической оценки.

Представляется обоснованным разграничивать следующие модели использования искусственного интеллекта при создании произведений: вспомогательную, соавторскую и автономную. При вспомогательной модели искусственный интеллект используется для технической обработки, поиска вариантов или оптимизации отдельных элементов произведения, при сохранении творческого контроля за человеком. В данной ситуации правовая квалификация не вызывает принципиальных затруднений, а результат сохраняет статус произведения.

Соавторская модель предполагает более активное участие искусственного интеллекта, при котором алгоритм формирует значимые элементы результата, однако окончательный отбор, структурирование и смысловое наполнение осуществляются человеком. Именно данная модель вызывает наибольшие сложности в правоприменении, поскольку требует тонкой оценки степени творческого вклада пользователя.

Автономная модель характеризуется минимальным участием человека и фактической самостоятельной генерацией результата системой искусственного интеллекта. В подобных случаях отсутствуют основания для признания результата объектом авторского права, несмотря на его внешнюю оригинальность и коммерческую ценность.

Действующее гражданское законодательство РФ основывается на классической модели авторского права, закрепленной в части четвертой Гражданского кодекса РФ². В соответствии со статьей 1228 ГК РФ автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат. Указанная норма прямо исключает возможность признания автором лица, не внесшего творческого вклада, а также технических средств и механизмов.

¹ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в РФ» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud> (дата обращения: 12.02.2026).

² Гражданский кодекс РФ (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.01.2026) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud> (дата обращения: 12.02.2026).

В то же время нормы ГК РФ не содержат указаний на допустимые формы и пределы использования технических средств при создании произведений. Отсутствие нормативно закрепленных критериев оценки участия человека при использовании искусственного интеллекта приводит к затруднениям в квалификации как самих результатов, так и соответствующих правоотношений. На практике это выражается в неопределенности статуса произведений, созданных при минимальном участии человека, а также в сложности разграничения авторского творчества и автоматизированной генерации.

Особую проблему представляет применение критерия творческого характера произведения. Судебная практика традиционно исходит из презумпции творчества, однако при использовании искусственного интеллекта данная презумпция утрачивает очевидность. Возникает вопрос о том, какие именно действия пользователя системы искусственного интеллекта могут рассматриваться как творческие и достаточные для возникновения авторского права. Отсутствие единых подходов создает риск фрагментарного и противоречивого правоприменения.

Кроме того, использование искусственного интеллекта осложняет квалификацию отношений между разработчиками алгоритмов, пользователями систем и иными лицами, участвующими в создании и коммерциализации результатов. В условиях отсутствия специальных норм возрастает значение договорного регулирования, которое, однако, не всегда способно устранить неопределенность публично-правового характера.

Рассмотрим правоприменительную практику и проблемы интерпретации сгенерированных результатов интеллектуальной деятельности.

Отсутствие специальных норм, регулирующих использование искусственного интеллекта при создании произведений, предопределяет фрагментарный характер правоприменительной практики³. На уровне судебных актов высших судебных инстанций РФ отсутствуют прямые разъяснения, посвященные квалификации результатов, созданных с применением генеративных алгоритмов. Вместе с тем отдельные правовые позиции Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, сформулированные в контексте традиционных объектов авторского права, сохраняют методологическое значение.

Суды последовательно указывают, что охраноспособность произведения обусловлена наличием творческого характера, при этом оценка творчества не сводится к новизне, оригинальности или художественной ценности результата [7, с. 49–51]. Данный подход, выработанный применительно к произведениям, созданным человеком, в условиях использования искусственного интеллекта приобретает неоднозначное содержание⁴. При минимальном участии пользователя системы искусственного интеллекта формальное применение презумпции творчества способно привести к признанию авторских прав при фактическом отсутствии интеллектуального вклада [8].

Правоприменительные риски усиливаются при разрешении споров о принадлежности исключительных прав, особенно в ситуациях, когда в создании результата участвуют несколько субъектов: разработчик программного обеспечения, пользователь системы и заказчик. Отсутствие четких критериев юридической квалификации порождает опасность подмены анализа творческого участия оценкой экономического или организационного вклада, что не соответствует природе авторского права.

В этих условиях правоприменение фактически вынуждено опираться на косвенные признаки: степень вмешательства человека в процесс генерации, возможность управлять результатом, осуществление отбора и модификации полученных материалов. Однако такие признаки носят оценочный характер и не обеспечивают необходимого уровня правовой определенности.

Выводы и предложения

Проведенный анализ позволяет утверждать, что ключевая проблема правового регулирования использования искусственного интеллекта при создании произведений заключается не столько в от-

³ Определение (резольтивная часть) Верховного Суда РФ № 305-ЭС16-18302 от 18 апреля 2017 г. по делу № А40-142345/2015 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/EtTxMIRKnPNC/?ysclid=mlxktlnmwt741804962#top> (дата обращения: 12.02.2026).

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апр. 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса РФ» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 7.

сутствии специальных норм, сколько в неопределенности критериев юридически значимого творческого участия человека⁵. Попытки признания искусственного интеллекта самостоятельным субъектом авторского права или введения для результатов его деятельности автономного правового режима представляются преждевременными и методологически необоснованными в рамках действующей системы гражданского законодательства.

Представляется целесообразным развитие доктринального и правоприменительного подхода, основанного на дифференцированной квалификации результатов в зависимости от роли человека в процессе их создания. К числу юридически значимых действий следует относить не сам факт использования системы искусственного интеллекта, а формирование творческого замысла, постановку нестандартной задачи, отбор и переработку полученного результата. При отсутствии таких действий результат автоматизированной генерации не должен признаваться объектом авторского права.

В целях обеспечения единообразия правоприменения обоснованной является разработка разъяснений высших судебных инстанций, направленных на конкретизацию критерия творческого характера применительно к использованию искусственного интеллекта. Дополнительным инструментом может выступать уточнение положений части четвертой Гражданского кодекса РФ посредством закрепления ориентировочных признаков творческого участия человека при использовании цифровых и алгоритмических технологий.

Заключение

Использование искусственного интеллекта в процессе создания произведений объективно трансформирует традиционные представления об авторском праве, однако не устраняет его антропоцентрическую основу. Результаты, созданные с применением нейросетевых технологий, требуют не радикального пересмотра системы авторского права, а более точной юридической квалификации с учетом реального распределения интеллектуального труда.

В работе показано, что основная сложность правового регулирования связана с отсутствием четких критериев оценки творческого участия человека при использовании искусственного интеллекта. Предложенный дифференцированный подход позволяет сохранить внутреннюю логику авторского права и одновременно адаптировать его к условиям цифровой экономики. Полученные выводы могут быть использованы в правоприменительной деятельности, научных исследованиях и при разработке направлений совершенствования гражданского законодательства РФ.

Список литературы

1. *Сергеев А.П., Толстой Ю.К.* Гражданское право. – Т. 3: Интеллектуальные права. – Москва: Статут, 2021.
2. *Калятин В.О.* Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта и его влияние на развитие гражданского законодательства // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* – 2022. – Т. 15, № 4. – С. 24–50.
3. *Аминов, И.И.* Правовое регулирование искусственного интеллекта: методологические принципы и подходы / *И.И. Аминов, Ю.В. Лобанова* // *Устойчивое развитие: исследования, инновации, трансформация: материалы XVIII Международного конгресса с элементами научной школы для молодых ученых.* В 2-х т., Москва, 08–09 апреля 2022 года / отв. редакторы выпуска: А.В. Семёнов, П.Н. Кравченко. – Т. 1. – Москва: изд. ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2022. – С. 1363–1370. – EDN YYAZIU.
4. *Guadamuz A.* Artificial Intelligence and Copyright. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2017.
5. *Капитанова П.А.* Перспективы правовой охраны произведений, создаваемых с использованием искусственного интеллекта в России // *Журнал Суда по интеллектуальным правам.* – 2023. – № 1 (39). – С. 120–132.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса РФ в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) [Электронный ресурс]. – URL: sudact.ru/law/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-13122016-n/?ysclid=mlxlc4sb4q944319396 (дата обращения: 12.02.2026).

6. Янущик, Е. Правовые аспекты использования алгоритмов искусственного интеллекта при создании произведений: авторство искусственного интеллекта / Е. Янущик // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики: сб. материалов XI Международного юридического форума (IP Форум), Москва, 17–18 февраля 2023 года. – Т. 1. – Москва: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. – С. 224–227. – EDN YNKUMK.
7. Рожкова М.А. 5 признаков (критериев охраноспособности) произведений литературы и искусства, закрепленных действующим законодательством // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2024. – Март. – № 1 (43). – С. 49–61.
8. Ермаков, А.Е. Правовой режим результатов, созданных при помощи искусственного интеллекта / А.Е. Ермаков // Экономика. Право. Общество. – 2025. – Т. 10, № 3(43). – С. 149–153. – DOI 10.21686/2411-118X-2025-3-149-153. – EDN TFNFUV.

References

1. *Sergeev A.P., Tolstoj Yu.K.* Grazhdanskoe pravo. – Т. 3: Intellektual'nye prava. – Moskva: Statut, 2021.
2. *Kalyatin V.O.* Opredelenie sub"ekta prav na rezul'taty intellektual'noj deyatel'nosti, sozdannye s ispol'zovaniem iskusstvennogo intellekta i ego vliyanie na razvitie grazhdanskogo zakonodatel'stva // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2022. – Т. 15, № 4. – С. 24–50.
3. *Aminov, I.I.* Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta: metodologicheskie principy i podhody / I.I. Aminov, Yu.V. Lobanova // Ustojchivoe razvitie: issledovaniya, innovacii, transformaciya: materialy XVIII Mezhdunarodnogo kongressa s elementami nauchnoj shkoly dlya molodyh uchenyh. V 2-h t., Moskva, 08–09 aprelya 2022 goda / otv. redaktory vypuska: A.V. Semyonov, P.N. Kravchenko. – Т. 1. – Moskva: izd. ChOUVO "MU im. S.Yu. Vitte", 2022. – С. 1363–1370. – EDN YYAZIU.
4. *Guadamuz A.* Artificial Intelligence and Copyright. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2017.
5. *Kashtanova P.A.* Perspektivy pravovoj ohrany proizvedenij, sozdavaemyh s ispol'zovaniem iskusstvennogo intellekta v Rossii // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. – 2023. – № 1 (39). – С. 120–132.
6. *Yanushchik, E.* Pravovye aspekty ispol'zovaniya algoritmov iskusstvennogo intellekta pri sozdanii proizvedenij: avtorstvo iskusstvennogo intellekta / E. Yanushchik // Pravovaya zashchita intellektual'noj sobstvennosti: problemy teorii i praktiki: sb. materialov XI Mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma (IP Forum), Moskva, 17–18 fevralya 2023 goda. – Т. 1. – Moskva: Moskovskij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet imeni O.E. Kutafina (MGYuA), 2023. – С. 224–227. – EDN YNKUMK.
7. *Rozhkova M.A.* 5 priznakov (kriteriev ohranosposobnosti) proizvedenij literatury i iskusstva, zakreplennyh dejstvuyushchim zakonodatel'stvom // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. – 2024. – Март. – № 1 (43). – С. 49–61.
8. *Ermakov, A.E.* Pravovoj rezhim rezul'tatov, sozdannyh pri pomoshchi iskusstvennogo intellekta / A.E. Ermakov // Ekonomika. Pravo. Obshchestvo. – 2025. – Т. 10, № 3(43). – С. 149–153. – DOI 10.21686/2411-118X-2025-3-149-153. – EDN TFNFUV.

Статья поступила в редакцию: 29.12.2025.

Received: 29.12.2025.

Статья принята к публикации: 24.02.2026.

Accepted: 24.02.2026.

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРЕИМУЩЕСТВЕННОГО ПРАВА НАСЛЕДНИКА

Максуров Алексей Анатольевич¹,

канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: maxurov78@yandex.ru

¹Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

В статье показаны особенности защиты преимущественных прав наследников. Обосновывается специфика защиты данного вида преимущественных гражданских прав. Доказывается существование преимущественного права наследникам именно как самостоятельного субъективного гражданского права, что обуславливает пути, способы и пределы его юридической защиты. Автором иначе, чем в литературе, определяется обязанность, которой корреспондирует преимущественное право наследника, что предполагает дополнительную аргументацию при защите права. При написании работы использованы метод системного анализа, способы и приемы формальной логики, методы сравнительного правоведения и обобщения юридической практики. В работе показаны основные пути и способы защиты конкретных преимущественных прав наследника, исследован примерный алгоритм доказывания, предложены примеры аргументации правовой позиции в суде. Уделено внимание обоснованности решения отдельных спорных вопросов, возникающих при рассмотрении данной категории дел, Верховным Судом РФ. Сделан вывод о том, что в отдельных случаях позиция суда высшей инстанции должна быть приведена в соответствие с законом. Автором обосновывается изменение действующего законодательства о нотариате в части предоставления нотариусу дополнительных полномочий по учреждению доверительного управления наследственным имуществом, а также законодательства о хозяйственных обществах в ситуации, когда в наследственное имущество входят доли в уставном капитале хозяйственного общества.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: преимущество, льгота, преимущественное право, вторичное право, оборот преимущественных прав, наследование по представлению, наследственная трансмиссия, наследник, наследодатель, сонаследники

PROBLEMS OF PROTECTING THE PREEMPTIVE RIGHT OF THE HEIR

Maksurov A.A.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: maxurov78@yandex.ru

¹P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

The article describes the specifics of protecting the preemptive rights of heirs. The study substantiates the specific nature of protecting this type of preemptive civil rights. The existence of the preemptive right of heirs as an independent subjective civil right is proven, which determines the ways, methods, and limits of its legal protection. The author defines the obligation corresponding to the heir's preemptive right differently than in existing literature, which implies additional argumentation when defending the right. In writing this work, systemic analysis, methods of formal logic, comparative law, and synthesis of legal practice were used. The article shows the main ways and methods of protecting specific preferential rights of the heir; explores an approximate algorithm for proving these rights, and offers examples of argumentation of the legal position in court. Attention is paid to the validity of the decisions of the Supreme Court of the Russian Federation on certain controversial issues arising in the consideration of this category of cases. The conclusion is drawn that, in some cases, the position of the highest court should be brought into conformity with the law. The author substantiates the need for changes to the current

legislation on notary services regarding granting the notary additional powers to establish trust management of inherited property, as well as to the legislation on business companies in situations where the inherited property includes shares in the authorized capital of a business company.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: advantage, privilege, benefit, preemptive right, secondary right, transfer of preemptive rights, civil transaction, inheritance by representation, hereditary transmission, heir, testator, co-heirs

Введение

Преимущественные права – сложная и многосоставная правовая категория, имеющая длительную историю. Правовое регулирование и доктринальное понимание преимущественных прав в наследственных отношениях очень «отзывчиво» к социально-экономическим реалиям конкретной исторической обстановки. Однако правовая природа любых преимущественных прав остается дискуссионным вопросом в юридической литературе.

В юридической науке традиционно отмечаются значение и специфика преимущественных прав наследника в следующих аспектах.

Во-первых, преимущественное право явно имеет социальную составляющую и выполняет значимую социальную функцию [1, с. 122], реализация которой основана на фундаментальных принципах права [2, с. 62]. Социальный характер проявляется и в учете психологических факторов при согласовании интересов обладателей преимущественного права с интересами других лиц – сонаследников [3, с. 92].

Во-вторых, именно благодаря механизму такого преимущественного права в сугубо частноправовой, на первый взгляд, сфере достигается координация публичных и частных интересов [4, с. 190], что позволяет отдельным авторам даже говорить об обеспечении государством устойчивого механизма координации таких интересов [5, с. 24] и о требовании эффективности такой государственной деятельности [6, с. 91].

Преимущественное право в юридической технологии и юридической деятельности сегодня рассматривается и как способ, и как средство правового воздействия.

Например, как способ регулирования общественных отношений, согласования, в частности, интересов сонаследников одного имущества, преимущественное право относится к элементам той или иной разновидности юридической тактики [7, с. 52].

Как средство правового регулирования или юридической техники (технологии) установление границ (пределов) преимущественного права и порядка его осуществления, если этого нет в законе или договоре, используется, к примеру, в процессе разрешения споров путем медиации, применяется в функциональном [8, с. 29] или экономико-организационном аспектах [9, с. 34].

В-третьих, происходит расширение, как области применения преимущественных прав наследника и их субъектно-объектного состава, так и тех сфер общественной жизни, когда наличие или отсутствие таких прав теперь учитывается.

В частности, учет наличия преимущественных прав наследника имеет место сегодня в контрольно-надзорной сфере, когда наследуется предприятие [10, с. 65], при осуществлении исполнительного производства, когда должник может намеренно не использовать свое преимущественное право наследника чтобы избежать обращения взыскания на какое-либо имущество [11, с. 125], при издании согласованных правовых актов, связанных с наличием в имуществе доли публичного собственника [12, с. 57].

Преимущественные права в наследственном праве все чаще имеют не только лично-имущественное, но экономико-общественное содержание. В этой связи отмечается даже взаимосвязь эффективного и согласованного осуществления преимущественных прав и обеспечения экономической безопасности России посредством обеспечения стабильности гражданского оборота [13, с. 12].

В результате, ввиду разнообразия самих преимущественных прав в сфере наследственных отношений, множественности общественных отношений, в рамках которых возможна их реализация, наличия отличных по содержанию подходов к определению правового смысла данного понятия, определение особенностей защиты преимущественных прав наследника сегодня актуально и значимо, в чем и состоит цель настоящей работы.

Цель исследования определяет его методологию, включающую в себя использование методов и приемов формальной логики (дедукции, индукции и классификации), системного анализа правовых явлений, метода обобщения достижений правовой доктрины.

Основная часть

Способы (формы) защиты преимущественного права наследника

В юридической науке присутствуют различные подходы к определению и содержательным характеристикам института защиты субъективного права.

Основным является мнение о том, что в результате действий другого лица затрудняется реализация права, а защита права ее восстанавливает. В связи с чем защита субъективного права и будет считаться особым комплексом мер, посредством которых право «возвращается» в нормальный процесс собственной реализации [14, с. 335]. Также в юридической науке отмечается и то обстоятельство, что те или иные правомочия (меры по защите субъективного права) уже изначально включены в само субъективное право и находятся в нем в некотором «скрытом» (не активированном) состоянии [15, с. 6; 16, с. 91].

Такой подход объясняет, в частности, существование двух основных форм защиты субъективного права: судебной и внесудебной (включая, защиту права в административном порядке, самозащиту права и проч.). Решение об избрании той или иной формы защиты на практике обусловлено целой совокупностью обстоятельств, которые, в целом, относятся, либо к характеру самого преимущественного права, либо к характеру нарушения права [17, с. 66].

Например, удерживание наследником движимой вещи, которая должна перейти ему в силу его преимущественного права – вполне допустимый способ самозащиты права. В случаях, когда вооруженным сонаследником начато противоправное изъятие или уничтожение вещи, наверное, правильнее будет не применение самозащиты, а обращение в правоохранительные органы. Нотариальная палата и органы юстиции достаточно жестко контролируют деятельность нотариусов, в связи с чем обращение к ним с письменным заявлением (жалобой на действия нотариуса) может значительно ускорить процесс восстановления (признания) права без обращения к сложным и нередко дорогостоящим судебным процедурам.

Однако основной формой защиты преимущественного права наследника остается судебная защита, чаще всего реализуемая в рамках искового производства.

Особенности защиты преимущественного права наследника

Применительно к рассматриваемой разновидности преимущественных прав судебная защита также может иметь свои особенности с точки зрения предмета доказывания, стратегии и тактики доказательственного процесса, используемых доказательств, аргументации и проч.

Например, при судебной защите преимущественного права, предусмотренного пунктом 2 статьи 1168 ГК РФ, доказывается открытие наследства, призвание к наследованию истца, а также факт совместного пользования вещью (оплата части расходов по содержанию вещи, свидетельские показания о пользовании вещью и любые аналогичные данные вплоть до постановления о привлечении к административной ответственности за нарушение правил дорожного движения наследника как водителя автомобиля, находящегося в совместном пользовании, или же к уголовной ответственности, как, например, в виде участия в платеже по кредиту, взятому на ремонт автомобиля [18, с. 21]).

Значительной проблемой здесь может быть вопрос доказывания «постоянства» пользования, так как эта категория сама по себе оценочная и подразумевает некоторую периодичность, регулярность. Представляется, что «постоянство пользования» можно будет считать, например, доказанным в том случае, когда истец пользовался вещью не менее часто, чем наследодатель.

В ситуации защиты преимущественного права, указанного в пункте 3 статьи 1168 ГК РФ, помимо «обычных» подлежащих доказыванию фактов (факт открытия наследства и факт призвания истца к наследованию), доказывается не только совместное проживание, но и отсутствие жилого помещения в собственности и на основании социального найма (в трактовке Пленума Верховного суда РФ, к анализу

которой мы обратимся ниже), что доказывается документально (ответ на запрос из Управления Росреестра об отсутствии прав на жилую недвижимость, соответствующие сообщения из органа местного самоуправления и органа исполнительной власти субъекта РФ).

При защите преимущественного права наследника, которое установлено статей 1169 ГК РФ помимо факта открытия наследства и факта призвания истца к наследованию, доказыванию подлежит совместное проживание (свидетельские показания соседей, несение общих с наследодателем хозяйственных расходов и т.п.), факт же совместного с наследодателем использования предметов обычной домашней обстановки в каком-то смысле уже презюмируется.

Такие иски обычно редки, так как на момент открытия наследства предметы домашней обстановки и так почти всегда находятся в фактическом обладании наследника, наделенного в отношении них преимущественным правом. Кроме того, чаще всего это подержанные вещи, которые обладают значительной субъективной ценностью в глазах обладателя преимущественного права (техническая и временная сложность заведения нового обихода, воспоминания о совместной жизни с наследодателем и т.п.), однако значительной рыночной стоимости данные вещи обычно не имеют, в связи с чем редко бывают предметом притязаний со стороны иных наследников.

При защите преимущественного права наследника на предприятие (п. 1 ст. 1178 ГК РФ) обычным здесь также будет доказывание фактов открытия наследства и призвания истца к наследованию. Вместе с тем, в отличие от указанных ранее случаев, доказывать свою принадлежность к наследодателю (совместное пользование вещью, совместное ведение общего хозяйства, совместное проживание) или конкретной неделимой вещи не нужно: доказывается лишь формальный момент, а именно государственная регистрация в качестве индивидуального предпринимателя, что подтверждается свидетельством о постановке на налоговый учет, свидетельством о регистрации индивидуального предпринимателя, а также предоставленной налоговым органом выпиской из ЕГРИП о факте наличия у наследника статуса предпринимателя на момент открытия наследства и рассмотрения дела в суде [19, с. 110].

Проблемы судебной практики

Теперь обратимся к судебной практике разрешения такого рода споров.

Основным руководящим разъяснением остается Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»¹. Анализ положений Постановления показывает, что Пленум не решил пока еще многих актуальных проблем практики реализации наследниками своих преимущественных прав, ограничившись некоторыми формальными моментами, часть из которых представляется и так очевидной.

В частности, в силу пункта 10 Постановления Пленум ориентирует суды на утверждение мировых соглашений между наследниками, обладающими преимущественным правом, и сонаследниками в данном наследственном деле, однако, такой проблемы не существовало и ранее.

Более того, в отдельных случаях Верховный Суд РФ допустил толкование норм наследственного права, существенно ограничивающее возможность реализации преимущественного права наследника и даже приводящее к невозможности его реализации.

В частности, в пункте 52 Постановления Пленум пояснил о случаях реализации преимущественного права на получение в счет своей наследственной доли входящих в состав наследства неделимой вещи или жилого помещения, раздел которого в натуре невозможен. В этой связи Пленум сослался на пункт 3 статьи 1168 ГК РФ, предполагающий, что в качестве обладателей такого преимущественного права следует рассматривать граждан, не имеющих иного жилья. Однако Пленум указывает, что это лица, у которых нет жилья а) в собственности и б) на праве социального найма (пп. 3 п. 52 Постановления).

Очевидно, что Верховный Суд РФ пытается создать здесь новую норму права, так как «иметь жилое помещение» в буквальном толковании означает иметь его в собственности, а договорные отношения (социальный найм) никак не могут быть в данном смысле приравнены к отношениям собственности ввиду элементарного отсутствия права распоряжения объектом недвижимости.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 7.

Могут возразить, что права нанимателя по договору социального найма на практике близки к полномочиям собственника, а сам наниматель вправе бесплатно приватизировать принадлежащее ему жилое помещение.

Тем не менее, права нанимателя не пользуются полной абсолютной защитой, как права собственника, жилое помещение не передается по наследству, договор социального найма может быть расторгнут по достаточно широкому перечню оснований, тогда как собственности лицо лишиться сложнее. Владелец жилья на условиях социального найма более стеснен в реализации своих прав, нежели собственник (например, собственнику не требуется получать разрешения на проживание того или иного лица в жилом помещении в виде регистрации по месту жительства и т.п.). Наконец, наниматель вполне мог утратить свое право «бесплатной» приватизации, реализовав его ранее. Он может этого права и не иметь вовсе, являясь, к примеру, гражданином иного государства и не имея гражданства РФ, а также какой-либо иной связи с российским государством.

Очевидно, что пп. 3 п. 52 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» подлежит приведению в соответствие с действующим гражданским законодательством.

Нормы пункта 2 статьи 1168 ГК РФ говорят о существовании у наследника преимущественного права, если он постоянно совместно с наследодателем пользовался некоей неделимой вещью. При этом закон не установил сроков такого пользования и никак не увязал его с датой открытия наследства.

Однако Пленум в пп. 2 п. 52 своего Постановления сообщил, что пользование будет считаться «надлежащим» если оно было ко дню открытия наследства.

В этой связи Верховный Суд РФ при отсутствии к тому законных оснований лишает преимущественного права тех лиц, которые длительное время пользовались одной с наследодателем вещью, а непосредственно перед днем открытия наследства этой вещью не пользовались (например, человек уехал на учебу в другой регион или государство на некоторый срок обучения и этот срок истекает уже после открытия наследства).

Таким образом, пп. 2 п. 52 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» также подлежит приведению в соответствие с действующим гражданским законодательством.

В абз. 3 п. 52 Постановления, Пленум устанавливает запрет на отнесение к предметам обихода (независимо от их целевого назначения и факта использования), во-первых, антикварных предметов, и, во-вторых, предметов, представляющих а) художественную, б) историческую и в) иную культурную ценность.

Во-первых, такого прямого указания в законе нет. Во-вторых, подчеркивая, что это предметы «обычной» домашней обстановки законодатель лишь указал нам, что это не предмет роскоши, но не более того.

К сожалению, многие спорные или неочевидные с точки зрения их разрешения законом вопросы были Верховным Судом РФ обойдены. Целесообразно исследовать несколько возникающих на практике проблем реализации преимущественного права наследника в условиях несовершенства законодательства.

Как известно, одним из эффективных способов охраны наследственного имущества является доверительное управление им в тех случаях, когда такого рода имущество нуждается в доверительном управлении в силу самой своей природы (доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, ценные бумаги, предприятие как имущественный комплекс, права на результаты интеллектуальной деятельности и т.п.).

Обратиться к нотариусу с заявлением об учреждении доверительного управления может потенциальный обладатель преимущественного права, например, права на приобретение в счет наследственной доли предприятия как имущественного комплекса.

Между тем, в силу различных жизненных обстоятельств обладатель преимущественного права может даже и не знать об открытии наследства и возможности реализации им своего преимущественного права.

В такой ситуации закон никак не решает вопрос о том, может ли нотариус самостоятельно, по собственной инициативе учредить такого рода управление: положениям статьи 64 Основ законодатель-

ства РФ о нотариате² это не противоречит, а обязанностям нотариуса, закрепленным, например, ч. 1 ст. 1 Основ, соответствует. В то же время, учреждением доверительного управления вне воли сонаследников и, в конечном, итоге, за их счет, нотариус вмешивается в частноправовые отношения.

Представляется, что такое вмешательство, в принципе, возможно, но исключительно в ситуации, когда наследственное имущество без доверительного управления подвергнется уничтожению (порче). Соответствующую норму о полномочиях нотариуса по самостоятельному учреждению доверительного управления наследственным имуществом без волеизъявления сонаследников следует включить в статью 64 Основ законодательства РФ о нотариате, отдельно оговорив, что узнавшие об учреждении нотариусом доверительного управления имуществом наследники вправе будут потребовать его прекращения, если оно не отвечает их интересам.

Другой распространенной на практике ситуацией является проблема реализации преимущественного права, основанного на обязательной доле в наследстве, при наследовании доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью сразу несколькими наследниками, обладающими преимущественным правом [20, с. 8].

Проблема тут в том, что доля в уставном капитале никак не может быть признана аналогичной доле в вещи. По этим причинам следует установить в Федеральном законе «Об обществах с ограниченной ответственностью» возможность заключения между такими наследниками соглашения (договора), в котором предусматривался бы порядок реализации ими прав участников общества с ограниченной ответственностью по аналогии с п. 3 ст. 57 Федерального закона «Об акционерных обществах».

На практике нередки ситуации с неполной оплатой доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью наследодателем еще при его жизни, что не позволяет обладателю преимущественного права, например, в силу обязательной доли в наследстве, в полной мере реализовать данное субъективное право.

Обычно авторы [21, с. 139] предлагают ориентироваться на рекомендательные нормы, предусмотренные в п. 2.5 Методических рекомендаций «О наследовании долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью»³. Хотя данная позиция находит широкую поддержку в юридической литературе [22, с. 29], тем не менее, оно не во всем соответствует законодательству о хозяйственных обществах, в частности, пункту 3 статьи 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», а срок оплаты доли не определяется и в том случае, хотя ее полная оплата – безусловная обязанность участника хозяйственного общества [23, с. 89].

По всей видимости, законодательный запрет на отчуждение доли лишь в той части, в которой она оплачена, по аналогии может быть применен и в ситуации, когда доля переходит в порядке наследственного правопреемства [24, с. 30]. Однако такой подход подлежит отражению в законодательстве о хозяйственных обществах.

Ранее были распространены случаи, когда граждане пытались реализовать преимущественное право наследника, принадлежавшее самому наследодателю, полагая, что оно входит в состав наследственного имущества.

Между тем, как известно, само по себе преимущественное право не переходит в порядке наследственного правопреемства, что приводило к обоснованному отказу в удовлетворении судебных исков такого рода⁴.

Тем не менее, в ситуации, когда собственник, например, доли в квартире при жизни обратился в суд за защитой своего преимущественного права покупки другой доли квартиры, но умер до принятия судом судебного акта, практика ранее допускала его замену правопреемником⁵, что нашло отражение

² Основы законодательства РФ о нотариате. Утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1 // Российская газета. – 13.03.1993. – № 49.

³ Методические рекомендации по теме «О наследовании долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью»: утверждены на заседании Координационно-методического совета нотариальных палат ЮФО, СКФО, ЦФО РФ 28–29.05.2010 // Нотариальный вестник. – 2011. – № 2. – С. 13.

⁴ См.: Решение Арбитражного Суда Ярославской области от 17 мая 2021 г. по делу № А82-359/2021 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 2023 года (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 30.05.2023) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в отдельных судебных актах, поскольку суды полагали, что преимущественное право уже начало осуществляться при его жизни и речь идет уже не о наследовании преимущественного права наследника как таковом, а о замене стороны правопреемником в уже возникших иных правоотношениях [25, с. 62]. Иными словами, речь идет не о наследовании преимущественного права наследника, что само по себе противоречит закону, а о наследовании имущественного права, за судебной защитой которого правопреемник обратился в суд⁶.

Решением указанного вопроса и возможных схожих с рассмотренными проблем могло быть стать ограниченное введение преимущественного права наследника в гражданский оборот, что уже имеет место в отдельных случаях за рубежом [26, с. 41], без ущерба, тем не менее, социальным целям установления преимущественного права наследника.

Заключение

Преимущественное право наследника как самостоятельное субъективное право обладает спецификой, которая влияет на особенности его защиты, в том числе, на выбор 1) формы и способа защиты, 2) при судебной форме защиты – вида иска, 3) построение алгоритма доказывания и 4) предлагаемой в обоснование собственной позиции аргументации.

В частности, внесудебная форма защиты преимущественного права наследника, включая самозащиту права, как правило, не будет эффективной. При судебной защите права следует четко устанавливать лиц, имеющих юридическую обязанность, корреспондирующую преимущественному праву наследника. Аргументация, в ряде случаев, может быть основана на доказательстве особенностей личной связи наследодателя и обладающего преимущественным правом наследника, необходимости наиболее полного учета посмертной воли наследодателя.

В работе проанализирован подход к решению отдельных спорных вопросов, возникающих при рассмотрении данной категории дел, Верховного Суда РФ. Сделан вывод о том, что в настоящее время требуется приведение руководящих положений Пленума ВС РФ в соответствие с требованиями законодательства, а также указание им на пути решения ранее не затронутых вопросов. Особое внимание в этой связи обращено на практику защиты преимущественного права при сонаследовании долей в уставном капитале хозяйственных обществ.

Автор приходит к выводу о необходимости наделения нотариуса дополнительными полномочиями при учреждении доверительного управления наследственным имуществом, что требует соответствующих изменений действующего законодательства о нотариате, законодательства о хозяйственных обществах.

Представляется, что ограниченное включение преимущественных прав наследника в гражданский оборот позволило бы сонаследникам самостоятельно решать отдельные проблемы реализации преимущественного права, предоставило бы им новые правовые возможности для удовлетворения собственного имущественного интереса.

В рамках исследования определены формы и способы защиты преимущественного права наследника с учетом взаимосвязи между данным субъективным гражданским правом и корреспондирующими ему юридическими обязанностями различных лиц.

Эффективная судебная защита предполагает выбор средств правовой защиты, доказательств и аргументации на основе особенностей конкретного преимущественного права наследника.

С одной стороны, Верховный Суд РФ в своих руководящих разъяснениях в ряде случаев «создал» новые нормы, не в полной мере отвечающие требованиям гражданского законодательства, которые должны быть приведены в соответствие с ними. С другой стороны, Суд не высказал своего авторитетного суждения по отдельным действительно значимым на практике вопросам. В статье последний аспект проблемы рассмотрен на примере применения законодательства о доверительном управлении долями в уставном капитале хозяйственных обществ, вошедшими в состав наследственного имущества.

⁶ См.: Определение Верховного Суда РФ от 10.04.2022 № 5-В06-159 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Сложившееся положение требует нового обобщения практики рассмотрения судами дел по данной категории споров. Принципиально же отдельные вопросы должны быть решены посредством внесения изменений в законодательство о нотариате и законодательство о хозяйственных обществах.

Представляется, что защита преимущественного права наследника могла бы быть существенно упрощена путем более значимых законодательных и, в первую очередь, доктринальных изменений.

В частности, возможно 1) ограниченное введение преимущественного права наследника в гражданский оборот, включая, в отдельных ситуациях, не основанных строго на личном характере связи наследника и наследодателя, отчуждаемость такого преимущественного права, 2) передача преимущественного права сонаследникам, 3) переход преимущественных прав в рамках, во-первых, наследственной трансмиссии и, во-вторых, в порядке наследования по праву представления.

Указанные изменения сделали бы закон более гибким и позволили бы сонаследникам в большей мере согласовать свои интересы между собой, не создавая юридические конфликты и не прибегая к судебной или иной государственной защите.

Список литературы

1. Бриль Г.Г. Малоисследованные общесоциальные функции координационной юридической практики // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе: сб. науч. тр. V-й Межвуз. научн.-практич. конф. / отв. ред. проф. Г.Г. Бриль. – Кострома, 2007. – С. 121–125.
2. Фролов С.Е. Принципы координационной деятельности // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. науч. тр. – Владимир: ВГПУ, 2002. – С. 59–64.
3. Чернецов В.Ю. Психологический подход к изучению проблем координационной юридической практики // Законодательство и правоприменение в РФ: доклады и сообщения VII международной научной конференции, Москва, 17 апреля 2007 г. – Москва: РГГУ, 2007. – С. 89–94.
4. Макаров И.И. Координация в праве. – Ярославль: ЯФ МФЮА, 2012. – 314 с.
5. Карташов В.Н. Механизм координационного регулирования // Вестн. науч. тр. Нижнекам. филиала Москов. гуманитар.-эконом. ин-та. Вып. 3. Ч. 8. Вопросы теории и истории гос. и права / отв. ред. П.А. Кабанов. – Нижнекамск, 2001. – С. 21–25.
6. Карташов В.Н. Координационная юридическая практика государственных органов: взгляд на проблему эффективности // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе: сб. науч. тр. V-й Межвуз. научн.-практич. конф. / отв. ред. проф. Г.Г. Бриль. – Кострома, 2007. – С. 89–94.
7. Карташов В.Н. К вопросу о понятии координационной юридической тактики // Развитие молодежной юридической науки в современном мире: сб. науч. тр. по материалам VIII Международной научно-практической интернет-конференции 15 мая 2011 года. – Тамбов, 2011. – С. 50–55.
8. Таланова М.В. Политическая функция медиативной юридической практики // Государственная власть и местное самоуправление. – 2012. – № 1. – С. 23–32.
9. Таланова М.В. Экономическая функция медиативной юридической практики // Законодательство и экономика. – 2011. – № 11. – С. 32–39.
10. Постнов А.С. Контроль и надзор как факторы повышения эффективности координационной практики // Российское право в период социальных реформ: материалы конференции студентов, аспирантов, соискателей и молодых ученых-юристов (г. Нижний Новгород, 26–27 ноября 2004 г.). – Вып. 6. – Ч. 1. – 2005. – С. 64–67.
11. Гражданское исполнительное право / под ред. Власова А.А. – Москва: Экзамен, 2004. – 430 с.
12. Кивленок Т.В. Правовой акт как внешняя форма координационной деятельности // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. научных трудов. – Владимир: ВГПУ, 2002. – Вып. 3. – С. 54–58.
13. Баранов В.М., Карташов В.Н. Основные недостатки координационной практики по обеспечению экономической безопасности РФ на современном этапе // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2006. – № 6. – С. 11–15.
14. Гражданское право. Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – Москва: ТК Велби, 2022. – 608 с.
15. Мейер Д.И. Русское гражданское право. – Москва: Юрлитинформ, 2024. – 344 с.
16. Михайлов С.В. Категория интереса в российском гражданском праве. – Москва: Статут, 2022. – 202 с.

17. *Максуров А.А.* Наследование в России и за рубежом: сравнительно-правовое исследование. – Москва: Вузовская книга, 2020. – 182 с.
18. *Уколова Ю.А.* При каких обстоятельствах невозвращение кредита может повлечь уголовную ответственность? // Юридический справочник руководителя. – 2009. – № 11. – С. 17–23.
19. *Таланова М.В.* Эффективность норм частного права / Частно-правовые отношения в условиях глобализации. – Saarbrücken: Lambert academic publishing, 2012. – Ч. 1. Гл. 7. – С. 109–116.
20. *Ремизова А.В.* Переход доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью в порядке наследственного правопреемства: автореф дис. ... канд. юр. наук. – Москва, 2013. – 32 с.
21. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ, части третьей (постатейный) / под ред. Н.И. Марышевой, К.Б. Ярошенко. – Москва: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2024. – 804 с.
22. Профессиональный комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью» (постатейный) / под общ. ред. А.П. Зрелова, С.В. Алимурзоева. – Москва: Foros, 2023. – 312 с.
23. *Максуров А.А.* Доверительное управление долями в обществе с ограниченной ответственностью при наследовании: научно-практическое пособие. – Москва: Вузовская книга, 2023. – 182 с.
24. *Науменко О.В.* Права пережившего супруга при оформлении наследства на долю уставного капитала общества с ограниченной ответственностью // Наследственное право. – 2012. – № 1. – С. 29–32.
25. *Камышанский В.П., Волкова Е.В.* Осуществление преимущественных прав в отношении по отчуждению имущества // Современное право. – 2010. – № 6. – С. 61–63.
26. *Максуров А.А.* Координационное регулирование гражданско-правовых отношений в праве стран Европы // Советник юриста. – 2018. – № 3. – С. 39–46.

References

1. *Bril' G.G.* Little-studied general social functions of coordination legal practice // Actual problems of the theory and history of law and state at the present stage. Coll. sci. Proc. 5th Interuniversity scientific-practical. conf. / Ed. prof. G.G. Bril'. – Kostroma, 2007. – Pp. 121–125.
2. *Frolov S.E.* Principles of coordination activity // Actual problems of jurisprudence: collection of scientific papers. – Vladimir: VSPU. 2002. – Pp. 59–64.
3. *Chernetsov V.Yu.* Psychological approach to the study of problems of coordination legal practice // Legislation and law enforcement in the Russian Federation. Reports and Communications of the VII International Scientific Conference, Moscow, April 17, 2007. – Moscow: RSUH, 2007. – Pp. 89–94.
4. *Makarov I.I.* Coordination in Law. – Yaroslavl: Yaroslavl Branch of the Moscow Financial and Law Academy. – 2012. – 314 p.
5. *Kartashov V.N.* The Mechanism of Coordination Regulation // Vestn. scientific truce of the Nizhnekamsk branch of the Moscow Humanitarian and Economic Institute. – Issue 3. Part 8. Issues of the Theory and History of State and Law / Ed. P. A. Kabanov. – Nizhnekamsk, 2001. – Pp. 21–25.
6. *Kartashov V.N.* Coordination Legal Practice of State Bodies: A Look at the Problem of Efficiency // Actual Problems of the Theory and History of Law and State at the Present Stage. Coll. scientific truce. V-th Interuniversity Scientific and Practical Conf. / Ed. prof. G.G. Bril'. – Kostroma, 2007. – Pp. 89–94.
7. *Kartashov V.N.* On the Concept of Coordination Legal Tactics // Development of Youth Legal Science in the Modern World. Collection of scientific papers based on the materials of the VIII International Scientific and Practical Internet Conference of May 15, 2011. – Tambov, 2011. – Pp. 50–55.
8. *Talanova M.V.* Political Function of Mediation Legal Practice // State Power and Local Self-Government. – 2012. – No. 1. – Pp. 23–32.
9. *Talanova M.V.* Economic Function of Mediation Legal Practice // Legislation and Economics. – 2011. – No. 11. – Pp. 32–39.
10. *Postnov A.S.* Control and supervision as factors in increasing the efficiency of coordination practice // Russian law in the period of social reforms. Proceedings of the conference of students, graduate students, applicants and young legal scholars (Nizhny Novgorod, November 26–27, 2004). – Issue 6. Part 1. – 2005. – Pp. 64–67.
11. Civil executive law. Ed. by Vlasov A.A. – Moscow: Examen, 2004. – 430 p.

12. *Kivlenok T.V.* Legal act as an external form of coordination activity // Actual problems of jurisprudence. Collection of scientific papers. – Vladimir: VSPU, 2002, Issue 3. – Pp. 54–58.
13. *Baranov V.M., Kartashov V.N.* The main shortcomings of the coordination practice for ensuring the economic security of the Russian Federation at the present stage // Economic security of Russia: political guidelines, legislative priorities, practice of provision. Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2006. – No. 6. – Pp. 11–15.
14. Civil Law. Vol. 1. Edited by A.P. Sergeev, Yu.K. Tolstoy. – Moscow: TK Velbi, 2022. – 608 p.
15. *Meyer, D.I.* Russian Civil Law. – Moscow: Yurlitinform, 2024. – 344 p.
16. *Mikhailov, S.V.* The Category of Interest in Russian Civil Law. – Moscow: Statut, 2022. – 202 p.
17. *Maksurov, A.A.* Inheritance in Russia and Abroad: A Comparative Legal Study. – Moscow: Vuzovskaya kniga, 2020. – 182 p.
18. *Ukolova, Yu.A.* Under What Circumstances Can Failure to Repay a Loan Result in Criminal Liability? // Legal Handbook for the Manager. – 2009. – No. 11. – Pp. 17–23.
19. *Talanova M.V.* Effectiveness of Private Law Norms / Private Law Relations in the Context of Globalization. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012. – Part 1. – Chapter 7. – Pp. 109–116.
20. *Remizova A.V.* Transfer of a Share in the Authorized Capital of a Limited Liability Company by Way of Hereditary Succession. Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation. – Moscow, 2013. – 32 p.
21. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation, Part Three (article-by-article) / Ed. by N.I. Marysheva, K.B. Yaroshenko. – Moscow: CONTRACT, INFRA-M. 2024. – 804 p.
22. Professional Commentary on the Federal Law “On Limited Liability Companies” (article-by-article) / Under the general editorship of A.P. Zrellov, S.V. Alimirzoev. – Moscow: Foros, 2023. – 312 p.
23. *Maksurov A.A.* Trust Management of Shares in a Limited Liability Company in the Event of Inheritance: A Scientific and Practical Guide. – Moscow: Vuzovskaya Kniga, 2023. – 182 p.
24. *Naumenko O.V.* Rights of the Surviving Spouse in the Registration of Inheritance of a Share in the Authorized Capital of a Limited Liability Company // Inheritance Law. – 2012. – No. 1. – Pp. 29–32.
25. *Kamyshansky V.P., Volkova E.V.* Exercise of Preemptive Rights in Relationships Regarding the Alienation of Property // Modern Law. – 2010. – No. 6. – Pp. 61–63.
26. *Maksurov A.A.* Coordination regulation of civil law relations in the law of European countries // Lawyer’s Advisor. – 2018. – No. 3. – Pp. 39–46.

Статья поступила в редакцию: 18.02.2026.

Received: 18.02.2026.

Статья принята к публикации: 03.03.2026.

Accepted: 03.03.2026.

ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ (ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)

Кунц Елена Владимировна¹,
д-р юрид. наук, профессор,
e-mail: 73kuntc@mail.ru

¹Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Москва, Россия

В статье подвергаются исследованию наказания и меры уголовно-правового характера, применяемые к несовершеннолетним по законодательству зарубежных государств. В связи тем, что в анализируемых странах отмечается рост преступности несовершеннолетних, особое внимание правительствам этих государств стало уделяться оптимизации системы назначения и исполнения наказания для молодых правонарушителей. Предлагается расширение полномочий судов в назначении наказаний по делам несовершеннолетних и введение новых видов наказаний, не связанных с лишением свободы, но предусматривающих определенные ограничительные меры, а также расширение мер уголовно-правового характера, probation. С учетом этого, наказание в виде лишения свободы должно назначаться несовершеннолетним правонарушителям только в том случае, если они действительно представляют опасность для общества или не поддаются мерам исправительно-воспитательного характера. Сроки такого лишения свободы должны быть определенными, а их продолжительность устанавливаться судом с учетом личности правонарушителя и характера совершенного им преступления, помещаться в учреждения для несовершеннолетних правонарушителей, в которых запрещается содержать взрослых преступников.

Ключевые слова: зарубежное законодательство, лишение свободы, меры уголовно-правового характера, наказание, несовершеннолетний, правонарушитель, probation

THE PREVENTIVE VALUE OF CRIMINAL LEGISLATION CONCERNING MINORS (FOREIGN EXPERIENCE)

Kunts E.V.¹,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
e-mail: 73kuntc@mail.ru

¹Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia

The article examines the punishments and criminal measures applied to minors under the laws of foreign countries. Due to the rising rate of juvenile delinquency in the analyzed countries, governments have begun to focus on optimizing the sentencing and enforcement systems for young offenders. It is proposed to expand the courts' powers in juvenile sentencing, to introduce new types of punishments that do not involve imprisonment but include certain restrictive measures, and to expand criminal law measures, including probation. Given this, imprisonment should be imposed on juvenile offenders only if they truly pose a danger to society or are resistant to correctional measures. The terms of such imprisonment must be specific, and their duration must be determined by the court, taking into account the personality of the offender and the nature of the crime committed. They must be placed in institutions for juvenile offenders, which prohibit the detention of adult criminals.

Keywords: foreign legislation, imprisonment, criminal law measures, punishment, minor, offender, probation

В настоящее время в большинстве зарубежных стран уголовная политика в отношении молодых совершеннолетних отличается большим разнообразием [1, с. 500]. Между тем криминальная статистика является тем ориентиром, на который равняется вся правоприменительная практика, и, как правило, колебания статистической картины преступности вызывают её соответствующие изменения [2, с. 153].

Основными правовыми формами реализации уголовной политики являются законотворческая и правоприменительная деятельность [3, с. 147].

В иностранных государствах вопрос уголовной ответственности несовершеннолетних граждан решается так же по-разному [4, с. 18].

В судебной практике зарубежных стран применение наказания в виде лишения свободы в качестве уголовного наказания встречается все реже по сравнению с иными мерами уголовно-правового характера. За период отбывания лишения свободы у многих формируется молодежная субкультура, сопровождается определенными особенностями, иногда имеющими фатальный характер, которые придают традиции заразительность и эмоциональную окраску [5, с. 21].

Можно отметить ряд причин, по которым судьи прибегают к назначению других видов наказания и мер уголовно-правового характера. Во-первых, они считаются их мерой, предназначенной для сдерживания от совершения преступления в условиях, когда суды разуверились в возможности исправления преступника путем заключения его в пенитенциарное учреждение. Во-вторых, иные виды наказаний являются довольно гибкими, поскольку значительное число преступлений, совершенных несовершеннолетними правонарушителями, всегда можно охарактеризовать величиной ущерба, нанесенного в результате их совершения.

Следует подчеркнуть, что уголовно-правовое решение – это всегда выбор рискованной альтернативы (поскольку существует риск ошибиться). Риск и его субъективная оценка, собственно говоря, и есть прогностическая основа процесса принятия решения [6, с. 282].

В условиях, не сокращающихся количественных показателей преступности несовершеннолетних, расширение системы пробации рассматриваются как наиболее перспективное средство воздействия на правонарушителей из числа лиц несовершеннолетнего и молодежного возраста. Возможность разрешения конфликтов без составления процессуальных документов, последующий надзор за несовершеннолетним и молодым правонарушителем способствует легче адаптироваться в обществе, сократить количество неисправимых правонарушителей, предоставить возможность исправиться.

На пробации, в частности в США, находится значительное число несовершеннолетних правонарушителей, которые могли бы быть приговорены к заключению в тюрьмах и исправительных учреждениях. Пробацию можно определить как метод воздействия на преступника с помощью содержания его вне исправительных заведений. Несовершеннолетнему разрешается жить, учиться и работать в обществе, подчиняясь при этом условиям, предписанным судом, и под надзором сотрудника службы пробации. Пробацию не следует путать с условно-досрочным освобождением, так как здесь речь идет о надзоре, который устанавливается не после отбытия определенного срока заключения, а вместо него.

С судов снимаются некоторые ограничения в отношении назначения наказания несовершеннолетним и молодым преступникам, но максимальный срок лишения свободы для них не должен превышать максимального срока, предусмотренного законом для взрослых.

Служба пробации в США организована на двух уровнях: 1) местном, в лице центрального управления службы пробации штата; 2) уровень, основанный на централизованном управлении, считается более прогрессивным, чем первый. Такая система призвана обеспечить единство подхода к службе пробации в масштабах всего штата. Однако действие обеих уровней системы создает определенные трудности, так как несовершеннолетние правонарушители попадают в сферу компетенции разных систем. Так, власти штата несут ответственность за пробацию несовершеннолетних, которая не может быть обеспечена на местном уровне, а федеральная система пробации охватывает осужденных за федеральные преступления. Однако любой несовершеннолетний, направляемый в штатные или федеральные учреждения, сначала попадает в ведение местной службы пробации.

Служба пробации обеспечивает большинство необходимых для судопроизводства процедур – от первоначального расследования и подачи заявления от имени несовершеннолетнего до окончания над-

зора. Надзор может быть прекращен, если несовершеннолетний считается реабилитированным или если он передан в юрисдикцию другой службы.

Система probation обладает значительными преимуществами как для правонарушителя, так и для общества в целом. Несовершеннолетний получает шанс сделаться законопослушным гражданином; отсутствие репрессивного подхода сохраняет достоинство и самоуважение несовершеннолетнего. Кроме того, обеспечиваются действенные методы индивидуальной работы, а также широкий диапазон социальных программ для разрешения конфликтов, способствующих исправлению. Подросток не лишается контактов с друзьями и семьей. Немаловажно, что нахождение несовершеннолетнего на probation стоит дешевле, чем содержание его в пенитенциарном учреждении.

В качестве воспитательных мер, применяемых к несовершеннолетним во Франции, выделяются помещение в государственное или частное учреждение по воспитанию или профессиональному обучению, медицинское или медико-педагогическое учреждение, государственное воспитательное учреждение с надзором или в учреждение воспитательной коррекции¹.

В Уголовный кодекс Франции включена мера наказания – штрафные дни. Она вводится для замены краткосрочного тюремного заключения. В случае, когда преступное деяние влечет за собой тюремное заключение сроком до четырех месяцев, суд имеет право заменить его штрафными днями, число которых в каждом конкретном случае будет определяться судом в зависимости от тяжести совершенного правонарушения и не должно быть больше 240. Однако штрафные дни не входят в систему наказаний для несовершеннолетних во Франции. Возможность привлечения к уголовной ответственности и характер наказания зависят от возрастной группы несовершеннолетнего: 1) лица, не достигшие 13-летнего возраста; 2) несовершеннолетние в возрасте от 13 до 16 лет; 3) подростки от 16 до 18 лет².

В Англии согласно Закону 1998 г. за совершение незначительного преступления для несовершеннолетних предусмотрен выговор или предупреждение вместо возбуждения уголовного преследования. При этом оговаривается, что лицо не должно иметь судимостей, выговора или предупреждения [7].

Представители правоохранительных ведомств Англии ранее высказывались за преимущественное использование штрафов по сравнению с тюремным заключением. Но широкое применение штрафов в качестве уголовного наказания породило свои проблемы. Наиболее значительная из них связана с тем, что в условиях общего кризиса тюремной системы и переполненности тюрем растет число лиц, подвергшихся тюремному заключению, потому что несовершеннолетние правонарушители не смогли уплатить штраф.

В ФРГ в отношении несовершеннолетних применяются воспитательные меры, исправительные меры и наказания. Так, воспитательные меры предполагают принудительное воспитательное воздействие посредством предписаний, запретов, касающихся времяпрепровождения, наряду с этим исправительные меры сводятся к возложению обязанностей (возмещение ущерба, извинение перед потерпевшим, отработка определенных часов, внесение установленных сумм на счет благотворительной организации) и назначению ареста [7].

К несовершеннолетним в соответствии со ст. 61 УК Эстонской Республики и ст. 83 УК Республики Казахстан могут быть применены меры воздействия воспитательного характера, в частности помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение или лечебно-воспитательное учреждение³.

В соответствии со ст. 82 УК Республики Казахстан несовершеннолетнему могут быть назначены принудительные меры воспитательного воздействия, схожие по юридическому содержанию с отечественными⁴.

Уголовный кодекс Латвийской Республики в ст. 66 одной из мер закрепляет возложение на несовершеннолетнего обязанности своим трудом устранить последствия причиненного вреда⁵.

¹ Уголовный кодекс Франции: принят в 1992 г., вступил в силу с 1 марта 1994 г.; с изм. и доп. на 1 янв. 2002 г. / науч. ред. Л.В. Головки, Н.Е. Крыловой; пер. с фр. и предисл. Н.Е. Крыловой. – Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2002. – 648 с.

² Там же.

³ Уголовный кодекс Эстонской Республики / науч. ред. и перевод с эстонского В.В. Запелова, Н.И. Мацнева. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. – С. 87.

⁴ Уголовный кодекс Республики Казахстан / Закон Республики Казахстан от 16 июля 1997 года № 167 // Ведомости Парламента РК. – 1997. – № 15–16, ст. 211 / предисловие министра юстиции Республики Казахстан, д-ра юрид. наук, проф. И.И. Рогова. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. – С. 114.

⁵ Уголовный кодекс Латвийской Республики / науч. ред. и вступ. статья канд. юрид. наук А.И. Лукашова и канд. юрид. наук Э.А. Саркисовой; пер. с латыш. канд. юрид. наук А.И. Лукашова. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. – С. 108.

В ст. 82 УК Литовской Республики за совершение уголовного проступка несовершеннолетнему могут быть назначены меры воспитательного воздействия: предупреждение, возмещение или заглаживание причиненного имущественного вреда, бесплатные работы воспитательного характера, передача под надзор или опеку родителей или других физических и юридических лиц, на которые возложена обязанность заботы о детях, ограничение поведения, отправление в специальное воспитательное учреждение⁶.

Согласно ст. 85 УК Литовской Республики, безвозмездные работы назначаются сроком от 20 до 100 часов в государственных либо негосударственных учреждениях и организациях здравоохранения, опеки, попечения и других, работа в которых может носить воспитательный характер⁷.

Ограничение поведения сроком от 30 дней до 12 месяцев предполагает наложение на несовершеннолетнего обязанностей: 1) в установленное время находиться дома; 2) учиться, продолжать учебу или трудоустроиться; 3) приобрести определенные знания или выучить запрещения; 4) пройти весь курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерической болезни; 5) принимать участие в мероприятиях социального воспитания и реабилитации, устраиваемых государственными либо негосударственными учреждениями и организациями; 6) менять место жительства без разрешения инстанций, осуществляющих контроль над выполнением этой меры⁸.

В ст. 83 УК Швейцарии закреплено, что к лицу, не достигшему 18-летнего возраста, могут быть применены следующие предписания: следствие⁹, воспитательные меры, для детей, относящихся к категории риска, назначается помощь в воспитании, помещении в подходящую семью или в воспитательное учреждение (ст. 84 УК Швейцарии)¹⁰, особое наблюдение (ст. 85 УК Швейцарии)¹¹, дисциплинарное наказание (ст. 87 УК Швейцарии), например, объявление выговора или обязательство выполнить работу, назначение школьного ареста на срок от одного до шести неполных рабочих дней¹².

Лица, достигшие 15-летнего возраста и не достигшие 18 лет, могут быть помещены в воспитательный дом (ст. 93 bis)¹³ и в исправительный дом для особо трудных подростков (ст. 93 ter)¹⁴.

Лица, достигшие совершеннолетия и не достигшие 25 лет, могут быть направлены в соответствии со ст. 100 bis УК Швейцарии в воспитательно-трудовое учреждение, предусматривающее привлечение к труду, предоставление возможности пройти профессиональное обучение, осуществлять деятельность вне учреждения¹⁵.

Чаще всего в преступную деятельность вовлекаются несовершеннолетние из неблагополучных, неполных семей, социальные сироты, безнадзорные дети [8, с. 98–108].

Таким образом, в результате изучения зарубежного опыта предупредительного значения уголовного законодательства в отношении несовершеннолетних, установлено преобладание воспитательных мер над карательными, широкий социальный компонент в работе с несовершеннолетними правонарушителями, специализация судей, которые занимаются исключительно делами несовершеннолетних. Характерно активное применение уголовно-правовых мер в отношении несовершеннолетних правонарушителей, наказаний, разработанных с учётом возрастных и личностных особенностей несовершеннолетнего правонарушителя, а также жесткая позиция по отношению к несовершеннолетним, совершившим тяжкие преступления. Следует отметить, что каждое государство имеет свои специфические особенности культуры, исторического развития, национальных традиций, что находит отражение в их национальном законодательстве.

⁶ Уголовный кодекс Литовской республики / науч. ред. д-р юрид. наук, проф. В. Павилониса; предисл. канд. юрид. наук, доц. Н.И. Мацнева; вступ. ст. д-р юрид. наук, проф. В. Павилониса, д-р юрид. наук, доц. А. Абрамовичюса, д-р юрид. наук, доц. А. Дракшене; пер. с лит. канд. филол. наук, доц. П.П. Казанскене. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 28.

⁷ Там же. – С. 28.

⁸ Там же. – С. 203–205.

⁹ Уголовный кодекс Швейцарии / вступ. ст. Ю.Н. Волкова; науч. ред., предисл. и пер. с нем. А.В. Серебренниковой. – 2-е изд., доп. – Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 136.

¹⁰ Там же. – С. 137.

¹¹ Там же. – С. 137.

¹² Там же. – С. 138.

¹³ Там же. – С. 142.

¹⁴ Там же. – С. 142.

¹⁵ Там же. – С. 152.

Список литературы

1. Кунц Е.В. Модернизация уголовной политики в отношении молодых совершеннолетних преступников: российский и зарубежный опыт // Всероссийский криминологический журнал. – 2025. – Т. 19, № 5. – С. 494–503.
2. Репецкая А.Л. Современное состояние, структура и тенденции российской преступности // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2018. – № 1(54). – С. 151–156.
3. Кладько В.В. Проблемы насильственных посягательств в отношении несовершеннолетних: уголовно-правовой и криминологический аспекты / В.В. Кладько, М.Ф. Костюк. – Москва: Юрлитинформ, 2023. – 144 с.
4. Гурьева И.В. Уголовная ответственность несовершеннолетних в Российской Федерации и зарубежных странах // Актуальные исследования. – 2024. – №5 (187). – Ч. II. – С. 17–20.
5. Голубовский В.Ю. Методы противодействия молодежным деструктивным субкультурам // Организация работы по предупреждению деструктивной идеологии в подростковой среде: материалы науч.-практ. конф., Москва, 20 дек. 2024 г. – Москва, 2025. – С. 21–23.
6. Клейменов М.П. Методология уголовно-правового прогнозирования / М.П. Клейменов // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 4. – С. 277–288.
7. Коновалов И.А. Опыт борьбы с преступностью несовершеннолетних в Европе и США // Адвокат. – 2007. – № 12. – URL: <https://base.garant.ru/5434706/>
8. Ережипалиев Д.И. Преступность несовершеннолетних на современном этапе развития российского общества // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 11, № 1. – С. 98–108.

References

1. Kunts E.V. Modernization of Criminal Policy Regarding Young Adult Offenders: Russian and Foreign Experience // All-Russian Criminological Journal. – 2025. – Vol. 19, No. 5. – Pp. 494–503.
2. Repetskaya A.L. Current State, Structure, and Trends of Russian Crime // Bulletin of Omsk University. Series: Law. – 2018. – No. 1 (54). – Pp. 151–156.
3. Kladko V.V. Problems of violent attacks against minors: criminal-legal and criminological aspects / V.V. Kladko, M.F. Kostyuk. – Moscow: Yurlitinform, 2023. – 144 p.
4. Guryeva I.V. Criminal Liability of Minors in the Russian Federation and Foreign Countries // Current Research. – 2024. – No. 5 (187). – Part II. – Pp. 17–20.
5. Golubovsky V.Yu. Methods of counteracting destructive youth subcultures // Organization of work to prevent destructive ideology among adolescents: materials of the scientific and practical conference, Moscow, December 20, 2024. – Moscow, 2025. – Pp. 21–23.
6. Kleymenov M.P. Methodology of criminal-legal forecasting / M.P. Kleymenov // Law enforcement. – 2022. – Vol. 6, No. 4. – Pp. 277–288.
7. Kononov I.A. Experience in Combating Juvenile Delinquency in Europe and the USA // Advocate. – 2007. – No. 12. – URL: <https://base.garant.ru/5434706/>
8. Erezhipaliev D.I. Juvenile Delinquency at the Current Stage of Development of Russian Society // All-Russian Criminological Journal. – 2022. – Vol. 11, No. 1. – Pp. 98–108.

Статья поступила в редакцию: 10.03.2026.

Received: 10.03.2026.

Статья принята к публикации: 30.03.2026.

Accepted: 30.03.2026.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ПРЕСТУПНЫХ НАРУШЕНИЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Баринов Сергей Владимирович¹,
канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: metel2000@rambler.ru,

Уварова Ирина Александровна¹,
канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: iuvarova@muiv.ru

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

В статье на основе статистических данных ГИАЦ МВД России и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2015–2024 гг. проводится анализ количественных и качественных показателей преступных нарушений неприкосновенности частной жизни – преступлений, наказуемых в соответствии со ст. 137, 138 и 139 УК РФ. Оценены состояние, динамика и структура преступности. Отмечено, что преступления рассматриваемой группы не являются достаточно распространенными в следственно-судебной практике. Рассмотрены наиболее важные структурные элементы, характеризующие преступность в сфере частной жизни: преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, с использованием служебного положения, совершаемые ранее судимыми лицами, а также в состоянии алкогольного опьянения. Определены факторы, способствующие латентности преступлений, которые носят комплексный характер и связаны с видом уголовного преследования, особенностями механизма их совершения, уровнем цифровой грамотности граждан и деятельностью правоохранительных органов по выявлению и пресечению преступлений.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: неприкосновенность частной жизни, состояние преступности, динамика преступности, структура преступности, ст. 137 УК РФ, ст. 138 УК РФ, ст. 139 УК РФ

QUANTITATIVE AND QUALITATIVE INDICATORS OF CRIMINAL VIOLATIONS OF PRIVACY

Barinov S.V.¹,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: metel2000@rambler.ru,

Uvarova I.A.¹,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: iuvarova@muiv.ru

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

The article analyzes quantitative and qualitative indicators of criminal violations of privacy, crimes punishable in accordance with Articles 137, 138 and 139 of the Criminal Code of the Russian Federation, based on statistical data from the GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation for 2015–2024. The state, dynamics and structure of crime are assessed. It is noted that the crimes of this group are not widespread enough in investigative and judicial practice. The most important structural elements characterizing crime in the sphere of privacy are considered: crimes committed using information and telecommunication technologies, using official position, committed by previously convicted

persons, as well as under the influence of alcohol. The factors contributing to the latency of crimes that are complex in nature and related to the type of criminal prosecution, the specifics of the mechanism of their commission, the level of digital literacy of citizens and the activities of law enforcement agencies to identify and suppress crimes are identified.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: inviolability of private life, crime status, crime dynamics, crime structure, Article 137 of the Criminal Code of the Russian Federation, Article 138 of the Criminal Code of the Russian Federation, 139 of the Criminal Code of the Russian Federation

Введение

Национальные интересы РФ определяются в Стратегии национальной безопасности РФ (утв. Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400) как объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии.

Национальными интересами в информационной сфере Доктрина информационной безопасности РФ (утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646) признает, среди прочих, обеспечение и защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина в части, касающейся получения и использования информации, неприкосновенности частной жизни при использовании информационных технологий.

Правовой институт неприкосновенности частной жизни в отечественном законодательстве формируется исходя из положений Конституции РФ и состоит из права на личную и семейную тайну, права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также права на неприкосновенность жилища.

Преступные нарушения неприкосновенности частной жизни в данном исследовании рассматриваются как отдельная группа преступлений, в которую входят запрещенные Уголовным законом под угрозой наказания общественно опасные виновно совершенные деяния, посягающие на гарантированные Конституцией РФ права на личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений, а также на неприкосновенность жилища, составляющие содержание права на неприкосновенность частной жизни (т.е. преступления, наказуемые в соответствии со ст. 137, 138 и 139 УК РФ) [1, с. 7].

Основная часть

Преступность в сфере частной жизни, как и иные виды преступности, может быть оценена в соответствии с количественными и качественными показателями, используемыми в криминологии [2, с. 31].

К показателям преступности в сфере частной жизни, повергнутым оценке в предлагаемом исследовании, относятся: состояние, динамика и структура преступности.

Состояние преступности определяется как количество преступлений (или лиц, их совершивших) в абсолютных цифрах, совершенных (или зарегистрированных) на определенной территории за определенное время.

Для анализа состояния преступности в России принято использовать статистические сведения ГИАЦ МВД России и Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Однако, в связи с тем, что в последнее время ГИАЦ МВД России отказывает в предоставлении сведений по запросам, получить актуальную информацию о количестве зарегистрированных преступных нарушений неприкосновенности частной жизни не представляется возможным.

Последними доступными данными, полученными из ГИАЦ МВД России о количестве зарегистрированных преступлений, являются следующие: по ст. 137 УК РФ зарегистрировано 918 преступлений в 2021 г.; по ст. 138 УК РФ – 175 в 2024 г.; по ст. 139 УК РФ – 5111 в 2022 г.

Известно, что преступность не является постоянной величиной, и ее показатели меняются с течением времени. Изменение ее уровня и структуры за определённый временной период в криминологии отражает динамика преступности.

Для анализа динамики преступных нарушений неприкосновенности частной жизни в России в настоящем исследовании были использованы статистические сведения ГИАЦ МВД России за 10 лет (2015–2024 гг.), которые отражены в таблице 1.

Таблица 1 – Статистические сведения о преступлениях, предусмотренных ст. 137, 138 и 139 УК РФ в целом по России¹

Год	Количество преступлений, зарегистрированных в отчетный период		
	Ст. 137 УК РФ	Ст. 138 УК РФ	Ст. 139 УК РФ
2015	211	114	12393
2016	291	115	12765
2017	440	181	13241
2018	518	174	12973
2019	633	221	11844
2020	754	377	11479
2021	918	514	7405
2022	Нет данных	399	5511
2023*	Нет данных	358	Нет данных
2024*	Нет данных	175	Нет данных

* – статистические сведения сформированы без учета сведений о преступлениях, совершенных на территориях Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей, предоставление и распространение которых приостановлено до 1 января 2026 г. распоряжением Правительства РФ от 16.12.2023 г. № 3702-р.

Динамика количества преступлений по ст. 137, 138 и 139 УК РФ, зарегистрированных в целом по России (за 2015–2024 гг.) наглядно представлена на графиках (рисунки 1, 2 и 3).

На рисунке 1 можно отметить устойчивый рост количества зарегистрированных преступлений по ст. 137 УК РФ за 2015–2021 гг. более чем в 4 раза.

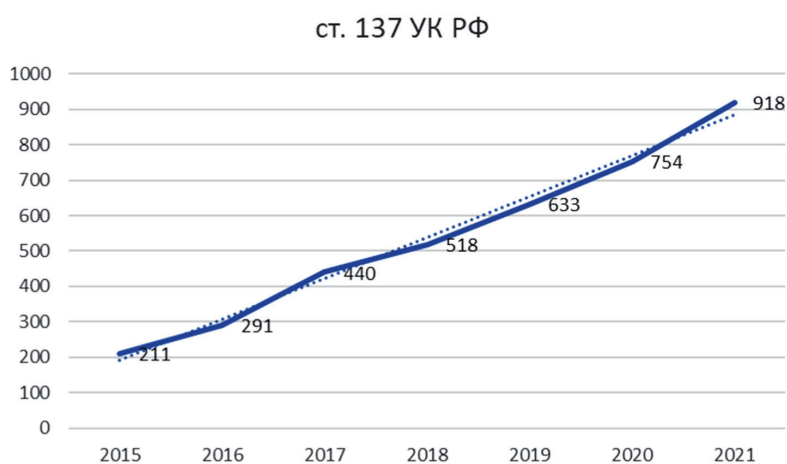

Рисунок 1 – Количество преступлений по ст. 137 УК РФ, зарегистрированных в целом по России (за 2015–2021 гг.)

Наблюдаемый рост количества зарегистрированных преступлений по ст. 137 УК РФ связан с отмечаемым общим ростом количества преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (в том числе сети Интернет).

¹ Сведения ГИАЦ МВД России.

Так, по данным статистики МВД России с 2018 по 2022 годы количество зарегистрированных преступлений в РФ, совершенных в сфере ИТТ, возросло почти в три раза (с 174 674 до 522 065). В 2019 году прирост зарегистрированных преступлений по сравнению с 2018 годом достиг 68,5 %, в 2020 году – 73,4 %, в 2021 году – 1,4%, в 2022 году – 0,8 %. Аналогично, прирост расследованных в 2019 году – 50,4 %, в 2020 году – 45,5 %, в 2021 году – 25,3 %, в 2022 году – 19,7 %. Отмечается, что хотя численный показатель расследованных компьютерных преступлений возрастает, однако его ежегодный прирост снижается, что является негативной тенденцией [3].

Глава Следственного комитета РФ А. Бастрыкин обращает внимание, что наблюдается постоянная положительная динамика преступных деяний, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, и увеличение их доли в общей структуре преступности. С 2018 года в РФ число указанных преступлений выросло в 7,5 раз, а их удельный вес – с 15 % до 40 %. Две трети из расследованных ведомством преступных деяний связаны с использованием интернет-ресурсов².

Рост количества нарушений неприкосновенности частной жизни, совершенных преступниками при активном использовании информационно-коммуникационных, компьютерных и иных высоких технологий отмечается в современных исследованиях [4, с. 76].

Прогнозы динамики преступности в рассматриваемой сфере не внушают оптимизма. Анализ криминальной ситуации, сложившейся в сфере использования компьютерных сетей, свидетельствует о неизбежной тенденции роста противоправной активности в исследуемой области [5, с. 70].

Анализируя динамику преступных нарушений тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (рисунок 2) можно отметить, что после пика количества зарегистрированных преступлений по ст. 138 УК РФ в 2021 г. наблюдается ежегодное сокращение количества зарегистрированных преступлений, однако рост по сравнению с 2015 г. сохраняется.

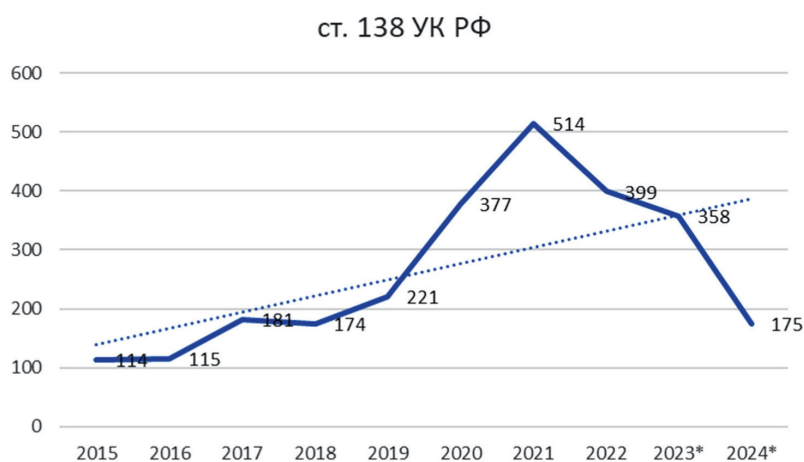

Рисунок 2 – Количество преступлений по ст. 138 УК РФ, зарегистрированных в целом по России (за 2015–2024 гг.)

На состояние преступности по ст. 138 УК РФ оказывают влияние следующие факторы.

Во-первых, растет количество преступных деяний, направленных на незаконное использование и (или) передачу, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, в ходе которых возможно получение сведений о местонахождении, контактах и иной конфиденциальной информации, касающейся жертв преступлений, с целью подготовки совершения преступлений имущественного, террористического характера, а также иных противоправных действий.

Во-вторых, особенности механизма совершения преступных нарушений тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений предполагают преодоление средств

² Число преступлений с использованием интернет-ресурсов выросло в РФ за семь лет в 7,5 раз. 13 февраля 2025 г. INTERFAX.RU. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/1007707> (дата обращения: 12.01.2026)

технической защиты, которые постоянно совершенствуются. Без специальной подготовки или наличия средств преодоления защиты преступнику сложно получить доступ к источникам информации. Подтверждением этого является наблюдаемый рост количества преступлений по ч. 2 ст. 138 УК РФ, совершенных с использованием служебного положения.

Оценка динамики нарушений неприкосновенности жилища (рисунок 3) показывает, что если в 2015–2017 г. наблюдался небольшой рост количества преступлений по ст. 139 УК РФ, то с 2018 г. происходит значительное снижение количества зарегистрированных преступлений. Общее снижение количества зарегистрированных преступлений по ст. 139 УК РФ с 2015 г. по 2022 г. составило 55,5 %.

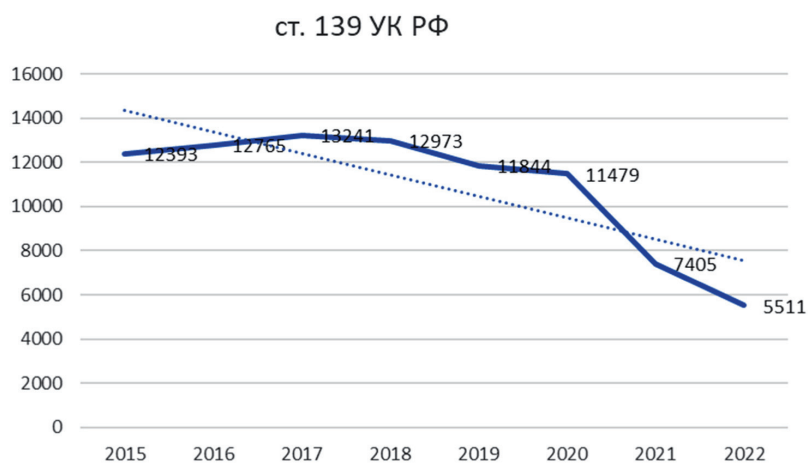

Рисунок 3 – Количество преступлений по ст. 139 УК РФ, зарегистрированных в целом по России (за 2015–2022 гг.)

Согласно сведений из сборников «Состояние преступности в России», публикуемых ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России, в РФ в 2015 г. было зарегистрировано 2352,1 тыс. преступлений, в 2016 г. – 2160 тыс. (на 10 % меньше); в 2017 г. – 2058,5 тыс. (на 4,7 % меньше), в 2018 г. – 1991,5 тыс. (на 3,3 % меньше), в 2019 г. – 2024,3 тыс. (на 1,6 % больше), в 2020 г. – 2044,2 тыс. (на 1,0 % больше), в 2021 г. – 2004,4 тыс. (1,9 % меньше), в 2022 г. – 1966,8 тыс. (на 1,9 % меньше), в 2023 г. – 1947,2 тыс. (на 1,0 % меньше), в 2024 г. – 1911,3 тыс. (на 1,8 % меньше)³. Снижение количества зарегистрированных преступлений в РФ с 2015 г. по 2024 г. составило 18,74 %.

Таким образом, снижение количества зарегистрированных преступлений по ст. 139 УК РФ в целом отражает общую тенденцию на снижение преступности в России и даже значительно превосходит ее.

Основываясь на материалах, изученных в ходе исследования уголовных дел, можно констатировать, что механизм совершения большинства преступлений по ст. 139 УК РФ в настоящее время не предполагает использование информационно-телекоммуникационных технологий.

В ситуации отсутствия актуальных данных о количестве зарегистрированных преступлений для рассмотрения динамики преступных нарушений неприкосновенности частной жизни за 2015–2024 гг. большое значение имеют сведения о количестве осужденных по ст. 137, 138 и 139 УК РФ, публикуемые Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, которые отражены в таблице 2.

В целом представленные в таблице 2 данные подтверждают выявленные тенденции о количестве зарегистрированных преступлений. Так, число осужденных лиц по вступившим в законную силу приговорам и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам (по основной статье) за период с 2015 г. по 2024 г. по ст. 137 УК РФ показывает рост на 289 %, по ст. 138 УК РФ – на 55 %, а по ст. 139 УК РФ – снижение на 79 %.

Структура преступности – ее внутреннее строение, которое измеряется в удельных весах или долях различных групп и видов преступлений к их общему числу.

³ Состояние преступности. – URL: <https://мвд.рф/reports/1/> (дата обращения: 12.01.2026).

Таблица 2 – Число осужденных лиц по вступившим в законную силу приговорам и иные лица, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам (по основной статье)⁴

Статья УК РФ \ Год	Год									
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
По ст. 137 УК РФ	64	59	86	127	171	171	235	265	240	249
По ст. 138 УК РФ	20	42	48	41	29	33	62	78	51	31
По ст. 139 УК РФ	5429	7144	7607	7341	6309	5694	3818	2622	1908	1153

Исходя из имеющихся актуальных данных, доля преступных нарушений неприкосновенности частной жизни в структуре преступности России оценивается как незначительная. Так, в общем количестве преступлений, зарегистрированных в целом по России в 2021 г. (последний год полных данных), преступлений по ст. 137 УК РФ зарегистрировано 0,045 %, по ст. 138 УК РФ – 0,025 %, по ст. 139 УК РФ – 0,37 %, что свидетельствует о том, что преступления рассматриваемой группы не являются достаточно распространенными в следственно-судебной практике.

В структуре преступных нарушений неприкосновенности частной жизни преобладают преступления по ст. 139 УК РФ, несмотря на снижение с 97,4 % в 2015 г. до 83,8 % в 2021 г. Количество преступлений в 2021 г. по ст. 137 УК РФ составило 10,4 %, а по ст. 138 УК РФ – 5,8 %.

Рассматривая наиболее важные структурные элементы преступности в сфере частной жизни, помимо значительной доли преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (по ст. 137 УК РФ), а также с использованием служебного положения (по ст. 138 УК РФ), можно выделить преступления, совершаемые ранее судимыми лицами, а также в состоянии алкогольного опьянения (по ст. 139 УК РФ).

Так, по ст. 139 УК РФ в 2017 г. (наибольшее количество осужденных) совершили преступления в состоянии алкогольного опьянения либо под воздействием – 5098 чел., т.е. 66,1 % осужденных.

Учитывая, что в состоянии опьянения совершается от 22,3 до 37,0 % всех преступлений, а удельный вес выявленных лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, составляет от 27,8 до 38,9 % [6, с. 89], количество осужденных по ст. 139 УК РФ значительно превышает официальные статистические данные по России.

За 2017 г. по ст. 139 УК РФ признаны совершившими преступления при рецидиве – 1647, т.е. 21,7 %. Имели неснятые и непогашенные судимости на момент судебного рассмотрения 3427, т.е. 45 %. Среди осужденных по ч. 2 ст. 138 УК РФ ранее судимые составляют до 20 % (в 2022 и 2024 гг.).

Если учесть, что согласно статистике преступности последних лет, значительная часть преступлений в России совершается ранее судимыми лицами – более трети расследованных уголовных дел [7], то можно констатировать, что устойчивая значительная их доля среди осужденных по ст. 139 УК РФ отражает общую тенденцию.

При изучении качественно-количественных показателей преступных нарушений неприкосновенности частной жизни, необходимо учитывать латентность преступлений. Высокий уровень латентности рассматриваемой группы преступлений обуславливает ряд факторов.

Во-первых, в соответствии с положениями ч. 3 ст. 20 УПК РФ уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 137, 138 и 139 УК РФ, относятся к уголовным делам частного-публичного обвинения, которые возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя, но прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым не подлежат [8, с. 16]. Малозначительность причиненного преступлением ущерба, по мнению потерпевшего (нематериальный характер вреда), являются препятствием для подачи заявления в правоохранительные органы. Кроме того, зачастую потерпевший узнает о совершенном в отношении него преступлении спустя продолжительный период времени от иных лиц.

Факторы, способствующие латентности преступных нарушений неприкосновенности частной жизни, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, являются характерными для группы компьютерных преступлений, и обусловлены недостаточной цифровой грамот-

⁴ Сведения Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

ностью населения, распространением программных средств анонимизации личности, обеспечивающих сокрытие информации о совершившем преступление лице, распространением программ для мобильных устройств, позволяющих перехватывать сетевой трафик, расшифровать имена и пароли пользователей [9, с. 6]. Значительного улучшения ситуации в данном случае ожидать не приходится. По мнению К.Н. Евдокимова, количество преступлений в сфере компьютерной информации в ближайшей перспективе будет возрастать, что, к сожалению, не обязательно найдет реальное отражение в официальной уголовной статистике и судебно-следственной практике в силу множества объективных причин (дальнейшее развитие IT-технологий и информатизация российского общества, несовершенство уголовного законодательства, недостатки и ошибки в судебно-следственной практике по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, отсутствие в правоохранительных органах необходимого количества высококвалифицированных специалистов для раскрытия компьютерных преступлений и т.д.) [10, с. 94].

Заключение

Проведенный анализ количественных и качественных показателей преступных нарушений неприкосновенности частной жизни в России позволяет сделать следующие выводы:

1. Динамика количества преступлений по ст. 137, 138 и 139 УК РФ, зарегистрированных в целом по России (за 2015–2024 гг.) имеет разнонаправленный характер, зависит от механизма совершения преступления и отражает общие тенденции преступности в России: общее снижение и рост доли преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

2. Доля преступных нарушений неприкосновенности частной жизни в структуре преступности России оценивается как незначительная. В структуре преступных нарушений неприкосновенности частной жизни преобладают преступления по ст. 139 УК РФ – 83,8 %. Преступлений по ст. 137 УК РФ – 10,4 %, а по ст. 138 УК РФ – 5,8 %.

3. Наиболее важными структурными элементами, характеризующими преступность в сфере частной жизни, являются преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (по ст. 137 УК РФ), с использованием служебного положения (по ст. 138 УК РФ), ранее судимыми лицами, а также в состоянии алкогольного опьянения (по ст. 139 УК РФ).

4. Причины латентности преступных нарушений неприкосновенности частной жизни носят комплексный характер и связаны с видом уголовного преследования, особенностями механизма их совершения, уровнем цифровой грамотности граждан и деятельностью правоохранительных органов по выявлению и пресечению преступлений.

Список литературы

1. *Баринов, С.В.* Теория и практика расследования преступных нарушений неприкосновенности частной жизни / С.В. Баринов. – Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2022. – 259 с. – ISBN 978-5-9580-0639-7. – EDN FSYJDO.
2. *Криминология: учебник для вузов / под ред. В.И. Авдийского, Л.А. Букалеровой.* – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2025. – 339 с.
3. *Павлова, А.А.* Особенности динамики компьютерной преступности и проблемы ее латентности / А.А. Павлова, Т.И. Игнатьева // *Право и государство: теория и практика.* – 2023. – № 7(223). – С. 411–415. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_7_411. – EDN IZHBFV.
4. *Евдокимов, К.Н.* Квалификация нарушения неприкосновенности частной жизни, совершенного с использованием информационно-коммуникационных и компьютерных технологий (ст. 137 УК РФ) / К.Н. Евдокимов // *Вестник Университета прокуратуры РФ.* – 2022. – № 2(88). – С. 76–83. – EDN CBVFKX.
5. *Шипулин, Г.Ф.* Предупреждение преступлений, совершаемых с использованием компьютерных сетей: дис. ... канд. юрид. наук / Шипулин Георгий Фаризович, 2024. – 201 с. – EDN LTDKKD.
6. *Вакуленко, Н.А.* Статистико-криминологические показатели преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, в современной России / Н.А. Вакуленко // *Юрист-Правоведь.* – 2024. – № 2(109). – С. 87–94. – EDN SIWQBH.

7. Филиппова О.В. Рецидивная преступность в России: тенденции и закономерности / О.В. Филиппова. – DOI 10.17150/2500-4255.2025.19(2).137-147. – EDN IXIBQL // Всероссийский криминологический журнал. – 2025. – Т. 19, № 2. – С. 137–147.
8. Баринов, С.В. Проблемы выявления и расследования преступных нарушений неприкосновенности частной жизни: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Баринов Сергей Владимирович. – Саратов, 2006. – 23 с. – EDN NIYANL.
9. Гаврилин, Ю.В. О научных подходах к проблеме использования информационно-телекоммуникационных технологий в преступных целях: научно-практическое пособие / Ю.В. Гаврилин. – Москва: Академия управления МВД России, 2021. – 71 с. – ISBN 978-5-907187-86-3. – EDN HPAARH.
10. Евдокимов, К.Н. Структура и состояние компьютерной преступности в РФ / К.Н. Евдокимов // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 1(35). – С. 86–94. – EDN XBIATX.

References

1. Barinov, S.V. Teoriya i praktika rassledovaniya prestupnyh narushenij neprikosновенности chastnoj zhizni / S.V. Barinov. – Moskva: Moskovskij universitet im. S.Yu. Vitte, 2022. – 259 s. – ISBN 978-5-9580-0639-7. – EDN FSYJDO.
2. Kriminologiya: uchebnyk dlya vuzov / pod red. V.I. Avdijskogo, L.A. Bukalerovoj. – 3-e izd., pererab. i dop.– Moskva: Yurajt, 2025.– 339 s.
3. Pavlova, A.A. Osobennosti dinamiki komp'yuternoj prestupnosti i problemy ee latentnosti / A.A. Pavlova, T.I. Ignat'eva // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2023. – № 7(223). – S. 411–415. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_7_411. – EDN IZHBVF.
4. Evdokimov, K.N. Kvalifikaciya narusheniya neprikosновенности chastnoj zhizni, sovershennogo s ispol'zovaniem informacionno-kommunikacionnyh i komp'yuternyh tekhnologij (st. 137 UK RF) / K.N. Evdokimov // Vestnik Universiteta prokuratury RF. – 2022. – № 2(88). – S. 76–83. – EDN CBVFKX.
5. Shipulin, G.F. Preduprezhdenie prestuplenij, sovershaemyh s ispol'zovaniem komp'yuternyh setej: dis. ... kand. jurid. nauk / Shipulin Georgij Farizovich, 2024. – 201 s. – EDN LTDKKD.
6. Vakulenko, N.A. Statistiko-kriminologicheskie pokazateli prestuplenij, sovershennyh v sostoyanii alkogol'nogo op'yaneniya, v sovremennoj Rossii / N.A. Vakulenko // Yurist»-Pravoved». – 2024. – № 2(109). – S. 87–94. – EDN SIWQBH.
7. Filippova O.V. Recidivnaya prestupnost' v Rossii: tendencii i zakonomernosti / O.V. Filippova. – DOI 10.17150/2500-4255.2025.19(2).137-147. – EDN IXIBQL // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. – 2025. – Т. 19, № 2. – С. 137–147.
8. Barinov, S.V. Problemy vyavleniya i rassledovaniya prestupnyh narushenij neprikosновенности chastnoj zhizni: special'nost' 12.00.09 «Ugolovnyj process»: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / Barinov Sergej Vladimirovich. – Saratov, 2006. – 23 s. – EDN NIYANL.
9. Gavrilin, Yu.V. O nauchnyh podhodah k probleme ispol'zovaniya informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologij v prestupnyh celyah: nauchno-prakticheskoe posobie / Yu.V. Gavrilin. – Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2021. – 71 s. – ISBN 978-5-907187-86-3. – EDN HPAARH.
10. Evdokimov, K.N. Struktura i sostoyanie komp'yuternoj prestupnosti v RF / K.N. Evdokimov // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. – 2016. – № 1(35). – S. 86–94. – EDN XBIATX.

Статья поступила в редакцию: 12.01.2026.

Received: 12.01.2026.

Статья принята к публикации: 18.02.2026.

Accepted: 18.02.2026.

К ВОПРОСУ О МОДЕЛЯХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ОСНОВАННЫХ НА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ РИСКОВ

Федюнин Антон Евгеньевич¹,
докт. юрид. наук, доцент,
e-mail: aef@bk.ru,

Перетьяко Наталья Михайловна¹,
канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: naperetyatko@yandex.ru

¹Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов, Россия

Актуальность статьи обусловлена наличием проблем в сфере правового регулирования систем искусственного интеллекта, возникающих в связи с недостаточным учетом рисков, сопровождающих применение данной технологии. Объектом исследования являются правоотношения, возникающие в сфере правового регулирования систем искусственного интеллекта. Предметом исследования служат модели правового регулирования, основанные на дифференциации рисков. Методология исследования основана на классических методах научного анализа, общенаучных и специальных юридических методах (формально-юридический, логический, аналитический), позволяющих выявить и разрешить проблемы правового регулирования систем искусственного интеллекта с учетом риск-ориентированного подхода. Делается вывод о том, что системы, классифицированные как высокорисковые, подлежат более строгому контролю и мониторингу, в то время как системы с низким и минимальным риском могут соответствовать менее жестким требованиям. Все существующие, разрабатываемые и перспективные системы искусственного интеллекта должны соответствовать стандартам социальной безопасности, при этом горизонтальная модель правового регулирования, основанная на дифференциации рисков, представляется наиболее оптимальной.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовое регулирование, дифференциация рисков, модель правового регулирования, технология, технологическое решение, нормативные требования

ON MODELS OF LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS BASED ON RISK DIFFERENTIATION

Fedyunin A.E.¹,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: aef@bk.ru,

Peretyatko N.M.¹,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: naperetyatko@yandex.ru

¹Saratov State Academy of Law, Saratov, Russia

The relevance of this article stems from the challenges arising in the legal regulation of artificial intelligence systems due to insufficient consideration of the risks associated with the use of this technology. The object of this study is the legal relationships arising in the regulation of artificial intelligence systems. The subject of this study is legal regulation models based on risk differentiation. The research methodology draws on classical methods of scientific analysis, general scientific, and specialized legal methods (formal legal, logical, and analytical),

enabling the identification and resolution of issues related to the legal regulation of artificial intelligence systems using a risk-based approach. It is concluded that systems classified as high-risk are subject to more stringent control and monitoring, while low- and minimal-risk systems may meet less stringent requirements. All existing, developing and prospective artificial intelligence systems must comply with social security standards, while a horizontal model of legal regulation based on risk differentiation appears to be the most optimal.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: artificial intelligence, legal regulation, risk differentiation, legal regulation model, technology, technological solution, regulatory requirements

Рассматривая вопросы правового регулирования систем искусственного интеллекта (далее – ИИ), необходимо в первую очередь определить, что он из себя представляет. Такие попытки предпринимались неоднократно. Например, определение, предложенное Тьюрингом в 1950 году, основано на его дефинировании через результат процесса. Суть данной идеи заключается в том, что если процесс можно считать интеллектуальным, когда он осуществляется человеком, то он также может быть признан таковым, если выполняется машиной. В связи с этим искусственный интеллект можно охарактеризовать как «деятельность, изучающую, как заставить компьютеры выполнять задачи, требующие интеллекта, аналогично тому, как это делают люди» [1].

Однако важно отметить, что искусственный интеллект не просто копирует человеческие процессы мышления, а использует алгоритмы и модели, которые позволяют ему обрабатывать информацию и принимать решения на основе больших объемов данных. В то же время, с развитием ИИ возникают вопросы этического и правового характера. Как обеспечить защиту личных данных? Как избежать предвзятости в алгоритмах? Как гарантировать, что машины принимают решения, соответствующие моральным нормам? Эти вопросы требуют внимательного рассмотрения и разработки соответствующих норм и стандартов.

Наиболее значимых попыток дефинирования ИИ для законодательных целей к настоящему времени предпринято несколько.

В качестве примера следует обратить внимание на определение, представленное в Коммюнике Европейской комиссии от 25 апреля 2018 года, согласно которому искусственный интеллект представляет собой «систему, которая проявляет разумное поведение, анализируя окружающую среду и осуществляя действия с определённой степенью автономии для достижения конкретных целей».

Искусственный интеллект (ИИ) представляет собой разнообразные технологии и методы, которые помогают системам учиться на основе данных, адаптироваться к новым условиям и выполнять задачи, ранее требовавшие человеческого вмешательства. К числу этих технологий относятся машинное обучение, обработка естественного языка, компьютерное зрение и другие подходы, которые позволяют ИИ анализировать информацию и принимать решения. При этом следует отметить, что ключевыми аспектами при разработке и внедрении ИИ являются не только технические характеристики, но и правовые, этические и социальные аспекты, которые должны быть учтены для достижения устойчивого и безопасного его использования.

В России, согласно Указу Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490, озаглавленному «О развитии искусственного интеллекта в РФ», искусственный интеллект определяется как «совокупность технологических решений, способствующих имитации когнитивных функций человека, включая возможность поиска решений без заранее установленного алгоритма, и предоставляющих результаты, которые при выполнении определенных задач сопоставимы с результатами человеческой интеллектуальной деятельности или превосходят их» [2].

Как видно, независимо от терминологических вариаций, ИИ определяется через восприятие его как разумного существа. Следовательно, он функционирует так, как если бы обладал разумом. Таким образом, необходимо осознавать как преимущества, так и недостатки данного подхода, чтобы не нарушить границы между реальным и виртуальным. В противном случае использование термина «интеллект» может косвенно привести к его «очеловечиванию», что, в свою очередь, логически обоснует концепцию его правосубъектности [2].

Далее следует задаться вопросом о том, возможно ли применять классические методы юридической техники к регулированию ИИ или же сосредоточиться на регулировании его использования в конкретных ситуациях. Европейская модель предполагает первый вариант, который можно охарактеризовать как «горизонтальный». С другой стороны, некоторые международные организации считают, целесообразным регулировать ИИ применительно к конкретным сферам деятельности, такую модель можно охарактеризовать как «вертикальную».

Кроме того, необходимо учитывать, что выбор модели правового регулирования ИИ должен определяться не только его технической составляющей, но и возможной ответственностью, связанной с вредом, который может быть причинен его неправильным применением. Здесь следует обратить внимание на такие области как: персональные данные; здравоохранение; обеспечение правопорядка; правосудие и другие направления, непосредственно затрагивающие общепризнанные и фундаментальные права и свободы человека и гражданина.

Вертикальная модель правового регулирования ИИ, которую также иногда называют «отраслевой» основана на подходе, согласно которому узкоспециализированными законодательными актами решаются частные проблемы в сфере ИИ. В отличие от горизонтальной модели, которая предполагает комплексное регулирование, вертикальная воздействует на правоотношения точно. Нормотворчество при таком подходе осуществляется уполномоченными государственными органами путем издания подзаконных нормативных актов.

Следует отметить, что с одной стороны, чрезмерное количество нормативных требований к разработке, распространению и использованию систем ИИ, присущих вертикальной модели правового регулирования может стать тормозом для их развития. С другой стороны в этом есть и положительные стороны, поскольку оперативность регулирования, способствует быстрому появлению правовых норм, не нашедших в текущий момент отражения в действующем законодательстве. При отсутствии необходимого законодательства в конкретный период такой подход вполне применим, однако его масштабирование вызывает вопросы.

По нашему мнению, точечное (вертикальное, отраслевое) правовое регулирование имеет один существенный изъян, который перевешивает возможные тактические преимущества данного подхода. Он состоит в том, что каждая новая система или направление ИИ будет требовать отдельного нормативного акта, число которых не может быть бесконечным. Чрезмерное количество документов, издаваемых разными ведомствами в рамках одной сферы правоотношений, может породить правовой хаос и стать препятствием для развития отрасли ИИ в масштабах всего государства. Кроме того, локальные правовые акты, как правило, не могут в полной мере обеспечить гарантии прав и свобод человека в той же мере как законодательство, принимаемое на общегосударственном уровне.

На наш взгляд, горизонтальная модель правового регулирования ИИ, учитывающая все его риски, является наиболее приемлемой для российской школы нормотворчества. Такой подход позволяет создавать правовые нормы, которые не нацелены на решение «точечных», специфических задач, а направлены на применение во всех секторах. Он подразумевает наличие системности и структурированности, что является преимуществом, поскольку создаваемые правовые нормы будут основываться на научном подходе. Однако следует учитывать вероятность возникновения разрыва связи между универсальными правовыми проблемами, вызванными автономностью систем ИИ и их способностью к самообучению, и задачами в различных отраслях применения. При этом общетраслевые задачи не могут решить все фундаментальные проблемы в сфере ИИ, в частности, вопросы обеспечения проверяемости его алгоритмов.

Применение горизонтальной риск-ориентированной модели позволяет строить систему правового регулирования ИИ «с нуля» и обеспечивать решение проблем, которые могут возникнуть в любом существующем и еще разрабатываемом приложении. В данном случае правовое регулирование, основанное на таком подходе, должно основываться на управлении рисками, которое вытекает из дифференциации систем искусственного интеллекта по категориям в зависимости от потенциальной общественной опасности: неприемлемый риск, высокий риск, низкий риск и минимальный риск.

Системы, представляющие собой неприемлемый риск, безусловно, должны быть полностью запрещены. К ним мы относим системы, применение которых противоречит реализации прав и свобод

человека и гражданина, закрепленных в Конституции РФ, а также в законе «О персональных данных» и других нормативных актах, регулирующих права и свободы личности, создающие социальные и иные рейтинги, распределяющие граждан по социальным стратам, а также способствующие любым другим формам социальной сегрегации [2; 3, с. 3].

Следует подчеркнуть, что сферы применения систем ИИ практически не имеют ограничений. В настоящее время наиболее распространенными направлениями являются: голосовые помощники, рекомендательные системы, сервисы потокового видео, распознавание образов, автопилоты и автономные транспортные системы, финансовая аналитика, языковые переводчики, игровая индустрия, медицинская диагностика и робототехника. Среди них заслуживают особого внимания системы ИИ, обеспечивающие безопасность, а также те, которые могут использоваться для принятия юридически значимых решений в отношении граждан. При этом следует исходить из аксиомы, что с увеличением риска для прав человека должно усиливаться и регулирование.

Таким образом, социальные институты, связанные с повышенными рисками, такие как правоохранительные органы, национальная безопасность, уголовный процесс, социальная защита, трудовые отношения, здравоохранение, образование и финансы, требуют первоочередного внимания законодателя. Внедрение систем, способных оказывать влияние на жизнь и права граждан, требует комплексного подхода к оценке рисков и возможных последствий. В связи с этим нам представляется важным создание механизмов контроля, которые помогут выявлять и исправлять потенциальные предвзятости и ошибки в работе алгоритмов ИИ [4, с. 6]. Такая работа требует комплексного подхода, который может включать разработку нормативно-правовых актов, технические методы, проверочные процедуры и этические стандарты.

К правовым мерам, предназначенным для выявления и исправления предвзятости и ошибок в системах ИИ можно отнести, например: AI Act (Европейский союз); Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (Россия); Фреймворк управления рисками ИИ – AI RMF (США). Указанные документы на законодательном уровне закрепляют характеристики ИИ, к которым должны стремиться разработчики: надёжность, безопасность, защищённость и устойчивость, подотчётность и прозрачность, объяснимость, конфиденциальность и справедливость.

К техническим методам выявления и исправления предвзятости и ошибок в системах ИИ можно отнести, например: анализ данных; тестирование на справедливость в принятии решений; методы объяснимого ИИ; методы предварительной и постобработки данных. Указанные методы позволяют разработчикам проводить детальную оценку систем ИИ по различным демографическим и иным социальным сегментам, проводить балансировку и калибровку данных, определять, почему система приняла то или иное решение, выявлять дискриминационную логику.

Проверочные процедуры предназначены для аудита алгоритмов ИИ на предмет справедливости в принятии решений. Они позволяют выявить предвзятость, оценить влияние решений на различные группы пользователей, предотвратить дискриминацию. Обычно процесс аудита включает несколько этапов, например: оценка справедливости и прозрачности; анализ потенциальных негативных последствий; сопоставление с установленными стандартами; рекомендации по корректировке алгоритмов. При этом может применяться подход, называемый «человек в цикле» (Human-in-the-Loop), когда спорные или критически важные решения ИИ перепроверяются непосредственно человеком.

Разработка и внедрение этических норм и стандартов для создания ИИ также имеет критическое значение. Эти нормы могут охватывать рекомендации по управлению данными, обеспечению конфиденциальности и защите прав пользователей, а также по снижению рисков, связанных с ошибками, возникающими из-за неправильного обучения ИИ. Наиболее известными в настоящее время являются ISO/IEC 23894 (стандарт по этике ИИ) и IEEE 7000 (рекомендации по разработке этических систем). В связи с этим крайне важной представляется разработка такой системы правового регулирования ИИ, которая не только будет технически эффективной, но и гармонично впишется в конституционную систему защиты прав и свобод граждан. В совокупности это должно способствовать созданию более безопасного и справедливого цифрового пространства.

На наш взгляд, комплексная система правового регулирования ИИ с учетом управления рисками может базироваться на сочетании правовых, технических и этических инструментов и должна осно-

вываться на категориях систем ИИ, принимая во внимание степень их потенциальной опасности для общества, человека и государства. Эта система «обязана учитывать конкретные сценарии применения технологий ИИ, включать правовые меры саморегулирования, а также предусматривать механизмы соблюдения этических норм и порядок их контроля» [5, с. 8].

В этой связи оптимальной представляется упомянутая нами горизонтальная правовая модель регулирования, включающая управление рисками на основе их дифференциации, которая предполагает активное вовлечение всех заинтересованных сторон в процесс управления рисками, формирование общего понимания угроз и вызовов, с которыми сталкивается общество в условиях развития систем ИИ. В результате такого взаимодействия «возможна выработка наиболее адекватных и инновационных решений, направленных на предотвращение рисков и минимизацию их последствий» [6, с. 5]. При этом важно учитывать, что с развитием технологий и изменением условий жизни появляются новые угрозы, которые требуют постоянного мониторинга и адаптации к ним правовых норм, для чего необходимы механизмы, позволяющие оперативно реагировать на возникающие риски и вносить изменения в действующее законодательство.

Мы считаем, что для разработки конкретных регуляторных решений необходимо применять риск-ориентированный подход, который будет основываться на оценке потенциального вреда от использования ИИ с учетом вероятности его наступления, а также необходимости принятия мер по минимизации соответствующих рисков, включая утечки конфиденциальной информации и персональных данных [7, с. 5]. Горизонтальная модель правового регулирования ИИ, основанная на дифференциации рисков, предлагает нам многоуровневость и гибкость, способность обеспечить безопасность и устойчивое развитие общества в условиях неопределенности и изменчивости современного мира, в рамках которой:

- для систем с неприемлемым риском следует установить однозначный запрет на использование;
- для систем с высоким уровнем риска необходима разработка процедур постоянного управления и мониторинга;
- для систем с низким или минимальным риском, следует уделить внимание прозрачности в их использовании.

Рассматриваемая модель не только способна лучше управлять существующими рисками, но и создает возможности для адаптации законодательства к быстро меняющимся технологическим реалиям, при этом важно подчеркнуть, что по мере необходимости «могут быть введены новые категории рисков» [8, с. 17]. Следовательно, правовая модель регулирования систем ИИ по типам риска на основе их дифференциации будет неизбежно эволюционировать по мере появления и развития новых технологий и систем, поскольку каждый новый технологический продукт может нести в себе уникальные риски, которые не были учтены ранее.

На наш взгляд, использование горизонтальной модели правового регулирования, основанной на дифференциации рисков, должно «минимизировать потенциальный ущерб, защищая права, законные интересы, а также жизнь и здоровье субъектов, находящихся в правовых отношениях» [9, с. 5]. Это особенно важно, поскольку, например, системы ИИ, использующие алгоритмы машинного обучения, могут в процессе своего функционирования выявлять новые паттерны, которые способны привести к нежелательным последствиям. Также важно регулярно оценивать эффективность существующих правовых норм и механизмов, что поможет не только выявить недостатки и пробелы в законодательстве, но и улучшить взаимодействие между государством и обществом. Для этого представляется необходимым внедрение механизмов правового регулирования, позволяющих регулярно осуществлять дифференциацию рисков, с целью поддержания ее соответствия современным реалиям. В таком контексте горизонтальный риск-ориентированный подход рассматривается нами не только как инструмент правового регулирования, но и как ключевая основа для формирования современного информационного общества, в котором технологии и законодательство будут сосуществовать в гармонии [10, с. 4].

Логичным правовым последствием использования рассматриваемого нами подхода к правовому регулированию систем ИИ должна стать ответственность их владельцев за все принимаемые решения и их результаты. Такой вывод очевиден, поскольку мы исключаем возможность приобретения ИИ правосубъектность как в ближайшем, так и далеком будущем, следовательно, все действия системы ИИ

должны приравниваются к действиям его владельца. Тем не менее, можно утверждать, что правовые условия, при которых непредсказуемые и нежелательные решения систем искусственного интеллекта могут привести к юридическим последствиям для их владельцев, способны значительно уменьшить заинтересованность в их применении. Однако данная проблема является несущественной по сравнению с ущербом для общества, который может быть нанесен бесконтрольным использованием систем ИИ, затрагивающих права и свободы человека.

По нашему мнению, баланс между необходимостью адаптации правового регулирования к новациям, с одновременным предотвращением потенциальных рисков, является ключевым моментом в разработке эффективной правовой базы для систем ИИ. В этом смысле, горизонтальная риск-ориентированная модель правового регулирования систем ИИ, основанная на дифференциации рисков, предоставляет широкие возможности для правотворчества. Она позволяет создавать универсальные нормы и стандарты, которые превентивно ограничат использование тех систем ИИ, которые могут вызвать неприемлемые последствия для общества и граждан [2]. В то же время, важным аспектом данной модели является стимулирование развития систем с приемлемым уровнями риска: высоким, низким и минимальным. Системы, классифицированные как высокорисковые, в рамках данного подхода подлежат более строгому контролю и мониторингу. В то время как системы с низким и минимальным риском могут соответствовать менее жестким требованиям. При этом любые системы ИИ с неприемлемым уровнем риска должны быть запрещены.

Заключение

Таким образом, можно утверждать, что искусственный интеллект представляет собой относительно новое и уникальное явление, которое уже заняло свою нишу во многих аспектах нашей жизни. Это создает «значительную ответственность как для разработчиков, так и для пользователей этой технологии в отношении регламентации ее использования на доктринальном и законодательном уровнях» [11, с. 46].

Горизонтальная модель правового регулирования, акцентирующая внимание на дифференциации рисков, сосредоточена на человеке, так как основным критерием в ней выступает уровень потенциальной угрозы, которую искусственный интеллект представляет правам личности. Преимуществом данной системы регулирования является то, что она не привязана к конкретной сфере и в целом нацелена на защиту прав и свобод граждан, независимо от области применения технологий ИИ. В то же время, парадоксальным образом, существует и негативный аспект, связанный с тем, что установление нормативных требований для участников разработки, распространения и использования систем искусственного интеллекта может несколько замедлить развитие регулируемых отраслей. Тем не менее, это не должно стать серьезным препятствием, так как без должного контроля использование систем ИИ представляет значительную угрозу, как для отдельных граждан, так и для общества в целом.

Список литературы

1. *Turing, A.* Computing Machinery and Intelligence / A. Turing // *Mind, New Series.* – 1950. – Vol. 49. – Iss. 236. – P. 433–460.
2. *Федюнин, А.Е.* Некоторые вопросы правового регулирования систем искусственного интеллекта / А.Е. Федюнин, Н.М. Перетятыко // *Актуальные вопросы развития информационных технологий и возможности их применения в деятельности правоохранительных органов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов, Саратов, 25 апреля 2025 года.* – Саратов: Саратовский источник, 2025. – С. 210–214.
3. *Володина, Н.В.* Особенности китайского подхода к безопасности искусственного интеллекта. Стратегия развития в отношении права и стандартизации / Н.В. Володина // *Современное право.* – 2024. – № 9. – С. 157–162.
4. *Храмцовская, Н.А.* Искусственный интеллект и управление документами: основные риски / Н.А. Храмцовская // *Делопроизводство.* – 2023. – № 2. – С. 24–31.

5. *Ибрагимов, Р.С.* Этика и регулирование искусственного интеллекта / Р.С. Ибрагимов, Е.Д. Сурагина, Д.Ю. Чурилова // Закон. – 2021. – № 8. – С. 85–95.
6. *Менекер, Я.* От этики к правовому регулированию, основанному на принципе защиты прав человека / Я. Менекер // Право и цифровая экономика. – 2021. – № 2. – С. 39–44.
7. *Бегисhev, И.Р.* Международно-правовые основы регулирования искусственного интеллекта и робототехники / И.Р. Бегисhev // Международное публичное и частное право. – 2021. – № 1. – С. 37–40.
8. *Чурикова, А.Ю.* Использование информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве: возможности, риски, правовое регулирование: автореф. дис. ... докт. юрид. наук / А.Ю. Чурикова. – Саратов, 2024. – 48 с.
9. *Баракина, Е.Ю.* Регуляторные площадки в области правового регулирования применения искусственного интеллекта / Е.Ю. Баракина // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 6. – С. 77–87.
10. *Агамагомедова, С.А.* Риск-ориентированный подход при осуществлении контрольно-надзорной деятельности: теоретическое обоснование и проблемы применения / С.А. Агамагомедова // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – № 4. – С. 460–470.
11. *Иванова, Ж.Б.* Туризм и искусственный интеллект: правовое регулирование в России и Казахстане / Ж.Б. Иванова, Л.Ф. Татарина // Туризм: право и экономика. – 2024. – № 2. – С. 20–22.

References

1. *Turing, A.* Computing Machinery and Intelligence / A. Turing // Mind, New Series. – 1950. – Vol. 49. – Iss. 236. – P. 433–460.
2. *Fedyunin, A.E.* Nekotorye voprosy pravovogo regulirovaniya sistem iskusstvennogo intellekta / A.E. Fedyunin, N.M. Peretyat'ko // Aktual'nye voprosy razvitiya informacionnyh tekhnologij i vozmozhnosti ih primeneniya v deyatel'nosti pravoohranitel'nyh organov: materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii prepodavatelej, prakticheskikh sotrudnikov, studentov, magistrantov, aspirantov, Saratov, 25 aprelya 2025 goda. – Saratov: Saratovskij istochnik, 2025. – S. 210–214.
3. *Volodina, N.V.* Osobennosti kitajskogo podhoda k bezopasnosti iskusstvennogo intellekta. Strategiya razvitiya v otnoshenii prava i standartizacii / N.V. Volodina // Sovremennoe pravo. – 2024. – No 9. – S. 157–162.
4. *Hramcovskaya, N.A.* Iskusstvennyj intellekt i upravlenie dokumentami: osnovnye riski / N.A. Hramcovskaya // Deloproizvodstvo. – 2023. – No 2. – S. 24–31.
5. *Ibragimov, R.S.* Etika i regulirovanie iskusstvennogo intellekta / R.S. Ibragimov, E.D. Suragina, D.Yu. Churilova // Zakon. – 2021. – No 8. – S. 85–95.
6. *Meneker, Ya.* Ot etiki k pravovomu regulirovaniyu, osnovannomu na principe zashchity prav cheloveka / Ya. Meneker // Pravo i cifrovaya ekonomika. – 2021. – No 2. – S. 39–44.
7. *Begishev, I.R.* Mezhdunarodno-pravovye osnovy regulirovaniya iskusstvennogo intellekta i robototekhniki / I.R. Begishev // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. – 2021. – No 1. – S. 37–40.
8. *Churikova, A.Yu.* Ispol'zovanie informacionnyh tekhnologij i sistem v ugolovnom sudoproizvodstve: vozmozhnosti, riski, pravovoe regulirovanie: avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk / A.Yu. Churikova. – Saratov, 2024. – 48 s.
9. *Barakina, E.Yu.* Regulyatornye ploshchadki v oblasti pravovogo regulirovaniya primeneniya iskusstvennogo intellekta / E.Yu. Barakina // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2021. – No 6. – S. 77–87.
10. *Agamagomedova, S.A.* Risk-orientirovannyj podhod pri osushchestvlenii kontrol'no-nadzornoj deyatel'nosti: teoreticheskoe obosnovanie i problemy primeneniya / S.A. Agamagomedova // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. – 2021. – No 4. – S. 460–470.
11. *Ivanova, Zh.B.* Turizm i iskusstvennyj intellekt: pravovoe regulirovanie v Rossii i Kazahstane / Zh.B. Ivanova, L.F. Tatarina // Turizm: pravo i ekonomika. – 2024. – № 2. – S. 20–22.

Статья поступила в редакцию: 05.02.2026.

Received: 05.02.2026.

Статья принята к публикации: 19.03.2026.

Accepted: 19.03.2026.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Пантелеева Наталья Викторовна¹,

канд. юрид. наук,

e-mail: natalivik@tut.by

¹Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Промышленность является производственно-материальной основой экономической системы, она имеет высокую социальную значимость и стратегическую направленность, в связи с чем ее формирование и развитие нуждается в исчерпывающем правовом регулировании и определении ее сущности и ключевых институтов, в частности, понятия промышленности, направлений формирования промышленной политики, методологии модернизации промышленного производства. Однако механизм правового регулирования промышленности должен складываться в соответствии с конституционными положениями и принципами.

В этой связи, на основании исследования эволюции конституционных основ и принципов построения и развития сферы экономики, на примере анализа Конституций БССР и Республики Беларусь, начиная с Конституции БССР 1937 года, в статье рассматриваются отдельные направления конституционно-правового воздействия на состояние и трансформацию института промышленности во взаимосвязи с глобальными процессами, происходящими в социально-экономической сфере отношений на протяжении нескольких исторических периодов.

Обосновывается необходимость в дополнении отраслевого законодательства, регулирующего общественные отношения в сфере промышленности.

Ключевые слова: конституционно-правовое регулирование, конституционные основы, конституционные принципы, промышленность, промышленная политика, хозяйствующие субъекты, собственность

A RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE LEGAL REGULATION OF INDUSTRY IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Pantsialejeva N.V.¹,

Candidate of Legal Sciences,

e-mail: natalivik@tut.by

¹Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Industry is the production and material basis of the economic system, it has a high social significance and strategic orientation, and therefore, its forming and development requires comprehensive legal regulation and definition of its essence and key institutions, in particular, the concept of industry, the directions of industrial policy formation, and the methodology of industrial production modernization. However, the mechanism of legal regulation of industry should be developed in accordance with constitutional provisions and principles.

In this regard, based on the study of the evolution of the constitutional foundations and principles of building and developing the economy, using the example of the analysis of the Constitutions of the BSSR and the Republic of Belarus, starting with the Constitution of the BSSR in 1937, the article examines certain areas of constitutional and legal impact on the state and transformation of the institute of industry in relation to global processes taking place in the socio-economic sphere of relations over several historical periods.

The necessity of supplementing the sectoral legislation regulating public relations in the field of industry is substantiated.

Keywords: constitutional and legal regulation, constitutional foundations, constitutional principles, industry, industrial policy, economic entities, property

Введение

В условиях глобальной трансформации социально-экономических отношений в Республике Беларусь (РБ), адаптации ее правовой системы к стратегическим направлениям государственной политики ключевое значение имеют конституционные основы и принципы построения и развития конституционной модели экономики и, в частности, промышленности.

В Конституции Республики Беларусь (далее – Конституции 1994 года) не отражены положения, регулирующие промышленность как отдельную категорию экономики, но социально-экономическим положениям, которые в полной мере применимы к отношениям в области промышленности, посвящен ряд статей. Кроме того, конституционно-правовое регулирование промышленности отражено в научных трудах целого ряда ученых, например, Н.Л. Бондаренко, Ю.А. Каноневича, В.С. Каменкова, О.М. Куницкой, Г.А. Василевича, Е.Н. Гладкой, А.И. Курак и др.

Отдельные аспекты конституционной природы законодательства в сфере экономики представлены в работах С.А. Калинина, И.И. Пляхимовича, А.А. Трипузовой, В.А. Кукштель и др.

Следует отметить, что институт промышленности является объектом исследований преимущественно в экономической сфере. В области права научных трудов о рассматриваемых правоотношениях сравнительно мало, а работы по промышленному праву практически отсутствуют. Исследователями, осветившими отдельные аспекты правового регулирования промышленности в Республике Беларусь, а также сформировавшими концепцию промышленного права, являются Н.Л. Бондаренко, Ю.А. Конаневич. Вместе с тем, промышленность играет существенную роль в обеспечении устойчивого развития Республики Беларусь, промышленное производство формирует более четверти валового внутреннего продукта Беларуси (в 2023 году – 27,5 %; в 2024 году – 25 %). Даже при условии снижения этого показателя (по данным сайта Национального статистического комитета Республики Беларусь за 2025 год объем промышленного производства достиг 208,0469 млрд рублей, сократившись на 1,8% по сравнению с 2024 годом в сопоставимых ценах) доля промышленного производства относительно валового внутреннего продукта остается значительной.

Промышленность, понятие которой Н.Л. Бондаренко и Ю.Г. Конаневич определяют как совокупность общественных отношений, складывающихся по поводу производства товаров, а также институциональную среду такого производства, является материально-производственной основой экономики [1, с. 27]. В узком смысле промышленность можно отнести к хозяйству, в рамках которого осуществляется хозяйственная и в том числе производственная деятельность с использованием имущества и ресурсов, полученных на законном основании.

Таким образом, промышленность как институциональное явление можно рассматривать с разных позиций. Однако в основе понятия промышленности находятся общественные отношения как объект правового регулирования, направленного на формирование промышленной политики.

Так, Конституция Республики Беларусь 1994 года закрепила цель, задачи, принципы построения и развития экономической системы РБ, в рамках которой должны формироваться основные аспекты промышленности, стратегия промышленной политики, статус и функционал участников ее реализации на всех уровнях управления¹. Однако, комплексного правового источника, исчерпывающим образом регулирующего понятие промышленности, промышленных отношений, промышленной политики и иных институтов в рассматриваемой сфере, законодательством не предусмотрено.

В этой связи, целью данного исследования является анализ отдельных аспектов конституционно-правового регулирования экономики Республики Беларусь и их воздействие на развитие промышленности, определение конституционной природы законодательства в области промышленности, выработка выводов и рекомендаций по развитию правового регулирования рассматриваемых отношений.

¹ Конституция Республики Беларусь (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 года, 17 октября 2004 года и 27 февраля 2022 года). – URL: <https://pravo.by>. – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь (дата обращения: 14.03.2025).

Основная часть

Конституционно-правовое регулирование промышленности нашло свое закрепление еще в советское время в конституциях Белорусской Советской Социалистической республики (БССР). В частности, Конституция БССР 1937 года предусматривала социалистическую собственность на орудия и средства производства и полностью отвергала частную собственность (статья 4).

Статья 19 Конституции БССР 1937 года содержала элементы государственной промышленной политики, определив, что управление промышленными, сельскохозяйственными и торговыми предприятиями и организациями республиканского подчинения, а также руководство местной промышленностью относится к ведению Белорусской Советской Социалистической Республики в лице ее высших органов власти и органов государственного управления². Затем конституционно-правовое регулирование рассматриваемых отношений значительно расширилось с принятием Конституции БССР 1978 года, которая, в отличие от предыдущих и нынешней конституций, содержала отдельную главу «Экономическая система», достаточно детально отражающую отдельные аспекты регулирования промышленности. Так, Конституция БССР 1978 года внесла коррективы, согласно которым существенная роль в управлении и организации промышленного производства отводилась трудовым коллективам. В частности, трудовые коллективы наделялись правом участвовать в планировании производства и общественного развития, в обсуждении и решении вопросов управления предприятиями и учреждениями, использования средств, предназначенных для развития производства.

Более того, нашло свою позицию на уровне конституционных принципов регулирование организации промышленного производства в режиме социалистического соревнования, которое должно было способствовать распространению передовых методов труда, укреплению трудовой дисциплины, высокой производительности труда (статья 8). Целью такого подхода в промышленности выступало стремление к выполнению и перевыполнению плановых показателей, так как на конституционном уровне (статья 16) было закреплено плановое управление экономикой, а соответственно, и производством в промышленности, которое осуществлялось на основе государственных планов с учетом отраслевого и территориального принципов, сочетающих централизованное управление с хозяйственной самостоятельностью и инициативой предприятий, объединений и других организаций³.

Таким образом, для конституций советского периода было характерно довольно детальное изложение конституционных положений об экономической системе и, в частности, о промышленности и средствах производства. Следует согласиться с И.И. Пляхимовичем в том, что «... в характере регулирования именно экономики советские идеологи и ученые видели сущность конституции» [2].

Конституционными основами государственной политики в сфере экономики того времени являлась монополия на средства производства, сочетание государственного управления промышленными предприятиями с их инициативой и хозяйственной самостоятельностью. В связи с этим направление развития промышленности определялось централизованно, но стратегия организации производства в рамках определенного направления делегировалась предприятию.

Большая роль в объемах производства отводилась конкурентной основе труда рабочих в формате социалистического соревнования, направленного на выполнение и перевыполнение плановых показателей, как и форсирование сроков их достижения. Актуальность планирования и прогнозирования в промышленности, а именно последовательность выполнения задач, а также алгоритм действий в построении деятельности в промышленности и производстве в частности, очевидна, однако не нуждается, на наш взгляд, в закреплении на уровне Основного закона. Подробную регламентацию данных положений целесообразно осуществить в рамках отдельного нормативного правового акта. К примеру, на данный момент правовую основу деятельности по формированию и определению целей, приоритетов, задач, показателей и параметров социально-экономического развития Республики Беларусь предусматривает Закон РБ «О государственном прогнозировании и государственном планировании»

² Конституция 1937 года. – URL: <https://pravo.by> – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь (дата обращения: 14.11.2025).

³ Конституция 1978 года (с изменениями и дополнениями). – URL: <https://pravo.by>. – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь (дата обращения: 14.11.2025).

от 5 мая 1998 г. № 157-3, однако он не содержит положений о промышленности как таковой. В свою очередь, планирование и прогнозирование именно в промышленности можно проследить в распорядительных актах, в частности, в приказах Министерства промышленности РБ, концепции Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь, решениях Евразийского межправительственного совета, либо локальных технических нормативных правовых актах. Наряду с этим, планирование и прогнозирование в промышленности лежат в основе промышленной политики, и поэтому должны быть системно отражены в едином нормативном правовом акте.

Существенным фактором в построении и развитии промышленности советского периода являлись конституционные положения, определявшие принадлежность материальных благ, в частности, средств производства. Статья 10 Конституции БССР 1978 года указывала, что основу экономического строя Белорусской ССР составляет социалистическая собственность на средства производства в государственной (общенародной), колхозной и кооперативной формах. По этому поводу И.И. Пляхимович отмечает, что специфика конституционной регламентации экономических отношений выражается главным образом в определении форм собственности, признаваемых государством. Следует согласиться с его позицией в том, что «именно Конституция призвана закрепить положения о том, кто вправе обладать материальными благами» [2]. При этом от подходов конституционной регламентации в данном аспекте напрямую зависит политическое и социально-экономическое развитие государства и, в частности, промышленности, так как собственность, как материальная основа промышленности, на различных этапах развития форм материального производства выражает соответствующие им отношения принадлежности материальных благ и, главным образом, средств производства. Конституционные основы советского периода отвергали институт частной собственности как таковой в силу официальной идеологии, что исключало частное производство и предпринимательство как тип хозяйственной деятельности и институциональное явление. Закрепление в Конституции РБ 1994 конституционного положения о праве частной собственности трансформировало отношения собственности на средства производства в промышленности, в результате чего сформировалась многоукладная экономика, отринутая в переходный период от капитализма к социализму. Как утверждает по этому поводу И.И. Пляхимович, включение собственности юридических лиц в понятие частной собственности оправдано наличием частного интереса, который присущ не только индивидам, но и юридическим лицам [2].

Однако, по мнению А.И. Ванькевич, «Частная собственность на средства производства не получила в настоящее время широкого распространения в промышленности Республики Беларусь. Ее объектами являются, как правило, мелкие предприятия в сфере обращения и производства» [3, с. 112]. На его взгляд, социально-экономическое значение государственной собственности гораздо выше, так как оно обусловлено более высоким уровнем обобществления средств производства, ее объектами являются решающие средства производства в масштабе всей страны (земля, промышленные предприятия, совхозы, предприятия связи, транспорта, общеобразовательные школы, вузы, учреждения здравоохранения, культуры и т.д.), а также тем, что социально-экономическая природа всех других форм собственности формируется под влиянием государственной собственности [3, с. 111]. Вместе с тем, статья 13 Конституция 1994 года, закрепив частную форму собственности, заложила основы построения и развития новой экономической системы суверенного государства, новые принципы взаимоотношений между обществом и государством, а также вектор для масштабного конституционализма отраслевого законодательства, в том числе в области промышленности.

Экономическое выражение собственности как совокупности благ остается неизменной независимо от исторических этапов ее трансформации, тогда как правомочия в отношении таких благ и определение их принадлежности, в том числе как ресурса для производства, определяются правовым регулированием, основанном на конституционных принципах. В этой связи определяющая роль государственной собственности на средства производства в промышленности, благодаря положениям статьи 13 Конституции 1994 года, не исключает следующее:

- 1) потенциальный рост частного производства;
- 2) принадлежность средств производства хозяйствующим субъектам, основанном на праве частной собственности и, в том числе, развитие малого и среднего предпринимательства, которое также

задействовано в развитии промышленности. Например, участие субъектов малого и среднего предпринимательства в производственных процессах по импортозамещению и др.

Так, Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 29 января 2021 года № 56 «О Государственной программе “Малое и среднее предпринимательство” на 2021–2025 годы», отражает повышение в диапазоне 2016–2019 гг. доли валовой добавленной стоимости субъектов малого и среднего предпринимательства в общем объеме валовой добавленной стоимости на 3 %; объема промышленного производства – на 2,7 %, инвестиций в основной капитал – на 2,3 %.

В соответствии с данными Национального статистического комитета Республики Беларусь за 2023 год объем промышленного производства субъектов малого и среднего предпринимательства составил 37 964 млн рублей; а удельный вес субъектов малого и среднего предпринимательства в республиканском показателе за 2023 год составил 20,2 % +0,4 п.п. по отношению к показателям 2022 года. В 2024 году крупные организации составили 3,7 % с объемом промышленного производства 78,5 %, средние – 3,4 % с объемом в 9,1 %, малые и микроорганизации составили 92,9 % с объемом промышленного производства в 12,4 %.

Распределение объема промышленного производства субъектов МСП по областям промышленности следующая: обрабатывающая промышленность – 97 %; водоснабжение; сбор, обработка и удаление отходов, деятельность по ликвидации загрязнений – 2,1 %; снабжение электроэнергией, газом, паром, горячей водой и кондиционированным воздухом – 0,7 %; горнодобывающая промышленность – 0,2 %⁴. Таким образом, не смотря на незначительность отдельных показателей, субъекты среднего и малого предпринимательства занимают свое место по производительности в промышленности с потенциалом дальнейшего роста.

О приоритетах в соотношении государственной и частной собственности упоминал С.А. Калинин, по мнению которого, собственность не должна быть безусловным правомочием, но объекты критической инфраструктуры должны находиться в собственности государства либо к ним должен быть обеспечен доступ и возможность управления данными объектами в национальных, общественных, иных публичных интересах в целях их бесперебойного функционирования и обеспечения доступа к предоставляемым ими услугам на социально-обоснованных и справедливых условиях [4]. Данная позиция представляется целесообразной в контексте концепции обеспечения национальной экономической безопасности и, в том числе, промышленной безопасности; в стремлении к созданию максимально благоприятных условий для наиболее эффективного и продуктивного развития тех сфер общественных отношений, которые имеют стратегическое значение. К примеру, согласно Закону Республики Беларусь «О естественных монополиях» от 16 декабря 2002 г., № 162-3 естественные монополии – это такое состояние рынка услуг, при котором создание конкурентных условий для удовлетворения спроса на определенный вид услуг невозможно или экономически нецелесообразно. Отсюда, в рассматриваемых сферах приоритет отдается одному собственнику в силу технологических особенностей производства и предоставления данного вида услуг.

Говоря о роли частной собственности, А.И. Курак указывает, что ее понятие настолько широко, что позволяет охватить промышленные, финансовые, торговые и иные предприятия, преследующие цель извлечения прибыли [5]. Как справедливо отмечает известный белорусский ученый Г.А. Василевич: «Только в соревновании (конкуренции) субъектов хозяйствования, принадлежащих к различным формам собственности, можно создать эффективную экономику» [6, с. 80].

Представляется в этой связи, что ключевым аспектом в распределении права собственности на средства производства в соответствии с положениями и принципами, закрепленными статьей 13 Конституции РБ, является равенство всех форм собственности [7, с. 276]. Ограничения в масштабах производства, исходя из формы собственности, противоречат конституционным принципам, за исключением использования объектов, на которые распространяется специальный правовой режим, например, относительно объектов, находящихся в исключительной собственности государства, а также ограниченных и изъятых из гражданского оборота и др. Как обращает внимание Н.Л. Бондаренко, «... ограничения вытекают из права собственности, а обременения – из факта обладания конкретным имуществом. ...

⁴ Сайт Национального статистического комитета. – URL: <https://www.belstat.gov.by> (дата обращения: 14.11.2025).

Что касается ограничений права собственности, закрепленных в Конституции Республики Беларусь, то их следует рассматривать в качестве общих пределов осуществления права собственности» [8].

Заключение

Ретроспективный анализ правового регулирования промышленности в Республике Беларусь выявил, что Конституция Республики Беларусь 1994 года содержит конституционные начала правовых основ развития промышленности и взаимосвязанного с ним института предпринимательства как категории, входящей в состав экономики, но не предусматривает конституционного закрепления промышленности как отдельного объекта правового воздействия в отличие от конституций советского периода и, соответственно, не включает в контекст положений термин «промышленность». Исходя из этого, к конституционно-правовому регулированию промышленности применимы положения, изложенные в статье 13 Конституции РБ 1994 года. С учетом этого, Конституция Республики Беларусь является основным источником промышленного права и основополагающим источником промышленного законодательства.

Однако на данном этапе развития социально-экономических отношений не все конституционные положения находят свое отражение в отраслевом правовом регулировании промышленности, которое также в процессе перманентного развития в силу недостаточной полноты и нуждается в устранении пробельности. Так, существует ряд институтов, которые не получили должного правового регулирования и требуют детальной регламентации в формате отдельного нормативного правового акта, в частности:

- правовое закрепление понятия, роли и места промышленности для социально-экономического развития Республики Беларусь;
- правовое определение понятия, цели, задач, принципов и стратегии промышленной политики, а также иных ее элементов;
- отдельный правовой подход к планированию и прогнозированию в промышленности;
- конкретизация правового статуса и классификации субъектов промышленности и промышленной деятельности, в том числе, правового статуса промышленных предприятий и др.

Наличие большого массива модельных законов и международных соглашений, к примеру, положений о промышленной политике и промышленных субсидиях, с одной стороны, заполняет существующие пробелы в национальном законодательстве, но с другой, для исчерпывающего регулирования промышленности как на глобальном уровне, так и в отдельных аспектах, необходим полный спектр национальных нормативных правовых актов, ориентированных на потребности промышленности Республики Беларусь.

Общественные отношения в области промышленности в силу их стратегической значимости для развития экономики нуждаются в концептуальном и системном подходе, сформировать который возможно в рамках отдельной отрасли – промышленном праве, которое входит в цикл специальных отраслей хозяйственного права, осуществляющего нормативно-правовое регулирование экономики.

Список литературы

1. *Бондаренко Н.Л., Конаневич Ю.Г.* Принципы равенства и баланса интересов как основные начала законодательства, регулирующего осуществление хозяйственной деятельности // Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. ст. Вып. 5 / ГрГУ имени Я. Купалы; гл. ред. И.Э. Мартыненко. – Гродно: ГрГУ, 2020. – С. 27–34.
2. *Пляхимович И.И.* Экономические основы конституционного строя Беларуси // Право и демократия: сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т; гл. ред. В.Н. Бибило. – Минск, 2010. – Вып. 21. – С. 3–18.
3. *Ванькевич А.И.* Отношения собственности в промышленности Республики Беларусь. – Минск: БНТУ, 2004. – С. 112
4. *Калинин С.А.* Конституционная реформа в Республике Беларусь: вызовы, проблемы и перспективы. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=u02102408> (дата обращения: 15.04.2026).
5. *Курак А.И.* Конституционные принципы как основа развития социально ориентированной рыночной экономики Республики Беларусь. – URL: <https://etalonline.by> (дата обращения: 14.04.2026).

6. *Василевич Г.А.* Конституция Республики Беларусь (научно-практический комментарий). – 2-е изд. – Минск: Право и экономика, 2001. – 486 с.
7. *Пантелеева Н.В.* Конституционно-правовая природа законодательства в области промышленности Республики Беларусь // Развитие белорусской юридической науки в контексте современных идей конституционализма: сб. науч. ст. науч.-практ. конф., Минск, 13 марта 2025 г. / отв. ред. А.В. Шидловский. – Минск: ИВЦ Минфина, 2025. – С. 276–282.
8. *Бондаренко Н.Л.* Содержание права собственности как сбалансированное единство прав и обязанностей. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=u01902854b&q_id=5610192 (дата обращения: 15.04.2026).

References

1. *Bondarenko N.L., Konanevich Yu.G.* Principles of equality and balance of interests as the main principles of legislation regulating economic activity // Problems of civil law and process: collection of scientific articles Issue 5 / Kupala State State University; ed. I.E. Martynenko. – Grodno: GrSU, 2020. – Pp. 27–34.
2. *Plyakhimovich I.I.* Economic foundations of the constitutional system of Belarus // Law and Democracy: collection of scientific tr. / Belarusian State University; ed. V.N. Bibilo. – Minsk, 2010. – Is. 21. – Pp. 3–18.
3. *Vankevich A.I.* Property relations in the industry of the Republic of Belarus. – Minsk: BNTU, 2004. – P. 112.
4. *Kalinin S.A.* Constitutional reform in the Republic of Belarus: challenges, problems and prospects. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=u02102408> (date of reference: 15.02.2026).
5. *Kurak A.I.* Constitutional principles as the basis for the development of a socially oriented market economy of the Republic of Belarus. – URL: <https://etalonline.by> (date of access: 14.02.2026).
6. *Vasilevich G.A.* Constitution of the Republic of Belarus (scientific and practical commentary). – 2nd ed. – Minsk: Law and Economics, 2001. – 486 p.
7. *Panteleeva N.V.* Constitutional and legal nature of legislation in the field of industry of the Republic of Belarus // Development of Belarusian jurisprudence in the context of modern ideas of constitutionalism: collection of scientific articles of scientific and practical conference (Minsk, March 13, 2025) / ed. A.V. Shidlovsky. – Minsk: Ministry of Finance Information Center, 2025. – Pp. 276–282.
8. *Bondarenko N.L.* Content of property rights as a balanced unity of rights and obligations. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=u01902854b&q_id=5610192 (access date: 15.04.2026).

Статья поступила в редакцию: 24.11.2025.

Received: 24.11.2025.

Статья принята к публикации: 28.02.2026.

Accepted: 28.02.2026.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ В АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ

Одегова Людмила Юрьевна¹,
канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: milaodegova17@mail.ru,

Григорьева Наталья Виталиевна¹,
e-mail: n.v.grigoreva01@mail.ru

¹Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет», г. Донецк, Россия

Настоящая статья посвящена анализу злоупотребления правом в контексте алиментных отношений. Несмотря на то, что правовые нормы, регулирующие алиментные обязательства, направлены на защиту интересов наиболее незащищенных слоев общества – несовершеннолетних детей и нетрудоспособных лиц, нуждающихся в помощи, существуют случаи, когда участники алиментных правоотношений используют эти нормы в личных, эгоистичных интересах. Подобные злоупотребления представляют собой серьезную проблему, негативно сказывающуюся на интересах всех сторон, вовлеченных в алиментные отношения, и прежде всего на благополучии ребенка. В целях установления причин, обуславливающих злоупотребление правом в сфере алиментных обязательств, был проведен анализ наиболее распространенных видов правонарушений, возникающих в данной области, которые подтверждены случаями из судебной практики. Был сформулирован ряд рекомендаций по улучшению механизмов противодействия злоупотреблению правом в сфере алиментных отношений. В частности, предлагается усилить контроль за целевым использованием алиментных выплат путем внедрения обязательной отчетности родителя, получающего алименты на ребенка, о расходовании полученных средств. Также необходимо расширить деятельность по воспитанию у граждан социальной ответственности и уважения к закону.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: злоупотребление правом, семейное право, алименты, алиментное обязательство, плательщик алиментов, получатель алиментов, СК РФ

ABUSE OF THE RIGHT IN ALIMONY OBLIGATIONS

Odegova L.Yu.¹,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: milaodegova17@mail.ru,

Grigoreva N.V.¹,
e-mail: n.v.grigoreva01@mail.ru
¹Donetsk State University, Donetsk, Russia

This article is devoted to the analysis of abuse of law in the context of alimony relations. Despite the fact that the legal norms governing alimony obligations are aimed at protecting the interests of the most vulnerable segments of society – minor children and disabled people in need of assistance, there are cases when participants in alimony legal relations use these norms for personal, selfish interests. Such abuse is a serious problem that negatively affects the interests of all parties involved in the alimony relationship, and above all, the well-being of the child. In order to identify the causes of abuse of the right in the field of alimony obligations, an analysis of the most common types of offenses arising in this area was carried out, which are confirmed by cases from judicial practice. A number of recommendations were formulated to improve the mechanisms for countering abuse of rights in the field of alimony relations. In particular, it is proposed to strengthen control over the tar-

geted use of alimony payments by introducing mandatory reporting of the parent receiving child support on the expenditure of the funds received. It is also necessary to expand activities aimed at educating citizens of social responsibility and respect for the law.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: abuse of law, family law, alimony, alimony obligation, alimony payer, alimony recipient, ICRF

Алиментные обязательства представляют собой значимую область семейного права, регламентирующую вопросы финансового содержания и поддержки нуждающихся членов семьи. Однако с увеличением сложности и разнообразия правовых норм, регулирующих алиментные отношения, возникает риск искажения сути права и злоупотребления им.

Злоупотребление правом в этой сфере подразумевает, что одна из сторон, применяя свои законные права, стремится к достижению цели, которая противоречит общественным интересам, принципам добросовестности и справедливости. Иными словами, действия предпринимаются не с целью защиты собственных интересов, а с намерением причинить вред другой стороне [1, с. 320]. Подобные деяния недопустимы, в особенности, когда они оказывают негативное воздействие на благополучие ребенка. Учитывая современные экономические и социально-политические условия, вопросы предупреждения и предотвращения злоупотребления правом становятся все более актуальными для государства и общества в целом. В этой связи важно проводить всестороннее исследование подобных правонарушений с целью определения первопричин и обстоятельств, порождающих эти злоупотребления, для усовершенствования методов их упреждения и пресечения.

В российской научной литературе изучению этого явления уделяли внимание такие авторы как А.А. Вострикова, Д.А. Матанцев, А.Ф. Пьянкова, Е.П. Титаренко, М.В. Ульянова, Е.А. Усачева. В своих работах эти ученые анализируют различные аспекты недобросовестного использования прав в алиментных обязательствах, в том числе его виды, последствия и причины, обуславливающие злоупотребление правом в сфере алиментных обязательств. Несмотря на растущее число научных трудов, посвященных злоупотреблению правом, данный вопрос все еще остается спорным и недостаточно изученным. В этой связи представляется важным дальнейшее исследование указанной темы с целью выработки конкретных рекомендаций по улучшению механизмов противодействия злоупотреблению правом в сфере алиментных отношений.

Причины злоупотребления правом в контексте алиментных обязательств зависят от положения сторон, участвующих в правовых отношениях. Так среди типичных видов злоупотребления правом со стороны плательщика алиментов, несмотря на принимаемые государством меры, распространенными становятся манипуляции с официальными доходами для уменьшения размера алиментных выплат [2, с. 257]. Например, предприниматель, управляющий своим бизнесом и обязанный выплачивать алименты, может воспользоваться правом собственника и установить себе низкую заработную плату, чтобы избежать начисления алиментов в процентном отношении, которое целесообразно только при наличии высокого официального дохода. Подобные действия свидетельствуют о нежелании родителя обеспечить надлежащую материальную поддержку своему ребенку, переложив тем самым бремя его содержания на другого родителя или государство, что указывает на пренебрежение к родительской обязанности по содержанию ребенка. Зачастую подобное поведение обусловлено личными причинами: сложными отношениями с бывшей супругой, отсутствием любви к ребенку или простой скупостью.

Что же касается родителей получающих алименты на ребенка (далее – получатели алиментов), то в судебной практике случаи признания действий указанных лиц злоупотреблением правом встречаются крайне редко. Это связано с тем, что суд изначально наделяет лицо, которому выплачиваются алименты, презумпцией добросовестности и нуждаемости в защите, т.е. законодатель исходит из того, что пока не доказано обратное, действия матери ребенка не признаются недобросовестными [3, с. 113]. Однако получатели алиментов могут выходить за рамки разумного использования предоставленных им прав, например, искусственно завышать расходы на ребенка, чтобы увеличить размер алиментов.

Иным способом злоупотребления правом в алиментных обязательствах со стороны получателя алиментов является использование выплат на содержание не по назначению: получатель тратит их не

на нужды ребенка, а на собственные потребности [4]. К сожалению, в таких ситуациях, алименты рассматриваются как источник личного обогащения. Это связано с отсутствием эффективных способов контролирующей расходы алиментных выплат. Такой вид злоупотребления вызывает у многих плательщиков нежелание выплачивать алименты, поскольку они опасаются, что эти средства не будут использованы на благо ребенка. Многие отцы рассматривают алименты как «бизнес бывших жен», то есть способ, позволяющий бывшим супругам получать доход, не контролируемый государством [5, с. 107]. В этой связи необходимо наладить механизм контроля расходования алиментных выплат посредством предоставления соответствующих отчетов.

В настоящее время законодательство не предоставляет плательщику алиментов право требовать отчет о целевом использовании выплаченных средств, если это не было оговорено в договоре. В российской правовой системе существует единственный способ предотвращения нецелевого расходования алиментных средств родителем, получающим выплаты на детей: применение положения п. 2 ст. 60 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ)¹. Согласно этой норме, предусмотрено открытие специального счета, на который будет перечисляться до 50 % алиментов. Верховный Суд Российской Федерации уточнил условия применения данной правовой нормы. Для ее использования необходимо предоставить доказательства того, что родитель, получающий алиментные выплаты, ненадлежащим образом исполняет свою обязанность по расходованию этих средств на ребенка². Важно отметить, что на практике доказать нецелевое использование алиментов в большинстве случаев достаточно трудно. Примером может быть дело № 33-19363/2025 рассматривавшееся апелляционной инстанцией Московского городского суда 25 апреля 2025 г. В суд Егоровым А.Е. была подана жалоба на решение Перовского районного суда (дело № 13-1601/24) отказавшего в удовлетворении заявления об изменении способа и порядка выплаты алиментов. Егоров А.Е. в 2024 г. подал иск в Перовский районный суд с просьбой изменить порядок выплаты алиментов, назначенных Перовским районным судом 29 июня 2022 г. Он предложил выплачивать половину алиментов на счет своего несовершеннолетнего сына, а остальные 50 % – Пшеничных И.В., аргументировав свою просьбу интересами сына, указывая, что текущие алименты превышают потребности ребенка и используются нецелевым образом. Суд, изучив материалы дела и выслушав стороны, не нашел достаточных доказательств нецелевого использования алиментов со стороны Пшеничных И.В. указав, что снятие наличных и приобретение различных товаров и услуг само по себе не является доказательством нецелевого использования алиментов. В итоге, определение Перовского районного суда оставили без изменения, а жалобу Егорова А.Е. – без удовлетворения³.

При разработке механизма отчетности полученных алиментных средств следует обратить внимание на опыт зарубежных стран, хотя как подчеркивают исследователи, в большинстве стран такой механизм отсутствует. Тем не менее, его можно обнаружить в законодательстве некоторых штатов США, таких как Вашингтон и Оклахома. В нормативных актах этих штатов определено, что в судебных решениях по делам об алиментах указывается возможность плательщика требовать от получателя отчет о расходовании полученных средств [6, с. 246]. Подобную правовую норму можно было бы ввести в отечественное законодательство, что поможет снизить стремление получателя алиментов к незаконному обогащению за счет алиментных выплат и повысит мотивацию плательщика к их своевременному выполнению.

Согласно действующему законодательству, алименты должны удерживаться с периода, указанного в исполнительном документе, даже если исполнительный лист был получен с задержкой (ст. 107 СК РФ)⁴. Этим пользуются недобросовестные получатели алиментов, намеренно затягивая сроки представления исполнительного листа к исполнению с целью накопления задолженности для после-

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/law/sk-rf/> (дата обращения: 11.10.2025).

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов». – URL: <https://vsrf.ru/documents/own/26297/> (дата обращения: 18.10.2025).

³ Апелляционное определение Московского городского суда от 25.04.2025 № 33-19363/2025 по делу № 13-1601/2024 (УИД 77RS0020-02-2022-007072-97) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1830590#Ewm7hyU698TmnNeo1> (дата обращения: 10.10.2025).

⁴ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/law/sk-rf/> (дата обращения: 11.10.2025).

дующей реализации права на получение неустойки (ст. 115 СК РФ)⁵ [7, с. 30]. При этом, формально не нарушая нормы законодательства, подобные действия приводят к причинению материального ущерба плательщику алиментов. Хотя ст. 114 СК РФ⁶ и предусматривает возможность освобождения лица, обязанного уплачивать алименты, от уплаты неустойки за задержку в выплатах, если будут установлены уважительные причины этой просрочки, доказать, что получатель алиментов сознательно затягивал сроки подачи исполнительного листа, будет практически невозможно.

В последнее время участились случаи, когда получатели алиментов, после исполнения и прекращения действия нотариального соглашения об уплате алиментов, обращаются в службу судебных приставов с исполнительным документом для взыскания «долга» за последние три года, умалчивая при этом о существовавшем соглашении⁷. Это является серьезным злоупотреблением правом. Для решения данной проблемы можно предложить создать реестр соглашений об уплате алиментов, в котором фиксировались бы все указанные соглашения, заверенные нотариально, и к которому имели бы доступ судебные исполнители. Чтобы сократить количество случаев предоставления ложной информации о выплатах по алиментному соглашению, необходимо обязать получателя алиментов своевременно предоставлять документы, подтверждающие исполнение данного соглашения, для внесения соответствующих записей в реестр. В случае неисполнения этой обязанности к получателю алиментов должны быть применены меры принудительного характера.

Кроме того, весьма распространенным явлением стало заключение фиктивных алиментных соглашений об уплате алиментов, которые предполагают выплаты на содержание в размере 50–90% дохода в отношении детей, с которыми плательщики алиментов фактически живут и которых обеспечивают. Основной целью подобных сговоров между плательщиком и получателем алиментов является уклонение от исполнения других финансовых обязательств, таких как погашение кредитов или уменьшение суммы ранее назначенных алиментов на других лиц [8, с. 923].

Примером из судебной практики может служить дело № 2-143/2020, рассматривавшееся Борзинским городским судом Забайкальского края в 2020 г. В рамках данного дела Открытое акционерное общество «Сбербанк России» предъявило иск к гражданам ФИО1 и ФИО2 с требованием признать недействительным нотариально удостоверенное 17 марта 2018 г. соглашение об уплате алиментов на содержание детей. Соглашением предусматривалась выплата гражданином ФИО1 алиментов в размере 70% от его заработка и иных доходов в пользу его детей. Представитель истца аргументировал свою позицию тем, что гражданин ФИО1, заключая данное соглашение, допустил злоупотребление правом с целью избежать ответственности. По его мнению, поскольку граждане ФИО1 и ФИО2 проживают совместно и ведут совместное хозяйство, то удерживаемые из дохода ФИО1 и перечисляемые на счет его супруги алименты фактически находятся в совместном пользовании супругов. При этом оспариваемое соглашение было заключено после образования задолженности перед банком, что свидетельствует о намерении сторон уклониться от исполнения обязательств перед кредитором. В результате рассмотрения дела суд признал недействительным соглашение об уплате алиментов на содержание детей от 17 марта 2018 г., заключенное между гражданами ФИО1 и ФИО2⁸.

Если законным основанием для взыскания алиментов является обеспечение средствами к существованию несовершеннолетних детей и нетрудоспособных членов семьи, то из вышеперечисленных действий становится понятно, что злоупотребление правом происходит из эгоистичных интересов получателя алиментов, стремящегося к обогащению. При этом игнорируется тот факт, что злоупотребление правом со стороны получателя алиментов влечет за собой негативные последствия, вплоть до лишения права на получение алиментов и возмещения незаконно полученных денежных средств

⁵ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/law/sk-rf/> (дата обращения: 11.10.2025).

⁶ Там же.

⁷ Могилевская Е. Соглашение об алиментах после решения суда – отменит судебное решение или нет? // Юрист. – 2019. – URL: <https://virtual-jurist.ru/note-192.html> (дата обращения: 18.10.2025)

⁸ Решение Борзинского городского суда Забайкальского края от 10 февраля 2020 г. по делу № 2-143/2020 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NNWr83SqdGHa/> (дата обращения: 23.10.2025).

(ст. 116 СК РФ)⁹. Авторы считают, что такое поведение вызвано дефицитом этических норм и моральных ориентиров у этих людей. Обычно человек, который не следует общепринятым нормам и правилам, будет безразличен к последствиям своих действий и готов ставить свои интересы превыше всего, даже если это ущемляет права других. В этой связи важно усилить просветительскую деятельность по воспитанию нравственно-правовой культуры, что поможет формировать у граждан этические принципы и уважение к правам человека.

Резюмируя сказанное, следует отметить, что между правомерным поведением и злоупотреблением правом в алиментных обязательствах проходит тонкая грань. Часто встречающиеся на практике ситуации представляют собой необычные случаи, требующие тщательного анализа, поэтому судебные разбирательства по данному вопросу должны осуществляться с особым вниманием со стороны судебной системы для достижения справедливого и беспристрастного решения. Кроме того, злоупотребление правом подрывает саму суть алиментных обязательств, направленных на обеспечение достойного существования ребенка. Это приводит к нарушению прав, как ребенка, так и добросовестной стороны, вызывая социальную напряженность и недоверие к институту семьи. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что правовые механизмы противодействия злоупотреблениям правом в алиментных обязательствах в отечественном законодательстве остаются недостаточными. В связи с этим авторы полагают, что интеграция предложенных в данной работе рекомендаций в законодательство Российской Федерации позволит усилить меры по борьбе со злоупотреблениями правом в данной сфере.

Список литературы

1. Тойбу-Хаа А.М. Злоупотребление правом как нарушение пределов осуществления субъективных гражданских прав // Вестник науки. – 2025. – Т. 2, № 11 (92). – С. 318–331.
2. Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Почему российские отцы не платят алименты? Дискурсы разведенных отцов о матерях, алиментных обязательствах и семейной политике // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2025. – № 1. – С. 240–261.
3. Шелепина Е.А. Принцип добросовестности в гражданском праве: особенности применения в суде и правовые последствия // Образование и право. – 2019. – № 11. – С. 112–116.
4. Кабобель А.В. Проблемы нецелевого расходования алиментов // Интернет-конференция «Актуальные проблемы российского частного права». – 2020. – URL: <https://conf.siblu.ru/problemu-necelovogo-rashodovaniya-alimentov> (дата обращения: 12.10.2025).
5. Иванова Е.А. Алименты как множественные деньги: контрибуция, обязательство или забота? // Экономическая социология. – 2018. – Т. 19, № 4. – С. 101–133.
6. Пилинцов А.В. Злоупотребление полномочиями законного представителя в алиментных правоотношениях // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 19. – С. 24–248.
7. Усачева Е.А. Злоупотребление правом в алиментных обязательствах // Глаголь Правосудия. – 2018. – № 2 (16). – С. 29–31.
8. Мастюкова К.А. Соглашение об уплате алиментов: правовая проблема плательщиков и их кредиторов // Аллея науки. – 2025. – Т. 2, № 1 (100). – С. 922–925.

References

1. *Tojbu-Haa A.M.* Abuse of the right as a violation of the limits of the exercise of subjective civil rights // *Bulletin of Science*. – 2025. – Vol. 2, No 11 (92). – Pp. 318–331.
2. *Bezrukova O.N., Samoylova V.A.* The Reasons for Fathers in Russia to Avoid Providing with Alimony? Divorced Fathers' Discourses on Mothers, Alimony Payments, and Family Policy. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. – 2025. – No 1. – Pp. 240–261.
3. *Shelepina E.A.* The principle of good faith in civil law: features of application in court and legal consequences // *Education and Law*. – 2019. – No 11. – Pp. 112–116.

⁹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/law/sk-rf/> (дата обращения: 11.10.2025).

4. *Kabobel' A.V.* Problems of inappropriate spending of alimony // Internet conference «Actual problems of Russian private law». – 2020. – URL: <https://conf.siblu.ru/problemy-necelovogo-rashodovaniya-alimentov> (date of request: 12.10.2025).
5. *Ivanova E.A.* Alimenty kak mnozhestvennye den'gi: kontributsiya, obyazatel'stvo ili zabota? // *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. – 2018. – Vol. 19, No 4. – Pp. 101–133.
6. *Pilintsov A.V.* Abuse of the powers of a legal representative in alimony legal relations // *Issues of Russian justice*. – 2022. – No 19. – Pp. 24–248.
7. *Usacheva E.A.* Abuse of the right in alimony obligations // *Glagol Pravosudiya*. – 2018. – No 2 (16). – Pp. 29–31.
8. *Mastyukova K.A.* Child support agreement: a legal issue for payers and their creditors // *Alley of Science*. – 2025. – T. 2, No 1 (100). – Pp. 922–925.

Статья поступила в редакцию: 03.12.2025.

Received: 03.12.2025.

Статья принята к публикации: 28.01.2026.

Accepted: 28.01.2026.

К ВОПРОСУ О ДОКАЗЫВАНИИ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В ДЕЛАХ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)¹

Забрасаев Владимир Сергеевич¹,
e-mail: zabrasaevvladimir@mail.ru,

Голышев Вадим Григорьевич^{1,2},
канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: WadimGG@mail.ru,

Егерова Олеся Александровна¹,
канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: oegerova@muiv.ru

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия,

²Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия

В статье рассматриваются ключевые аспекты механизма обеспечения требований кредиторов и защиты интересов должника в делах о несостоятельности (банкротстве). Правоприменительная практика и доктрина неоднозначно трактуют вопросы применения обеспечительных мер в делах о несостоятельности. Обеспечительные меры, с одной стороны, призваны гарантировать сохранность имущества должника и предотвратить его отчуждение, что служит интересам кредиторов. С другой стороны, необоснованное применение обеспечительных мер может парализовать деятельность должника, затронуть его интересы, затруднить проведение процедур банкротства и, как следствие, снизить шансы на удовлетворение требований кредиторов.

Проведен анализ правоприменительной практики и доктрины в части проблемных вопросов обеспечительных мер в делах о несостоятельности (банкротстве). Анализируется роль обеспечительных мер в защите прав кредиторов и должников, а также их влияние на эффективность процедур банкротства, а также рассмотрены два подхода к доказыванию оснований применения обеспечительных мер. Особое внимание уделяется балансу интересов сторон и возможным путям его достижения.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, обеспечительные меры, арбитражный суд, интересы должника, требования кредиторов, доказывание, злоупотребление правом

ON THE EVIDENTIARY NATURE OF THE APPLICATION OF INTERIM MEASURES IN INSOLVENCY (BANKRUPTCY) CASES

Zabrasaev V.S.¹,
e-mail: zabrasaevvladimir@mail.ru,

Golyshev V.G.^{1,2},
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: WadimGG@mail.ru,

Egereva O.A.¹,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: oegerova@muiv.ru

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

²Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

¹Статья подготовлена при информационной поддержке Справочно-правовой системы КонсультантПлюс.

The article discusses the key aspects of the mechanism for securing creditors' claims and protecting the debtor's interests in insolvency (bankruptcy) cases. Law enforcement practice and doctrine ambiguously interpret the application of interim measures in insolvency cases. Interim measures, on the one hand, are designed to guarantee the safety of the debtor's property and prevent its alienation, which serves the interests of creditors. On the other hand, the unjustified application of interim measures may paralyze the debtor's activities, affect his interests, make it difficult to conduct bankruptcy proceedings and, as a result, reduce the chances of satisfying creditors' claims. The analysis of law enforcement practice and doctrine regarding problematic issues of interim measures in insolvency (bankruptcy) cases is carried out. The role of interim measures in protecting the rights of creditors and debtors is analyzed, as well as their impact on the effectiveness of bankruptcy procedures, and two approaches to proving the grounds for applying interim measures are considered. Special attention is paid to the balance of interests of the parties and possible ways to achieve it.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: insolvency, bankruptcy, interim measures, arbitration court, interests of the debtor, claims of creditors, proof, abuse of law

Институт несостоятельности (банкротства) в отечественной правовой системе имеет довольно сложную правовую природу, что определяется не только спецификой субъектного состава участников данных правоотношений, но и особыми правилами регулирования весьма непростой системы отношений, складывающихся как внутри банкротящейся организации, так и с участием ее кредиторов и третьих лиц. В этой связи необходимо отметить особую роль специальных правовых институтов, обеспечивающих баланс интересов как кредиторов, так и должников. К числу таких институтов можно отнести институт обеспечительных мер, предусмотренный как нормами законодательства о банкротстве¹, так и нормами арбитражного процессуального законодательства².

Обеспечительные меры, безусловно, рассчитаны на их временный характер и по своей сути представляют собой меры, необходимые к принятию судом в целях обеспечения реализации исковых требований, либо способствующие сохранению существующего правового положения между сторонами [1, с. 217]. Вместе с тем, в делах о банкротстве обеспечительные меры имеют подобное предназначение, но на наш взгляд они носят более масштабный характер, поскольку их перечень шире, чем в статье 91 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ).

Судебная практика, касающаяся применения обеспечительных мер, предусмотренных арбитражным процессуальным законодательством, претерпела определенное эволюционное развитие, обусловленное совершенствованием правовых подходов и стандартов доказывания. Между тем, вопросы, связанные с необходимостью правовой оценки и применения данных мер при разрешении дел о банкротстве физических и юридических лиц не утрачивают своей актуальности [2, с. 107]. Подобные вопросы, например, возникают в связи с представлением и оценкой доказательств необходимости или целесообразности принятия тех или иных обеспечительных мер, а также их достаточности и надлежащей обоснованности. Вместе с тем, необходимо отметить, что эффективность таких мер непосредственно зависит от объективной возможности их исполнения.

При рассмотрении дел о несостоятельности перспективы реального принятия обеспечительных мер обуславливается представлением заявителем достаточных доказательств. Анализ правоприменительной практики свидетельствует о преобладании формального подхода к оценке доказательственной базы на стадии решения вопроса о принятии обеспечительных мер, что, как обоснованно отмечается в доктрине, препятствует формированию единообразных критериев их применения [3, с. 243]. Очевидно, что такое положение дел вряд ли можно считать нормальным и соответствующим ныне действующим стандартам судопроизводства. На это нам указывают многочисленные постановления Верховного Суда

¹ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О несостоятельности (банкротстве)» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² «Арбитражный процессуальный кодекс РФ» от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

РФ, ясно дающие понять всем уровням судебной системы на недопустимость формального отношения при отправлении правосудия³.

Обеспечительные меры в делах о несостоятельности принимаются на основании главы 8 АПК РФ с учетом особенностей, установленных Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». В отношении представляемых доказательств, подтверждающих необходимость и обоснованность принятия обеспечительных мер, необходимо учитывать требования, установленные частью 2 статьи 90 АПК РФ, – «непринятие обеспечительных мер сделает невозможным или существенно затруднит исполнение судебного акта, причинит значительный ущерб заявителю». Как следует из указанного положения, заявителю надлежит обосновать и подтвердить (то есть представить соответствующие доказательства) фактическую реальность наступления указанных в законе негативных последствий. Из указанных положений следует обязанность заявителя представить доказательства наличия обстоятельств, содержащихся в части 2 статьи 90 АПК РФ.

Согласно пункту 10 Постановления Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 55, обеспечительные меры относятся к ускоренным средствам защиты, соответственно, для их применения не требуется представления доказательств в том объеме, который был бы необходим в целях для обоснования заявителем требований и возражений по существу спора⁴. Соответственно, для принятия обеспечительных мер не требуется представление доказательств в объеме, необходимом для обоснования требований и возражений стороны по существу спора (применяется так называемый «пониженный стандарт доказывания»). Вместе с тем суды не редко отказывают заинтересованным участникам процесса в принятии соответствующих обеспечительных мер, в том числе и по причине того, что заявитель не доказал вероятность неисполнения должником судебного акта [4, с. 92].

В целях комплексного анализа проблемы доказывания обстоятельств, обосновывающих своевременность и необходимость принятия обеспечительных мер, целесообразно обратиться к правоприменительной практике Верховного Суда РФ. В одном из своих определений⁵ указанная высшая судебная инстанция указывает на необходимость достаточного подтверждения разумных подозрений, касающихся наличия оснований, установленных в части 2 статьи 90 АПК РФ.

Согласно данному правовому подходу, доказывание обстоятельств, являющихся основанием для принятия обеспечительных мер, вполне может не совпадать с объемом необходимого к предоставлению комплекса доказательств, касающихся существа спора [5, с. 23].

В другом определении Верховный Суд РФ изложил правовую позицию о принципиальной возможности заявителя в «упрощенном порядке (с точки зрения процесса доказывания)» добиться возбуждения дела о несостоятельности, а также принятия мер по обеспечению своего заявления в случае, если у него имеется судебное решение о взыскании задолженности⁶. Однако такая преференция требует взвешенного подхода. Упрощение процедуры доказывания для кредитора, обладающего судебным решением, может быть оправдано лишь при условии, что заявитель помимо факта наличия долга представит доказательства, свидетельствующие о недобросовестном поведении должника или совершаемых им действиях по сокрытию имущества. В противном случае автоматическое применение упрощенного стандарта доказывания способно нарушить баланс интересов сторон, предоставляя кредитору необоснованное преимущество и создавая предпосылки для злоупотребления процессуальными правами.

В этом контексте показательной является правовая позиция Верховного Суда РФ, изложенная в определении от 27.12.2018 № 305-ЭС17-4004(2)⁷ по делу о привлечении к субсидиарной ответствен-

³ См. напр.: «Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2025)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.12.2025); «Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2023)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023) и др.

⁴ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.10.2006 № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер». – URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/arbitration/18942/> (дата обращения: 10.11.2025).

⁵ Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16.01.2020 № 305-ЭС19-16954 по делу № А40-168999/2015. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16012020-n-305-es19-16954-po-delu-n-a40-1689992015/> (дата обращения: 10.11.2025).

⁶ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 08.02.2022 № 5-КГ21-140-К2. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-08022022-n-5-kg21-140-k2/> (дата обращения: 10.11.2025).

⁷ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.12.2018 № 305-ЭС17-4004(2) по делу № А40-80460/2015. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-27122018-n-305-es17-40042-po-delu-n-a40-804602015/> (дата обращения: 10.11.2025).

ности. Высшая судебная инстанция обоснованно указала на допустимость применения обеспечительных мер на основе «разумных подозрений» в ситуациях, где велик риск недобросовестных действий ответчика. Важно подчеркнуть, что в данном споре речь шла не о рядовом взыскании долга, а о специфическом деликтном требовании в рамках дела о банкротстве, где стандарт доказывания объективно не может быть столь же высоким, как в исковом производстве. Таким образом, ключевое значение приобретает не столько сам факт наличия судебного акта, сколько характер материально-правового требования и поведение сторон

По нашему мнению, само наличие судебного решения о взыскании долга лишь подтверждает факт существования долговых отношений между кредитором и должником. Само по себе такое судебное решение не должно предоставлять кредитору никаких особенных или дополнительных преимуществ в доказывании оснований для применения обеспечительных мер в соответствии с частью 2 статьи 90 АПК РФ. В таком случае, упрощение процедуры доказывания для кредитора, имеющего вступившее в силу решение суда о взыскании долга, нельзя считать оправданным и отвечающим требованию баланса интересов сторон [6, с. 134]. В этой связи полагаем, что необходимость предоставления доказательств невозможности исполнения судебного решения или ущерба, который может быть причинен кредитору не может быть заменена одним лишь фактом наличия судебного решения о взыскании долга.

Кредитор-заявитель в таком случае не должен находиться в привилегированном процессуальном положении и быть полностью освобожден от обязанности доказывать основания для принятия обеспечительных мер, предусмотренные статьей 90 АПК РФ.

Зачастую заявители, ходатайствуя о принятии обеспечительных мер, в обоснование необходимости принятия таких мер в виде запрета совершать какие-либо (в том числе регистрационные) действия ссылаются на такое обстоятельство, как сокрытие должником своего имущества. Так, в одном из дел конкурсный управляющий указал суду на распространенную практику сокрытия недобросовестными должниками своего имущества при их привлечении к субсидиарной ответственности по обязательствам банков-банкротов, что впоследствии делает невозможным исполнение судебного акта⁸. Конкурсный управляющий настаивал на том, что действия должника свидетельствуют о его недобросовестности и, как следствие, о высокой вероятности совершения им действий по сокрытию своего имущества. Однако суд признал заявление конкурсного управляющего необоснованным и не подлежащим удовлетворению, поскольку доводы, приведенные в ходатайстве, не подтверждены соответствующими доказательствами. В ходе дальнейшего рассмотрения указанного спора Верховный Суд РФ пояснил, что в силу вероятностного характера оснований обеспечительных мер несостоятелен отказ судов в их применении со ссылкой на то, что доводы конкурсного управляющего основаны на предположениях. Также Верховный Суд РФ отметил, что в судебных актах не содержится мотивированный вывод о том, что предположения конкурсного управляющего невероятны, лишены смысла, нелогичны, противоречат обычно складывающимся в подобной ситуации отношениям. Вероятность наступления событий, являющихся основанием обеспечительных мер, может подтверждаться, в том числе, объяснениями участвующего в деле лица (ч. 2 ст. 64 АПК РФ).

Кроме того, как отмечают в юридической литературе, в настоящее время в правоприменительной практике получили свое распространение доказательства в виде скриншотов страниц сайтов с объявлениями как физических, так и юридических лиц [7, с. 208]. В значительном количестве споров речь идет о сайтах в сети Интернет, на которых размещаются объявления о купле-продаже, аренде недвижимого или движимого имущества (например, «Авито», «ЦИАН»).

Проведенный анализ практики арбитражных судов округов за 2023-2025 гг. показал, что в 18 случаях (60%) суды приняли скриншоты в качестве допустимого доказательства, подтверждающего доводы заявителя о намерении ответчика реализовать имущество. В 12 случаях (40%) суды отказали в удовлетворении заявлений, мотивируя это невозможностью идентифицировать лицо, разместившее

⁸ Определение Арбитражного суда города Москвы от 27.05.2016 по делу № А40-80460/15-18-373 Б. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/56be82a1-bac1-41a9-a716-21f73458cd71/33e97d26-7838-479d-bc63-afbef8e72b49/A40-80460-2015_20160527_Opreделение.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 10.11.2025).

объявление, и время размещения информации. Данная статистика подтверждает тезис о сохранении неопределенности в оценке подобного рода доказательств и отсутствии единообразных стандартов их проверки.

Заявитель, ходатайствуя о принятии обеспечительных мер, прилагает к своему заявлению скриншоты объявлений о продаже спорного имущества с интернет-сайтов. Вероятно, что посредством таких действий заявитель намерен доказать тот факт, что ответчик совершает действия, направленные на реализацию имущества, чем, собственно, и наносит ущерб имущественным интересам заявителя, что в конечном итоге способно затруднить исполнение судебного решения.

Однако, в этой связи необходимо заметить, что использование таких скриншотов в качестве средств доказывания способно вызвать ряд процессуальных вопросов, а также и неоднозначную оценку их достоверности. В связи с изложенным необходимо отметить, что и реальная правоприменительная практика не выработала однозначного подхода в вопросе о квалификации таких скриншотов в качестве надлежащего доказательства. В одном случае такие заявления удовлетворяются судами⁹, в другом – нет¹⁰. Вместе с тем, необходимо учитывать и следующее – помимо довода о действиях ответчика по распоряжению спорным имуществом, существует и риск возникновения ситуации, когда спорное имущество будет приобретено добросовестным приобретателем из-за своевременного непринятия обеспечительных мер, запрещающих регистрационные действия. Такая ситуация может сделать исполнение судебного акта невозможным.

Одним из базовых принципов, определяющих особенности и пределы допускаемой законом реализации гражданских прав и обязанностей участников гражданского оборота является правило, согласно которому запрещается осуществление действий граждан и юридических лиц исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах (в статье 10 Гражданского кодекса РФ¹¹). Таким образом, злоупотребление правом, представляет собой противоправное деяние, влекущее применения мер юридической ответственности [8, с. 44–50]. Кроме того, данный принцип распространяется не только на гражданско-правовые, но и на иные, в т.ч. и процессуальные отношения. В этой связи целесообразно отметить, что по справедливым оценкам, имеющим место в юридической литературе, принцип недопустимости злоупотребления правом в полной мере может быть отнесен и к сфере применения обеспечительных мер, поскольку арбитражный процесс, основанный на принципе равноправия сторон, требует соблюдения указанного правила, в частности, в случае применения обеспечительных мер для соблюдения прав и законных интересов сторон [9, с. 407]. Более того, В.Ф. Яковлев особо отмечал то обстоятельство, что «обеспечительные меры – это, с одной стороны, очень эффективный способ защиты прав и интересов сторон, но, с другой стороны, это и возможность злоупотребления процессуальными правами с целью нанесения серьезного экономического ущерба своим контрагентам»¹².

Основываясь на вышеизложенном, представляется возможным выделить два подхода к доказыванию оснований применения обеспечительных мер¹³:

1) подход «повышенного стандарта доказывания», согласно которому заявитель должен доказать наличие одного из следующих обстоятельств: непринятие обеспечительных мер может затруднить или сделать невозможным исполнение судебного акта; испрашиваемые меры направлены на предотвращение причинения значительного ущерба заявителю.

⁹ Определение Арбитражного суда города Москвы от 26.09.2022 по делу № А40-68765/20-36-125«Ф». – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/737d5283-0ac4-41fd-aa89-d99504e71baf/7d6bb422-8bd6-4c91-b971-a65a7b81daf0/A40-68765-2020_20220926_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 11.11.2023).

¹⁰ Определение Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.12.2022 по делу №А52-4147/2022. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9dd4d823-18cc-4e4b-8e65-5769991097cc/b24b07ba-ee5d-4ec8-adc0-798b0d061edf/A52-4147-2022_20221227_ (дата обращения: 11.11.2025).

¹¹ Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² Об итогах работы арбитражных судов в 2003 году и основных задачах на 2004 год (доклад Председателя ВАС РФ В.Ф. Яковлева на совещании председателей арбитражных судов 11 февраля 2004 г.) // <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=107&issid=1072004004000&docid=3>.

¹³ Особенности обеспечительных мер в делах о несостоятельности (банкротстве). – URL: https://zakon.ru/blog/2021/1/18/osobennosti_obespechitelnyh_mer_v_delah_o_nesostoyatelnosti_bankrotstve (дата обращения: 11.11.2025).

Однако, поскольку основания для применения обеспечительных мер имеют вероятностный характер, отказ судов в их применении со ссылкой на то, что доводы заявителя основаны на предположениях, несостоятелен. Суд должен обосновать выводы о том, что предположения заявителя надуманны, невероятны, лишены смысла, нелогичны, нереальны, противоречат обычно складывающимся в подобной ситуации отношениям;

2) подход «упрощенного режима доказывания», согласно которому обеспечительные меры рассматриваются как ускоренное и предварительное средство защиты, поэтому правила доказывания их оснований отличаются от тех, что применяются при доказывании обстоятельств по существу судебного спора. Поэтому достаточно лишь «разумных подозрений», что исполнение итогового судебного акта может быть затруднено или невозможно (т.е. оснований, предусмотренных ч. 2 ст. 90 АПК РФ).

Существование обоих, указанных выше подходов, указывает по нашему мнению на несовершенство процессуального законодательства, и создает неопределенность в правоприменительной практике. Такое положение дел представляется нам недопустимым и противоречащим смыслу правового регулирования. Не случайно председатель Верховного Суда России Игорь Краснов в ходе заседания Высшей квалификационной коллегии судей РФ, состоявшейся в декабре 2025 г., поручил обеспечить предсказуемость судебной практики¹⁴, что на наш взгляд лишь подчеркивает чрезвычайность и острую необходимость обеспечения верховенства закона и эффективность работы всей правоприменительной системы [10].

Полагаем также, что указанная выше неопределенность может быть снята обобщающим разъяснением со стороны Верховного Суда РФ, определяющим базовую правоприменительную линию по вопросам применения обеспечительных мер в правоотношениях с участием банкротящегося должника.

Список литературы

1. Митрофанов Н.В. Обеспечительные меры в деле о банкротстве // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако: материалы V Международной научно-практической конференции: в 2 т., Тамбов, 28–29 мая 2021 года. Т. 2. – Тамбов: Державинский, 2021. – С. 217–219.
2. Абдулов И.В. Проблемы доказывания наличия оснований для принятия обеспечительных мер в арбитражном процессе // Вестник экономического правосудия РФ. – 2016. – № 10. – С. 106–119.
3. Алфимова А.С. Обеспечительные меры в делах о банкротстве: применить нельзя отказать // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11, № 2А. – С. 242–250.
4. Тай Ю.В., Бudyлин С.Л. Обеспечительные меры. Как нам обустроить Россию?! // Вестник гражданского процесса. – 2020. – Т. 10, № 4. – С. 89–130.
5. Бакулин А.Ф., Кузьмина А.В. Обеспечение иска по гражданско-правовому спору в арбитражном процессе // Марийский юридический вестник. – 2022. – № 1(37). – С. 22–27.
6. Бусыгин А.А. Баланс интересов сторон в процедуре внесудебного банкротства граждан // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 2 (218). – С. 133–135.
7. Пивцаева В.Ю. Правовые проблемы упрощения предоставления доказательств в случае применения обеспечительных мер по делам о несостоятельности (банкротстве) // Образование и право. – 2023. – № 3. – С. 206–211.
8. Гольшиев В.Г., Гольшиева А.В. К вопросу о противоправности как выражении нормативной недозволенности // Вестник московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2011. – № 3. С. 44–50.
9. Башилов Б.И. Процессуальные особенности доказывания оснований принятия обеспечительных мер по корпоративным спорам // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 4. – С. 406–409.
10. Гольшиев В.Г., Гольшиева А.В., Слюсаренко Т.В. О некоторых теоретических и прикладных аспектах процедуры медиации // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2026. – № 1 (49). – С. 71–77.

¹⁴ См., напр.: Краснов поручил обеспечить предсказуемость судебной практики. – URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20251229/311481841.html (дата обращения: 02.01.2026); или: Игорь Краснов на заседании ВККС РФ подчеркнул важность единых подходов к правоприменению / https://www.vsrfr.ru/press_center/news/35297/ (дата обращения: 02.01.2026).

References

1. *Mitrofanov N.V.* Interim measures in the bankruptcy case // Tambov legal readings named after F.N. Plevako: Materials of the V International Scientific and Practical Conference: In 2 T., Tambov, May 28–29, 2021. Vol. 2. – Tambov: Derzhavinsky, 2021. – Pp. 217–219.
2. *Abdulov I.V.* Problems of proving the existence of grounds for taking interim measures in the arbitration process // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. – 2016. – No. 10. – Pp. 106–119.
3. *Alfimova A.S.* Interim measures in bankruptcy cases: it is impossible to refuse to apply // Issues of Russian and international law. – 2021. – Vol. 11, No. 2A. – Pp. 242–250.
4. *Tai Yu.V., Budylin S.L.* Interim measures. How do we equip Russia? // Bulletin of the civil process. – 2020. – T. 10, No. 4. – Pp. 89–130.
5. *Bakulin A.F., Kuzmina A.V.* Securing a claim on a civil dispute in an arbitration process // Mari Legal Bulletin. – 2022. – No. 1(37). – Pp. 22–27.
6. *Busygin A.A.* Balance of interests of the parties in the procedure of extrajudicial bankruptcy of citizens // Law and state: theory and practice. – 2023. – No. 2 (218). – Pp. 133–135.
7. *Pivtsaeva V.Yu.* Legal problems of simplifying the provision of evidence in the case of interim measures in insolvency (bankruptcy) cases // Education and law. – 2023. – No. 3. – Pp. 206–211.
8. *Golyshev V.G., Golysheva A.V.* On the issue of illegality as an expression of normative inadmissibility // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. – 2011. – No. 3. – Pp. 44–50.
9. *Bashilov B.I.* Procedural features of proving the grounds for taking interim measures in corporate disputes // Gaps in Russian legislation. – 2018. – No. 4. – Pp. 406–409.
10. *Golyshev V.G., Golysheva A.V., Slyusarenko T.V.* On some theoretical and applied aspects of the mediation procedure // Bulletin of Moscow University named after S.Yu. Witte. Series 2: Legal Sciences. – 2026. – No. 1 (49). – Pp. 71–77.

Статья поступила в редакцию: 02.03.2026.

Received: 02.03.2026.

Статья принята к публикации: 27.03.2026.

Accepted: 27.03.2026.

Научный журнал «Вестник
Московского университета
им. С.Ю. Витте. Серия 2.
Юридические науки»
приглашает авторов
к публикации результатов
научных исследований

Журнал включен в
Перечень рецензируемых
научных изданий ВАК

- Публикация статей на русском и английском языках
- Все статьи проходят процедуру одностороннего слепого рецензирования
- Каждой статье присваивается международный идентификатор DOI
- Плата за публикацию с авторов не взимается

Подробная информация
на сайте журнала:
<https://vestnik-muiv.ru/>

Научный журнал «Вестник
Московского университета
им. С.Ю. Витте. Серия 1.
Экономика и управление»
приглашает авторов к
публикации результатов
научных исследований

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий
ВАК и Белый список (ЕГПНИ)

Публикация статей на русском и английском языках

Все статьи проходят процедуру одностороннего слепого рецензирования

Каждой статье присваивается международный идентификатор DOI

Плата за публикацию с авторов не взимается

Подробная информация
на сайте журнала:
<https://vestnik-muiv.ru/>

Научный журнал «Образовательные ресурсы и технологии» приглашает авторов к публикации результатов научных исследований

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК и Белый список (ЕГПНИ)

- Публикация статей на русском и английском языках
- Все статьи проходят процедуру одностороннего слепого рецензирования
- Каждой статье присваивается международный идентификатор DOI
- Плата за публикацию с авторов не взимается

Подробная информация на сайте журнала:
<https://vestnik-muiv.ru/>

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте
Серия 2. Юридические науки
№ 2 (50)' 2026

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Редактор и корректор	<i>Альтенгоф А.А.</i>
Компьютерная верстка	<i>Савеличев М.Ю.</i>
Переводчик	<i>Грибов В.В.</i>

Электронное издание.

Подписано в тираж 28.06.2026.

Печ. л. 12,13. Усл.-печ. л. 11,3. Уч.-изд. л. 8,6.

Объем 6,43 Мб. Тираж – 500 (первый завод – 30) экз. Заказ 26-0003.

Отпечатано в ООО «СиДи Мейкер»,
121354, г. Москва, ул. Витебская, д. 9, стр. 15, тел. 8 (499) 877-13-78.

Макет подготовлен в издательстве электронных научных журналов
ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте»,
115432, Россия, Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1,
тел. 8 (495) 783-68-48, доб. 53-53.